

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/2008

ISSN 0131-2812

К итогам 1-й сессии
ВСНП 11-го созыва

●
Монголия и Соединенные
Штаты Америки

●
Результаты выборов на Тайване

●
Лишь Ифу — главный
экономист Всемирного банка

●
Перспективы поставок
природного газа из России в АТР

●
Станет ли “зеленой”
Олимпиада в Пекине?

1-2 2008

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/2008

Май - Июнь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- Я. Бергер.* Административно-политическое обновление государственной власти в Китае (к итогам 1-й сессии ВСНП 11-го созыва)..... 7
- А. Тулохонов.* Политическая география и трансграничные отношения в Великой Степи..... 20
- Г. Яскина.* Монголия и Соединенные Штаты Америки: на пути к сближению..... 26
- А. Ларин.* К итогам всеобщих выборов на Тайване. Настало время перемен?..... 35

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- О. Залесская.* Государственная торговля советского Дальнего Востока с Северо-Восточным Китаем в 1920-е г. 43

ЭКОНОМИКА

- О. Борох.* Линь Ифу — главный экономист Всемирного банка..... 58
- А. Конторович, А. Коржубасев, Л. Эдер.* Перспективы поставок природного газа из России в страны АТР: ресурсные, технологические и геополитические факторы..... 70

© Российская академия наук, 2008 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2008 г.

1.22 2008.

<i>С. Кузнецов.</i> Инновации в транспортной отрасли КНР.....	84
<i>Хон Ван Сок, Г. Белокурова.</i> Российско-южнокорейское экономическое сотрудничество: перспективы и ограничения	95

ОБЩЕСТВО

<i>Е. Бирюлин.</i> Станет ли “зеленой” Олимпиада в Пекине?	107
<i>Л. Ходов.</i> “Лас Вегас” в Восточной Азии	117
<i>В. Ганшин, Г. Торгейрсдоттир.</i> Новый взгляд на знакомые понятия.....	126

ИСТОРИЯ

<i>С. Александров.</i> Помощь Советского Союза национальным армиям в Северном Китае в 1925 — 1927 гг.....	133
<i>И. Захаренко.</i> Политические результаты географических экспедиций в Приамурский пограничный регион в середине XIX века	145

КУЛЬТУРА

<i>Лю Ядин.</i> Образы китайской культуры в русской прозе 1980-2000-х гг.....	156
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>К. Асмолов.</i> О XII конференции корееведов России и стран СНГ.....	159
---	-----

НАШИ РЕФЕРАТЫ

<i>Ли Фэнлинъ.</i> Из истории китайско-советских отношений (1917-1991 гг.).....	164
---	-----

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	174
--------------------------------	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>А. Юркевич.</i> Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР.....	176
<i>А. Виноградов.</i> Представляем журнал Global Asia	181
<i>Вл. Ф. Ли.</i> Толстокулаков И.А. Политическая модернизация Южной Кореи.....	185

НАШ ЮБИЛЯР

Андрею Сергеевичу Крушинскому — 75 лет.....	188
---	-----

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Ю.М. Гарушняц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, А.В. Островский, В.Н. Павлятенко, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

Статьи этого номера

Я. Бергер. Административно-политическое обновление государственной власти в Китае (к итогам 1-й сессии ВСНП 11-го созыва)

1-я сессия ВСНП 11-го созыва завершила формирование обновленного состава руководства КНР. Доклад о работе правительства свидетельствовал об успехах экономики в истекшем пятилетии. Вместе с тем отмечена растущая угроза инфляции. Под девизом создания "больших министерств" сессия дала старт новому этапу реорганизации китайского правительства. Административная реформа рассматривается как составная часть реформы политической. Однако по конкретным вопросам реорганизации правительства в руководстве страны и экспертном сообществе существуют разногласия. В целом, отмечает автор, сессия ВСНП, открывшая новый пятилетний цикл деятельности высшего законодательного органа, стоявшие перед ней задачи выполнила. Это создает предпосылки для дальнейшего устойчивого движения к достижению намеченных на среднесрочную и долгосрочную перспективу целей.

А. Тулохонов. Политическая география и трансграничные отношения в Великой степи

В условиях геополитического давления Запада Россия укрепляет свои позиции в Азии. Для этого необходимо создать прочный экономический фундамент. Развитие экономики приграничных территорий требует закрепления на них сельского населения. Автор предлагает в этих целях возродить систему кочевничества (кочевое) животноводства, традиционного для монголоязычных народов. Рассматриваются также меры по улучшению экологической ситуации и развитию туризма на Байкальской природной территории.

Г. Яскина. Монголия и Соединенные Штаты Америки: на пути к сближению

В статье рассматриваются основные аспекты политики "третьего соседа", проводимой Монголией, прежде всего, в отношениях с США, а также главные составляющие современных монголо-американских связей. Подробно характеризуется американская помощь этой стране в контексте стратегических интересов США в азиатском регионе.

А. Ларин. К итогам всеобщих выборов на Тайване. Настало время перемен?

В статье подводятся итоги всеобщих выборов на Тайване, которые серьезно изменили баланс политических сил на острове и создали предпосылки для радикального обновления отношений между двумя берегами Тайваньского пролива.

О. Залесская. Государственная торговля советского Дальнего Востока с Северо-Восточным Китаем в 1920-е гг.

После завершения в 1922 г. гражданской войны на Дальнем Востоке одной из актуальных задач новообразованной Дальневосточной области РСФСР стало упорядочение экономических связей с Северо-Восточным Китаем. Это предопределялось сильной зависимостью рынка ДВО от китайских потребительских товаров, а также разгулом контрабандной торговли. Как показывает автор, двусторонним интересам способствовали, в частности, меры по снижению таможенных тарифных ставок. Успех сопутствовал и хозяйственной деятельности КВЖД на принципах совместной советско-китайской эксплуатации. Процесс налаживания взаимовыгодных связей был сорван из-за серии инцидентов 1927—1929 гг., включая нападения на советские дипломатические представительства в разных городах Китая.

О. Борох. Линь Ифу — главный экономист Всемирного банка

Назначение известного китайского ученого Линь Ифу на должность главного экономиста Всемирного банка стало беспрецедентным событием в истории этой влиятельной международной финансовой организации. В статье рассматриваются причины данного кадрового решения, связанного как с научными достижениями китайского экономиста, так и с желанием банка адаптировать свою политику к реальным нуждам развивающихся стран. Особое внимание уделено анализу подходов Линь Ифу к разработке новой теоретической системы экономики развития с учетом опыта Китая. Назначение профессора Пекинского университета на руководящий пост во Всемирный банк отразило рост внимания международных финансовых организаций к успеху китайского пути преобразований, став свидетельством усиления роли Китая в формировании глобального экономического порядка.

А. Конторович, А. Коржубаев, Л. Эдер. Перспективы поставок природного газа из России в страны АТР: ресурсные, технологические и геополитические факторы

В статье определены и обоснованы количественные ориентиры и принципиальные условия организации поставок газа на новые восточные рынки, а также связанные с этим проблемы и угрозы. На основе исследования состояния и тенденций развития российской газовой промышленности, обзора аналитических и информационных материалов, касающихся функционирования систем газобеспечения стран АТР, прежде всего, Северо-Восточной Азии (СВА), дается обоснование перспектив сотрудничества со странами региона в газовой сфере. Материал подготовлен с использованием публикаций в российских и зарубежных СМИ, включая электронные, а также сведений, полученных в результате непосредственного изучения производственных и инфраструктурных объектов в странах СВА.

С. Кузнецов. Инновации в транспортной отрасли КНР

Транспортная отрасль представляет собой одну из основных составляющих экономической инфраструктуры КНР. В статье содержится краткая характеристика отрасли, показано одно из внушительных достижений — недавно завершившаяся прокладка самой высокогорной в мире стальной магистрали Голмуд-Лхаса. Не оставлены без внимания и многочисленные проблемы. Автор предлагает свое видение инновационной модели развития транспортной отрасли КНР.

Хон Ван Сок, Г. Белокурова. Российско-южнокорейское экономическое сотрудничество: перспективы и ограничения

В статье предпринята попытка объективно оценить существующий потенциал российско-южнокорейского экономического сотрудничества. Проведен анализ текущей макроэкономической ситуации в обеих странах, выделены основные приоритеты экономического развития, нашедшие отражение в параметрах государственной политики, дана оценка потенциальной конфликтности экономических интересов.

Е. Бирюлин. Станет ли “зеленой” Олимпиада в Пекине?

Предстоящие Олимпийские игры 2008 г. в Пекине — не только крупнейший мировой спортивный форум, но и важнейшее общественно-политическое событие для Китая, значение которого невозможно переоценить. Успех этого мероприятия будет означать выдвижение КНР на новый, гораздо более высокий уровень международного влияния, станет действенным подтверждением успеха политики “открытости” и реформ, проводимой в стране на протяжении двух с лишним десятилетий. Однако обстановка для всемирных игр не во всем складывается благоприятно. Серьезной проблемой является неуклонно ухудшавшаяся в последние годы экологическая ситуация в столице КНР. Состояние воздушного бассейна Пекина в отдельные периоды было настолько плохим, что исключало успешное проведение массовых спортивных мероприятий. Кроме того, наблюдались сложности в снабжении города питьевой водой. Поэтому правительство Китая приняло решение сделать главным в комплексе подготовки к Олимпийским играм экологический аспект — провести т.н. “зеленую Олимпиаду”. На это были выделены огромные средства, опробованы такие радикальные и дорогостоящие меры, как сокращение движения транспорта в столице, вывод за пределы города и закрытие ряда промышленных предприятий, переброска водных ресурсов из соседних регионов, массовое озеленение и т.п. Есть все основания надеяться, что эта деятельность даст необходимый эффект, и Олимпийские игры 2008 г. в Пекине пройдут с большим успехом.

Л. Ходов. “Лас Вегас” в Восточной Азии

Правительства многих стран мира стремятся использовать вечную страсть определенной части человечества к азартным играм как источник доходов. Игорный бизнес, с одной стороны, используется для пополнения бюджетных средств и обеспечивает приток капиталов в отдельные регионы, как это имеет место в Лас-Вегасе (США), Монте Карло (Монако) и Баден-Бадене (ФРГ). С другой стороны, распространение азартных игр порождает нездоровые явления в социальной жизни, ухудшает криминогенную обстановку.

Опыт государственного регулирования игорного бизнеса важен для нашей страны, где правительство принимает меры по установлению жесткого контроля над ним и его локализации. Предлагаемая статья посвящена опыту формирования международной зоны азартных игр в Макао — бывшей португальской колонии на территории Китая — и преобразованию этого анклава в мировой туристический, развлекательный, выставочный и культурный центр Юго-Восточной Азии.

В. Ганшин. Г. Торгейрсдоттир. Новый взгляд на знакомые понятия

Экономические успехи Китая за тридцать лет кардинальных перемен вызывают у одних восхищение, у других — удивление, а у кого-то — тревогу и опасения. Меньше говорится о политических, социальных процессах, сопутствующих ходу реформ. А между тем в стране формируются новые принципы взаимоотношений между отдельными людьми, группами населения, между государством и обществом в целом. В предлагаемой работе авторы высказывают свою точку зрения на уже знакомые понятия, на специфику их осмысления в условиях китайской действительности.

С. Александров. Помощь Советского Союза национальным армиям в Северном Китае в 1925—1927 гг.

В статье на основе новых, вводимых автором в научный оборот архивных материалов рассматриваются различные аспекты помощи СССР национальным армиям в Северном Китае в 1925—1927 гг. Особое внимание уделено работе советских военных советников и их взаимоотношениям с командованием национальных армий.

И. Захаренко. Политические результаты географических экспедиций в Приамурский пограничный регион в середине XIX в.

Автор статьи на протяжении 14 лет службы на Дальнем Востоке занимался географическим, топогеодезическим и картографическим изучением региона. На основании личного опыта и наблюдений, а также работы в архивах Владивостока, Хабаровска, Читы, Улан-Удэ, Иркутска, Омска, Москвы и Санкт-Петербурга он предпринимает попытку воссоздания целостной картины формирования и картографического изучения ряда районов российско-китайской границы.

Лю Ядин. Образы китайской культуры в русской прозе 1980—2000-х гг.

В статье освещается проблема непосредственного влияния китайской культуры на современную русскую прозу. В качестве примера автор приводит произведения В. Варжапетяна, С. Торопцева, Ф. Искандера, В. Пелевина и других. На основе их анализа он делает вывод о том, что влияние китайской культуры на современную русскую литературу является весьма многосторонним, затрагивает содержание, сюжет, композицию и образный ряд произведений.

Политика

Административно-политическое обновление государственной власти в Китае (к итогам 1-й сессии ВСНП 11-го созыва)

© 2008

Я. Бергер

Раз в пять лет в Китае персонально обновляется состав всех органов законодательной и совещательной властей на разных ее уровнях, включая Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) и Всекитайский комитет Народного политического совета Китая (ВК НПКСК). На такой же пятилетний срок официально назначаются или заново утверждаются (через раз) главные руководители всех ветвей государственной власти.

Постадийная и предсказуемая смена правящей элиты: сперва в партии, а затем в иных подконтрольных ей институтах — важная характеристика функционирования китайской политической системы. Она составляет немаловажный фундамент и залог устойчивости этой системы и общественных порядков в целом.

Еще в начале 80-х годов прошлого века Дэн Сяопин, придя к власти в преклонном возрасте, создал механизм, обеспечивающий перманентное обновление и омоложение правящей элиты, а заодно и качественное ее совершенствование. Передача власти от старшей генерации руководителей к более молодой предполагает консенсус, вырабатываемый в ходе многочисленных согласований, взаимных уступок и торга. Но зато она обеспечивает длительное бескризисное функционирование политического режима.

Весенняя сессия ВСНП 2008 г., открывшая очередной, одиннадцатый пятилетний цикл деятельности этого органа, завершила собой промежуточный этап передвижек в китайском руководстве, когда фигуры первого ранга остаются на своих постах, но в орбиту верховной власти вводятся более молодые лидеры, которым предстоит возглавить нацию через пятилетие.

Наряду с этим сессии ВСНП, как собирающиеся раз в пять лет, так и ежегодные, исполняют и иные функции. Они заслушивают отчеты о работе правительства, Верховного суда, Верховной прокуратуры, принимают очередные планы социально-экономического развития, утверждают наиболее важные законы и поправки к Конституции.

Так происходило и на сей раз. На очередной пятилетний срок избран Председатель КНР Ху Цзиньтао. Через пять лет ему предстоит уступить пост главы партии и государства избранному на нынешней сессии его заместителем Си Цзиньпину. Должность главы правительства сохранилась за Вэнь Цзябао, ко-

тогого также через пять лет, скорее всего, сменит один из четырех нынешних заместителей. Больше всех шансы на это имеет Ли Кэцян. Он самый молодой (53 года) и единственный в правительстве, кто, кроме Вэнь Цзябао, входит в высший партийный орган из девяти человек — Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК. Ли Кэцян, имеющий диплом юридического факультета Пекинского университета, начал карьеру, как и Ху Цзиньтао, с позиции руководителя комсомола, в 43 года стал самым молодым и первым имеющим докторскую степень губернатором, а затем в 47 лет — самым молодым секретарем провинциального парткома.

Доклад о работе правительства представил немало свидетельств успешного роста экономики в истекшем пятилетии. В 2007 г. по объему ВВП Китай передвинулся с шестого на четвертое место в мире. Он мог бы обойти и Германию, если бы не значительное повышение стоимости европейской валюты. Ни одна страна в мире теперь не может сравниться с Китаем по размерам валютных резервов, достигших 1,5 трлн долл. Китай утвердился на третьем месте в мире по объему внешней торговли. За пятилетие почти вдвое выросли среднедушевые доходы городского населения. Намного больше стали выделять государственных средств на нужды деревни, образования, науки, медицины, социального обеспечения. Существенно продвинулась реализация ряда важных экономических реформ.

Вместе с тем сегодня самый больной вопрос для населения и для правительства — быстрый рост цен. В 2007 г. индекс потребительских цен увеличился на 4,8%. При этом рост цен на продовольствие составил 12,3%, в т.ч. на птицу — 31,7%, на яйца — 21,8%. Это — самый большой ценовой скачок после кризисного 1997 г. В начале 2008 г. рост потребительских цен еще более ускорился. В январе он составил 7,1%, в феврале — 8,7%. Причем стоимость продовольственных товаров в феврале повысилась на 23,3%, в т.ч. свинины — на 63,4%, овощей — на 46%. Отчасти это было вызвано повышенными расходами населения из-за празднования китайского Нового года, а также необычно суровыми морозами и снегопадами во многих районах Китая, что привело к перебоям в работе транспорта. Но сказался и рост мировых цен на зерно и нефть.

Удержание инфляции на уровне 4,8% Вэнь Цзябао назвал первой задачей правительства, признав, однако, трудность ее выполнения. Объявляя о стремлении не превысить эту сравнительно низкую планку, он фактически признал, что его цель — сдерживать опасные инфляционные ожидания, которые сами по себе способны подталкивать рост цен.

Самая главная трудность состоит в том, что Китай ради снижения темпов инфляции не может существенно замедлить темпы роста. В противном случае грозит увеличение безработицы. Китаю нужно, не допуская дальнейшего разгона инфляции, ежегодно создавать не менее 10 млн новых рабочих мест. В этой ситуации остро стоит проблема срочной защиты бедных семей от роста цен. Инфляция фактически съедает у них весь рост доходов, увеличивая еще более пропасть между бедными и богатыми.

В отчетном докладе о работе правительства премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао уделил внимание также проблемам строительства правового государства и демократизации политической системы. Речь шла об усилении общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти, об участии общественности в законотворчестве и о развитии низового самоуправления. Особо были выделены задачи по реформированию системы административного управления, рационализации правительственных функций, совер-

шенствованию надзора за деятельностью административных властей и борьбы с коррупцией аппарата.

Значение этого направления деятельности китайского руководства подчеркивается также тем обстоятельством, что оно стало одним из первоочередных объектов внимания обновленного состава руководства правящей партии после ее XVII съезда. На 4-й сессии коллективной учебы Политбюро ЦК КПК в феврале 2008 г. Ху Цзиньтао назвал создание правительства сервисного типа важной задачей ускорения реформы административного управления и самоорганизации правительства. Основными правительственными функциями, по его словам, становятся: регулирование экономики, надзор за рынком, социальное управление и оказание публичных услуг. Особое значение приобретают две последних функции.

Один из ведущих идеологов создания “правительства сервисного типа” Чи Фулинь считает административную реформу, в центре которой находится создание системы “больших министерств”, главным прорывом на пути к всеобъемлющей реформе экономических, социальных, политических и культурных структур. Речь идет не просто об изменении функций правительства, но об изменении его типа. Именно система “больших министерств”, с этой точки зрения, отличает нынешний этап административной реформы от всех предыдущих. Создание “больших министерств” непосредственно связывается с изменением модели экономического развития. Сохранение в руках правительства распоряжения основными ресурсами, по мнению Чи Фулиня, делает невозможным реформирование монополий и затрудняет переход от экономического развития, ведомого правительством, к рыночному развитию. Если прежде целью реорганизации правительства были рационализация структуры, сокращение штатов, повышение эффективности администрирования, то теперь главная задача — совершенствование публичного управления.

Эта задача расшифровывается тремя главными требованиями: 1. широкое общественное участие и контроль, 2. разделение и баланс процессов принятия решений, их исполнения и контроля, 3. устранение структурной и организационной коррупции. Структурная неразделенность функций по принятию решений, их исполнению и контролю часто ведет к тому, что решения Центра эффективно не исполняются, что политические решения подчас далеки от совершенства, что бывает трудно найти тех, кто должен нести ответственность. Сильных субъектов, принимающих решения, не хватает. На практике функция принятия решений часто превращается в функцию исполнительскую, их неразделенность служит важной причиной организационной коррупции. Чи Фулинь настаивает на наличии непосредственной связи между структурной реформой административного управления и реформой политических структур, затрагивающей в том числе и некоторые важные проблемы отношений между партией и правительством¹.

Фактически можно сказать, что речь идет о создании предпосылок для создания такой системы, которая предполагала бы институциональное разделение законодательной, исполнительной и контрольной властей, а также наличие сдержек и противовесов, что не может не напоминать в известной мере системы, реально существующие в развитых странах, хотя, конечно, гласно это не признают.

Состоявшийся накануне весенней (2008 г.) сессии ВСНП 2-й пленум ЦК КПК нового созыва принял два важных документа по административной реформе: “Мнение об углублении реформы административно-управленческой системы” и “Проект реформы органов Госсовета”. Как обычно в таких случаях, доку-

менты долго готовились в обстановке секретности специальным ведомством, отвечающим за штатные перемены в Госсовете КНР. Во избежание утечки информации оно заслушивало в двусторонних встречах точку зрения ответственных лиц заинтересованных ведомств, не обнаруживая своей позиции. Затем проекты решений были рассмотрены и одобрены на заседании Политбюро ЦК КПК и пленума, после чего проект реформы был внесен в высший законодательный орган и утвержден им.

Таким образом, 1-я сессия ВСНП 11-го созыва официально дала старт новому этапу реорганизации китайского правительства. Если оставить пока в стороне амбициозные и рассчитанные на дальнюю перспективу установки, о которых речь шла выше, то непосредственно реорганизация нацелена на сокращение параллелизма и дублирования в деятельности различных звеньев правительственного аппарата, на более рациональное ее размежевание по сферам и функциям и, тем самым, на повышение ее эффективности. С нынешним раундом правительственной реорганизации, который проходит под девизом создания "больших министерств", связывают также немалые надежды на ограничение чиновничьей коррупции.

В ситуации, когда государство остается главной движущей силой рыночных реформ, нередко возникают коллизии между интересами нации, с одной стороны, и ведомственных или местных чиновников — с другой. Подчас частные интересы берут верх, а национальные — отодвигаются на задний план. Рыночные реформы начинают служить узкой корысти.

Примеров тому немало. Принятие таких важных общегосударственных законов, как например антимонопольного, затянулось на многие годы, а проталкивались же те, что были выгодны т.н. "группам интересов". В монополизированных отраслях работники получают в два-три раза больше, чем в немонополизированных, а с учетом прочих бонусов и льгот разница становится пятикратной или даже десятикратной. В монопольных отраслях занято немногим более 8 млн чел., или всего 8% всех рабочих и служащих, но на их долю приходится 55% заработной платы и дополнительных выплат. Функции разных ведомств дублируются и пересекаются, особенно там, где у них наибольший интерес, например, при разруливании финансовых потоков. Менее же интересные для них участки остаются вне поля зрения.

Нынешняя административная реформа далеко не первая в истории пореформенного Китая. Пять раз стремились унаследованную от плановой экономики модель управления сделать более эффективной, приспособить к требованиям рынка. Правительственный аппарат сокращали, но он нередко снова разбухал, его опять сокращали, и все возвращалось на круги своя. Несмотря на проведенные реформы, Китай все еще лидирует в мире по административным затратам. В 2005 г. на долю административных расходов приходилось 24% расходной части консолидированного бюджета, что в 3,6 раза превышает средние данные по 36 странам.

1982 г. Число ведомств Госсовета сокращено со 100 до 61, численность центрального аппарата — с 51 тыс. до 30 тыс. чел. Соответственно уменьшены штаты административных органов провинциального и уездного уровней. Средний возраст министров понизился с 64 до 60 лет, руководителей управлений — с 58 до 54 лет. Повысился образовательный ценз чиновников. Однако поскольку реформа разворачивалась, главным образом, в деревне, основы плановой системы управления экономикой сохранялись, что и приводило к новому разбуханию штатов.

1988 г. Число ведомств Госсовета уменьшено с 45 до 41, численность аппарата — на 9700 чел., однако из-за перегрева экономики штаты вновь возросли. Реформа впервые затронула функции правительства, Преимущественно прямое управление экономикой заменялось преимущественно косвенным, от вмешательства на микроэкономическом уровне переходили к макроэкономическому управлению. Реформа спускалась сверху вниз, от центрального правительства к региональным, но в связи с напряженной политической обстановкой в 1989 г. была заторможена.

1993 г. Число ведомств Госсовета и органов непосредственного подчинения сократилось с 86 до 59, а персонал — на 20%. Административная реформа проводилась на фоне стремительного становления рыночной экономики и в соответствии с ее потребностями. Однако заявленные цели не всегда сопровождались адекватными мерами по их реализации. Слияние одних министерств сопровождалось разделением и учреждением других. В последующие годы реформа продвинулась на региональный уровень. Изменение правительственных функций было направлено на расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, на повышение роли рынка в размещении ресурсов, на передачу части надзорных функций и общественного сервиса рыночным посредническим структурам.

1998 г. Ликвидированы 15 ведомств министерского уровня, созданы 4 новых ведомства, переименованы 3 старых. Общее число ведомств, входящих в состав Госсовета уменьшилось с 40 до 29. Цели реформы формулировались как создание высоко эффективной, сбалансированной, нормализованной управленческой системы правительственного администрирования, как совершенствование системы государственных служащих и создание корпуса высококачественных, специалистов по административному управлению, как постепенное создание правительственной системы административного управления с китайской спецификой, соответствующей системе социалистической рыночной экономики. Меры по реализации заявленных целей в большей мере соответствовали их существу. В связи с этим были ликвидированы почти все специализированные промышленные ведомства, в т.ч. ответственные за электроэнергетику, угледобычу, металлургию, машиностроение, электронику, химию, геологию и разработку недр, лесную, легкую и текстильную промышленность. Тем самым была в большой мере ослаблена основа неразделенности администрирования и предпринимательства. До июня 2002 г. численность партийного и государственного аппарата на разных уровнях сократилась на 1 250 тыс. чел.

2003 г. Реформа, осуществлявшаяся на фоне вступления Китая в ВТО, еще дальше продвинула преобразование правительственных функций, способствовала их дальнейшей концентрации на регулировании экономики, надзоре за функционированием рынка, социальном управлении и публичных услугах. Основными направлениями реформы стали: 1. Преобразование системы управления госсобственностью, создание при Госсовете Комитета по надзору и управлению госсобственностью. 2. Совершенствование системы макроэкономического регулирования, преобразование Госкомитета по развитию и планированию в Госкомитет по развитию и реформам. 3. Улучшение системы финансового контроля, создание Комитета по управлению и контролю за банками. 4. Дальнейшее реформирование системы управления сферой обращения,

учреждение Министерства коммерции. 5. Укрепление контроля за безопасностью продуктов питания и безопасностью производства.

Структура центрального правительства (Госсовета КНР) достаточно сложна. Непосредственно в его состав до последних преобразований входили 28 ведомств. Кроме того, имеются ведомства непосредственного подчинения, канцелярии, государственные административные структуры, управляемые министерствами, организации, непосредственно подчиненные Госсовету, временные образования. В общей сложности 104 управленческие единицы. В настоящее время главным коллегиальным органом правительства является постоянное совещание его руководителей и их заместителей. Пленарные заседания с участием министров проводятся крайне редко. Сокращение числа составных частей Госсовета до 20, полагают эксперты, позволило бы объединить постоянные и пленарные совещания. По числу структурных подразделений китайское правительство в настоящее время не сильно отличается от правительств развитых стран с рыночной экономикой, как федеративных, так и унитарных. Китайские эксперты надеются на то, что введение системы “больших министерств” позволит Китаю сравняться с развитыми странами и по эффективности управления².

Укрупнение министерств призвано, в первую очередь, освободить правительство от необходимости мелочно опекать экономику, сосредоточить усилия на разрешении макроэкономических противоречий, подчинить мелкие и частные задачи решению задач крупных, стратегических, общенациональных, связать друг с другом плохо стыкующиеся процессы в экономике и обществе. Преобразования должны также уменьшить сопротивление отраслевых монополий и местных чиновников давно назревшим реформам.

Прообразом “больших министерств” служит созданное в 2003 г. в ходе предыдущего раунда правительственной реорганизации Министерство коммерции, в руках которого сосредоточилось управление внутренней и внешней торговли³. На нынешнем этапе учреждаются пять новых подобных образований: министерства промышленности и информатизации, путей сообщения и транспорта, трудовых ресурсов и социального обеспечения, жилья и городского и сельского строительства, охраны окружающей среды. Некоторые специалисты считают, что в течение следующей пятилетки или более длительного времени появятся еще до двух десятков “больших министерств”, ответственных за функционирование таких сфер общественной жизнедеятельности, как сельское хозяйство, финансы, энергетика, строительство, культура, гражданская администрация и т.д. В 2013—2017 гг. система “больших министерств” предположительно охватит примерно половину правительственных ведомств, а в 2018-2022 гг. включит в себя все ведомства⁴. Впрочем, на этот счет имеются и другие суждения, согласно которым наряду с “большими министерствами” должны сохраняться и “малые”.

Выстраивая стратегию “больших министерств”, Китай опирается на опыт западных стран, в особенности — Великобритании. На Западе эта проблема стала актуальной, когда в середине прошлого века там возникли “государства благосостояния”. Умножение социальных функций государства стимулировало в 60-х годах поиск путей для удешевления выполняющего эти функции административного аппарата, что и привело к идее “больших министерств”.

Вместе с тем при проведении административной реформы китайское руководство не может не учитывать своей национальной специфики. Она заключается, прежде всего, в том, что решение административных вопросов здесь часто опирается в наличие проблем политических. Сложность ситуации заключается

в том, что многие в высшем эшелоне власти стремятся создать такие управленческие механизмы, которые были бы способны решать актуальные и болезненные проблемы, не требуя крупных непосредственных изменений основных характеристик политического уклада.

Министерство промышленности и информатизации. Китай на настоящем этапе своего развития одновременно решает и задачу индустриализации, и задачу построения постиндустриальной экономики. Одновременно уходит в прошлое обязанность правительства отвечать непосредственно за состояние каждой отрасли народного хозяйства и даже отдельных предприятий. Когда экономика Китая была плановой, а на повестке дня стояли задачи индустриализации, множилось число ведомств, отвечавших за конкретные производства. Теперь в этом нет нужды. Но возросла потребность в выстраивании и соблюдении общей стратегии экономического развития, нацеленной на дальнюю перспективу и обеспечивающей межотраслевые балансы. Поэтому в ходе пятикратной организационной перестройки Госсовета КНР с 1982 по 2003 г. отдельные промышленные министерства либо постепенно преобразовывались в компании, либо вливались в другие родственные ведомства. К 2003 г. министерств, специализирующихся на отраслевом управлении, в составе Госсовета не осталось.

Вместе с тем за последнее десятилетие все более становилась очевидной необходимость переориентации китайской промышленности и экономики в целом на новые, современные, ресурсосберегающие технологии. Процессы индустриализации страны стали рассматриваться в единой связке с развитием экономики знаний. Лишь такой подход может не только устранить отставание Китая от передовых держав, но и сократить разрывы (“цифровые пропасти”) между городом и деревней, между разными регионами и социальными стратами в самом Китае.

В документах XVI съезда КПК (2002 г.) выдвигалось требование сочетать индустриализацию с информатизацией, повышать научно-техническую составляющую экономического роста и снижать потребление ресурсов. Однако призывы переходить к “индустриализации нового типа” пока что реализуются медленно. На практике индустриализация продолжала в немалой степени идти проторенными путями, двигая вперед, прежде всего, количественное наращивание производственных мощностей тяжелой промышленности, потребляющих большое количество сырья и энергии и загрязняющих окружающую природную среду, но создающих относительно немного рабочих мест.

За продвижение новых технологий с 1998 г. отвечало министерство, ведающее информационными продуктами. Поэтому включение его в состав нового органа, призванного обеспечить соединение индустриализации с информатизацией, выглядит вполне логичным.

Министерство охраны окружающей среды. Административный и общественный статус ведомства, ответственного за защиту природы от загрязнения, повышался по мере роста экологических угроз и осознания государством и обществом судьбоносной опасности этих процессов. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в начале 70-х годов прошлого века, когда соответствующая канцелярия была учреждена сначала при Госплане, а затем при Госсовете КНР. В то время в этом ведомстве работало всего несколько десятков человек.

Создание специализированного министерства призвано придать природоохранной деятельности то значение и ту роль, которых она давно заслуживает. Повышение статуса Главного управления до министерского уровня означает расширение его штатов, увеличение бюджета, усиление возможности добивать-

ся исполнения законов. Оно также укрепляет позиции Китая в международном сотрудничестве по глобальным проблемам. Выступая по Центральному китайскому телевидению, проректор Китайского политико-юридического университета Ма Хуайдэ следующим образом комментировал это преобразование. Раньше на пленарных сессиях Госсовета представители ведомства могли лишь присутствовать, но не имели права голоса. Теперь же в ранге министерства они не только имеют право голоса, но и обладают более высокой компетенцией при планировании политики и законотворчестве⁵.

В отчетном докладе 17-му съезду КПК была выдвинута идея создания “экологической культуры”, наряду с культурой материальной и духовной. Благоприятная экология вошла в число базовых критериев всестороннего строительства общества среднего достатка к 2020 г. Такой подход свидетельствует об ответственной позиции китайского руководства не только по отношению к будущему собственной страны, но и по отношению к настроениям мировой общественности. Сегодня в мире проявляют все большую озабоченность проблемами глобального использования природных ресурсов и природной среды, особенно в связи той ролью, которую играют в решении этих проблем страны с быстро растущей экономикой и, прежде всего, Китай.

Министерство путей сообщения и транспорта. В состав нового ведомства вошли бывшее Министерство транспорта, Главное управление гражданской авиацией Китая и те подразделения Министерства строительства, которые ведали пассажирским транспортом в городах. Министерство будет руководить также почтой. Железнодорожный транспорт пока выделяется особо, поскольку здесь не решены еще проблемы, связанные с реформой и демонополизацией отрасли.

Создание нового органа по управлению транспортом подчеркивает то значение, которое придается в Китае развитию инфраструктуры. В этой области уже достигнуты очень большие успехи, но задачи, выдвигаемые на перспективу, еще более амбициозны.

Необходимость усилить координацию в управлении транспортом особенно остро осознается не столько даже на национальном, сколько на региональном уровне: в провинциях и городах центрального подчинения. Здесь проблема приобретает первостепенное значение для развития региональной экономики. До реорганизации пассажирскими перевозками в городах, включая наземный общественный транспорт, такси и метро, ведал транспортный отдел Управления городского строительства в Министерстве строительства, а автомобильными перевозками за чертой города — Министерство транспорта. Быстрое развитие урбанизации убирает барьеры между городской и сельской местностью. Ситуация, при которой загородные автомобили не могут въехать в город, а городские — выехать из него, становилась все более ненормальной. Отсюда — и переподчинение автомобильных дорог вне городов новому министерству.

Первый в стране комплексный орган для централизованного управления транспортом был создан в Пекине еще в 2003 г. Это стало первым шагом на пути создания большого министерства транспорта. В последующие годы аналогичные органы появились также в провинции Цзянсу и Чунцине. Таким образом, реформа здесь шла не сверху вниз, а снизу вверх.

Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения. В единый орган объединяются два прежних ведомства: Министерство кадров и Министерство труда и социального населения. Ведомства, ответственные за трудовую политику и кадровые ресурсы, в прошлом неоднократно соединялись и разъединя-

лись. Практически каждая структурная реорганизация не обходила их стороной. На этот раз ставится двуединая задача: с одной стороны, повысить эффективность использования человеческих ресурсов путем создания единого рынка труда, а с другой — совершенствовать системы социального обеспечения, трудовых доходов, условий труда. Функция управления кадровыми ресурсами соединяется таким образом с функцией социальной защиты. Этот же орган будет руководить и использованием иностранных специалистов.

В Китае до последнего времени рынок труда делили на две части. Первая из них — т.н. *жэньцай шичан* (рынок талантов) — касался людей, обладающих определенным уровнем образования, профессиональными знаниями и навыками, способностями. Другая часть — *лаодун шичан*, т.е. собственно рынок труда относилась к людям физического, по преимуществу неквалифицированного или мало квалифицированного труда. Занятостью людей с высшим образованием, начиная с 80-х и 90-х годов прошлого века, ведало Министерство кадров, а занятостью работающих в городе выходцев из деревни и иных категорий низкокачественной рабочей силы — Министерство труда. По мере того, как государственное распределение выпускников высших учебных заведений постепенно уступало место свободному трудоустройству, водораздел между двумя частями рынка труда стал постепенно исчезать. Соответственно сокращалось и поле деятельности Министерства кадров. Из его компетенции выпадали и государственные предприятия. Они стали свободно набирать работников, а их руководящий состав формируется Комитетом по управлению государственным имуществом. То же касается и правительственных госслужащих высокого ранга, которых назначают соответствующие инстанции. Таким образом, в компетенции Министерства кадров оставалась лишь деятельность госслужащих низшего уровня, работников некоммерческих организаций и специалистов из военных ведомств. Вместе с тем задачи развития рынка труда, в широком смысле этого слова, и задачи укрепления и развития систем социального обеспечения неизменно усложнялись. Это обстоятельство, по-видимому, в немалой степени повлияло на принятие решения о слиянии министерств.

Министерство жилья, городского и сельского строительства. Создание этого министерства обусловлено тесной взаимосвязью, существующей между задачей обеспечения относительно дешевым жильем основной массы населения и задачей единого планирования городского и сельского строительства, задачей осуществления планомерной и здоровой урбанизации.

В настоящее время Китай одолел лишь полдороги в движении к урбанизированному обществу. Предстоит приобщить к городскому образу жизни еще 700—800 млн чел. Следовательно, стоимость городского жилья, уже сегодня трудно доступная для огромного числа людей со средними и, тем более низкими, доходами, будет и далее расти.

Китай не собирается отказываться от рынка недвижимости и возвращаться к государственному распределению жилья, но полагает, что на этом рынке активными игроками должны выступать не только негосударственные, коммерческие структуры, но и государство и что между ними должен существовать определенный баланс. Разные группы населения должны иметь возможность обеспечивать свои потребности в жилье сообразно уровню своих доходов: семьи с низкими доходами — преимущественно путем дешевого социального найма, семьи со средними доходами — путем приобретения недорогого коммерческого жилья и найма, а потребности богатых должен удовлетворять рынок.

В условиях, когда функции проектирования, строительства и выделения земельных участков были административно разделены, оказывалось крайне трудно сдерживать рост цен на жилье, противодействовать образованию “пузырей” на рынке недвижимости. В предстоящие годы создание системы жилищных гарантий, особенно для малоимущих, становится одной из центральных задач социально-экономической политики государства.

Изменены функции и некоторых других министерств. Так, прежде ответственность за судьбоносный для населения контроль за безопасностью продуктов питания расплывалась между ведомствами, отвечающими за здравоохранение, сельское хозяйство, промышленность и торговлю. Теперь вся ответственность ляжет на **Министерстве здравоохранения**.

Впечатление полумеры оставляет проект реструктуризации правительства в такой важнейшей для китайской экономики области, как энергетика. Не сбылись упорно циркулировавшие в течение долгого времени слухи о грядущем возрождении Министерства энергетики. Видимо, оказалось слишком сложным сразу согласовать интересы многих действующих ведомств, которые могли бы быть в этом случае затронуты.

В рамках Госкомитета по развитию и реформам создается **Государственное энергетическое управление**. Статус его, как полагают некоторые наблюдатели, в дальнейшем может быть повышен до министерского уровня, как это произошло с некоторыми другими аналогичными структурами, или даже привести к созданию объединенного Министерства энергетики и охраны окружающей среды, что считается некоторыми экспертами оптимальным вариантом. Тем не менее, сегодня он ограничен. Управление не может самостоятельно, без санкции Госкомитета пользоваться ценовыми рычагами. Но без целенаправленной ценовой политики в энергетике считается крайне затруднительным повысить безопасность труда в угледобывающей промышленности. Задача же крупномасштабного снижения энергопотребления и сокращения выбросов вообще превращается в этом случае лишь в шумную политическую кампанию типа “большого скачка”⁶. При этом положительно оценивается передача гражданским структурам управления ядерной энергетикой, прежде находившегося в рамках оборонного ведомства. Этой отрасли отводится большая роль в стратегии энергетического развития Китая. Одновременно вместо Руководящей группы учреждена **Государственная энергетическая комиссия** высокого ранга, которая будет отвечать за межотраслевое регулирование.

Проект укрупнения министерств не предполагает быстрой и единовременной реализации. Он будет осуществляться постепенно, переходя от решения наиболее острых и назревших проблем к менее злободневным. Вслед за реорганизацией Госсовета последует преобразование правительств на более низких уровнях. Как и в случае с проведением иных экономических реформ, предполагается экспериментальный поиск оптимальных организационных форм для административных органов, исполняющих разные функции: принятия решений, их исполнения, надзора, и последующее поступательное их распространение. Затем на основании полученного опыта намечено принять закон, определяющий сферу полномочий и ответственности больших министерств, их организационную структуру, штатное расписание, порядок функционирования. Возможно, именно отсутствие столь скрупулезного и осторожного подхода обусловило неудачу аналогичной административной реформы в России.

Вместе с тем, еще на стадии подготовки проекта реформы некоторые китайские эксперты предупреждали, что от реформы не следует ожидать слишком многого⁷. Удастся ли создать действенный механизм сдерживания, если потенциал влияния министерств еще более возрастет? Как будут взаимодействовать с правительственной системой “больших министерств” структуры, создаваемые правящей партией, чтобы не допускать дублирования, наложения друг на друга? Как усилить контроль за деятельностью “больших министерств” со стороны ВСНП? Все эти вопросы настоятельно требуют ответа.

Самым сложным китайским исследователям представляется установление за деятельностью министерств внешнего контроля: со стороны законодательной и судебной власти, общественности, средств массовой информации. Возникают опасения, что концентрация в “больших министерствах” прежде разобщенных ведомственных интересов, создание суперминистерств, обладающих огромной властью, еще более затруднит контроль.

Нежелательным в связи с этим называется развитие системы “больших министерств” по примеру Комитета по реформам и развитию. Опыт этого органа, созданного в ходе правительственной реформы 2003 г. для рассмотрения проектов всех структурных реформ, вызывает немало нареканий. Считается, что вместо концентрации усилий на глубоком реформировании инвестиционного механизма, на совершенствовании планирования и макрорегулирования, он ограничивается, в основном, частностями, определяя преимущественно целесообразность создания тех или иных объектов⁸. Главный вывод сводится к тому, что подлинную систему “больших министерств” крайне трудно утвердить без проведения политической реформы, которая затронет отношения между партией и правительством и систему законодательной власти.

Очевидно, что административная реформа не способна заменить собой реформу политическую. Прокламируется, что введение системы “больших министерств” нацелено на ограничение ведомственных интересов. Однако в реальности оно не в состоянии в полной мере решить эту задачу, поскольку за ведомственными интересами стоят интересы групповые и личные, интересы политической элиты. “Разрастание ведомственных интересов, — отмечает руководитель Центра исследований экономической безопасности Китайской академии современных международных отношений Цзян Юн, — не ограничивается обычными правительственными структурами, поскольку в силу специфики китайской политической системы многие функции правительства простираются до таких систем власти, как правящая партия и ВСНП”⁹. Поэтому введение системы “больших министерств” призывают сочетать с более эффективным использованием властных полномочий партией и государством. Разрастание ведомственных интересов коренится в злоупотреблении властью. Положить конец этому процессу, полагает китайский исследователь, можно лишь в том случае, когда функционирование власти будет действительно выведено на “солнечный свет”.

Известному разочарованию экспертного сообщества и более широких кругов общественности в утвержденном проекте реформы способствовало то обстоятельство, что утечки информации в процессе его подготовки настраивали на большую масштабность реорганизации. Буквально в канун пленума ЦК ВКП, рассматривавшего проект, газеты писали о сокращении числа ведомств высшего ранга с 28 до 21 как о решенном деле, тогда как в итоге оно уменьшилось всего до 27. В ряду вновь создаваемых “больших министерств” наряду с теми, формирование которых было в конечном счете санкционировано, назывались также и

другие, выпавшие из окончательного списка, например, Министерство сельского, лесного и водного хозяйства, Министерство энергетики. Не оправдалось также предположение, что управление железными дорогами будет подведомственно Министерству транспорта¹⁰. Таким образом, из трех “больших министерств”, создание которых, согласно высказанному ранее мнению Чи Фулиня, требовалось в первую очередь: энергетики, транспорта, и охраны окружающей среды, в полноценном виде появилось лишь одно.

Все эти не сбывшиеся предположения подрывали обоснованность утверждений, будто самым большим отличием нынешнего структурного реформирования административного управления от пяти предыдущих состоит в том, что оно следует заранее выработанной и совершенной стратегии, а не приспосабливается к интересам отдельных ведомств и лиц. Более того, они свидетельствовали как раз об обратном — об отсутствии в высшем партийном руководстве страны единства по важнейшим вопросам реорганизации правительства.

После принятия и опубликования проекта создания “больших министерств” на сайтах Интернета появилось немало критических замечаний. Утверждается, например, что намеченная реорганизация правительства не оправдала ожиданий, что она качественно не отличается от более ранних реформ и даже уступает им по масштабам, что из всех предлагавшихся проектов выбран самый консервативный.

Возникают сомнения и по поводу статуса и действенности вновь созданных министерств. Так, нынешнее Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения образовано путем слияния двух прежних министерств. Одно из них — Министерство кадров, ведавшее, в том числе, руководящими кадровыми работниками (госслужащими), возглавлял по совместительству в ранге министра заместитель заведующего Орготделом ЦК КПК. Иными словами, данное министерство было по существу лишь исполнительным органом Орготдела. Отсюда возникает вопрос: в какой мере ситуацию способно изменить создание нового министерства?

В рамках нового Министерства транспорта сохраняется немалая автономия Управления гражданской авиации, что порождает сомнения в реальности министерских компетенций. Аналогичные подозрения возникают и в связи с передачей Государственного почтового управления под эгиду Министерства транспорта. А отсутствие в составе последнего железных дорог возбуждает вопрос о правомерности причисления его к системе “больших министерств”. С гораздо большим основанием таковым можно считать Министерство железных дорог, которое обладает собственным управлением безопасности, судебными и прокурорскими органами.

Начиная с 1998 г. в список важнейших обязанностей Министерства строительства включалось управление недвижимостью. Усилит ли добавление слова “жилье” к названию министерства его полномочия в этой важнейшей для населения сфере? До сих пор попытки усилить макрорегулирование здесь успеха не приносили.

Много недоумений возникло в связи с ограниченностью преобразований в управлении энергетикой, в особенности, оставление вне пределов нового ведомства ведущих монополий в угледобыче, электроэнергетике и нефтяной промышленности.

Возврат контроля за качеством продуктов питания и лекарств в компетенцию Министерства здравоохранения как бы снова начинает административ-

ное преобразование этой области с исходной точки. В предыдущем круге не удалось сократить расхождение интересов пациентов и фармацевтического бизнеса и уменьшить соответствующую коррупцию. Удастся ли реализовать такой план на сей раз?

Таким образом, вопросов, связанных с новой реформой Госсовета, возникает гораздо больше, чем ответов на них. Понятно, что априорно их решить нельзя. Остается надеяться на то, что противоборствующие подходы удастся как-то примирить и согласовать в конкретной практике. Так было не раз в ходе осуществления китайских реформ. Правда, в подавляющем большинстве случаев прежде это касалось экономики, а не политики и администрирования.

В целом можно сказать, что сессия ВСНП, открывшая новый пятилетний цикл деятельности высшего законодательного органа страны, стоявшие перед ней задачи выполнила. К работе приступили обновленные органы всех ветвей власти. Рассмотрены, обсуждены и выявлены актуальные вопросы прошлого и будущего социально-экономического развития. Сделан определенный шаг в развитии административной реформы, с которой связывают немалые ожидания на продолжение всесторонних институциональных преобразований. Все это создает необходимые предпосылки для дальнейшего устойчивого движения к достижению намеченных на среднесрочную и долгосрочную перспективу целей по модернизации страны и построению развитого, гармоничного, зажиточного общества.

-
1. *Чи Фулинъ*. Синь цзедуань да бумэнь чжи гайгэ ды тешусин [Специфика реформы больших министерств на новом этапе] // Чжунго цзинцзи шибао. 2008. 22 февр.
 2. *Юй Анъ*. Гоцзи шиэ чжун ды да бумэнь шэчжи [Учреждение больших министерств с международной точки зрения] // Ляован. 2008. 4 марта.
 3. См: *Бергер Я.М.* Политика реформ и структурно-функциональная реорганизация правительства КНР (к итогам первой сессии ВСНП 10-го созыва) // Пробл. Дальнего Востока. 2003. № 3. С. 6—25.
 4. *Ли Цзюньпэн*. Да бумэнь тичжи ды туйцзинь цэлюэ [Тактика продвижения системы больших министерств] // Чжунго синчжэн гуаньли. 2008. 24 марта.
 5. <http://finance.people.com.cn/GB/7042664.html>.
 6. Наньфан чжоумо. 2008. 12 марта.
 7. *Ван Юйкай*. Лэнцзин каньдай “дабучжи” гайгэ [Хладнокровно относиться к реформе системы “больших министерств”] // Чжунго цзинцзи шибао. 2007. 10 дек.
 8. Наньфан чжоумо. 2008. 12 марта.
 9. Цит. по: *Чжэн Синьли*. Шэньхуа синчжэн тичжи гайгэ синь цинци [Новые стимулы к углублению реформирования административной системы] // Жэньминь луньтан. 2008. 2 апр.
 10. 21 шицзи цинцзи даобао. 2008. 22 февр.

Политическая география и трансграничные отношения в Великой степи

© 2008

А. Тулохонов

В условиях глобализации в равной степени активизируются процессы интеграции межгосударственных интересов и открытости границ, с одной стороны, и демаркации государственных границ, с другой. Соответственно, экономические и геополитические интересы большинства государств все более определяются трансграничными отношениями "соседей по планете", и это — объективная реальность.

Несмотря на то, что Хельсинкское соглашение 1975 г. закрепило относительную стабильность государственных границ в Европе, политические процессы в конце XX в. внесли существенные коррективы в политическую карту мира. Появились новые государства, изменились формы управления и векторы их развития. Соответственно, появлялась необходимость исследования этих процессов в рамках политической географии.

Классика утверждает, что "ничто не вечно под луной", и в том числе государственные границы. Именно поэтому все мировые войны начинались с вопросов о территориальных претензиях. В теории государственная граница есть вертикальная поверхность, определяющая пределы государственного суверенитета того или иного государства, она чаще всего является предметом политических дискуссий¹. В зависимости от пересечения природной среды выделяются сухопутные, водные и воздушные границы.

С нашей точки зрения, можно разнообразить такую классификацию государственных границ на основе комплексных географических и геополитических критериев и предложить следующее:

1. По времени границы, существовавшие до второй мировой войны, можно отнести к старым, а после второй мировой войны — к новым.

2. Еще легче выделить границы морские, сухопутные и проходящие по речным системам.

3. С точки зрения географической доступности, можно определить границы, проходящие по горным водоразделам, как закрытые. К примеру, это границы государств, проходящие по хребтам Гималаев, Гиндукуша, Памира, Анд и другим труднодоступным горным системам. Вряд ли в обозримом будущем будут созданы транспортные коридоры между странами по обе стороны таких естественных барьеров, хотя сегодня Альпы уже не создают преград для общения Италии с ее европейскими партнерами. В большинстве случаев на равнинных территориях границы открыты для транспортных путей.

4. По этому же принципу можно выделить государства, расположенные внутри речных бассейнов или своими границами разделяющие речные бассейны. К сожалению, большинство государственных границ не учитывает водораздельные границы водотоков, что порождает и будет порождать многочисленные эколого-экономические конфликты при использовании пресных вод. Полностью в пределах речных бассейнов располагаются островные государства, которые могут монопольно использовать речной сток.

5. В современных условиях роста религиозных конфликтов мы должны выделять государственные границы по конфессиональному принципу, особенно там, где соседствуют страны с различным религиозным укладом.

6. Кроме чисто географических критериев существуют геополитические характеристики государственных границ, которые мы выделяем с определенной долей субъективности. К примеру, существуют государства с более или менее дружественными режимами.

7. В одних государствах политическая ситуация стабильна, другие сотрясают внутренние распри, и в любой момент новое правительство может избрать новый вектор развития и т.д.

Для России с ее уникальным географическим положением и соседством с европейскими и азиатскими странами, с государствами, где существует буддийская, мусульманская и католическая религии, трансграничные вопросы имеют особое значение. Традиционно и царская, и советская Россия были ориентированы на приоритетное сотрудничество с европейскими странами.

Однако в XXI в. она оказалась на западе против тройного барьера государств, мягко скажем, в разной степени противодействующих экономическому развитию России. В первом ряду таких стран оказались некоторые постсоветские государства, далее располагаются государства бывшего соцлагеря и замыкают этот ряд страны НАТО, которые по-прежнему конкурируют с нами в сфере жизненных интересов. В дальнейшем можно ожидать еще более жесткой позиции Запада в контактах с нами.

В этих условиях политическое руководство России вынуждено акцентировать свои интересы на азиатском направлении. Для этого существуют, как минимум, две основные причины:

во-первых, это колоссальный рост экономической мощи Китая, который уверенно занял передовые позиции в мире по многим индустриальным показателям. И не считаться с ростом могущества самого многочисленного государства уже нельзя;

во-вторых, 1990-е гг. не только полностью разрушили экономику советского государства, но и привели к физическому сокращению населения почти всех сибирских и дальневосточных регионов, а затем и в рамках всего государства. И не понимать, что Россия существует только за счет сибирских ресурсов недопустимо.

Как известно, в Сибири и на Дальнем Востоке много веков Россия традиционно граничит с Монголией и Китаем, а недавно появился еще один сосед — Казахстан. В своих историко-географических исследованиях Л. Гумилев территорию контакта этих государств от Каспийского моря до хребтов Хингана назвал Великой степью. При этом он подчеркивал этническую и культурную близость многих народов, населяющих эту степь.

Многие известные исследователи доказывают, что отсюда по Берингийскому мосту ушли на восток древние предки индейцев Северной Америки, а на запад устремились племена хунну. Японцы находят следы генетической близости

сти с монголоидными народами с берегов Байкала. Здесь 800 лет назад зародилась крупнейшая в мире империя Чингисхана.

Такой краткий исторический экскурс во многом определяет современные проблемы трансграничного сотрудничества государств Великой степи и, в первую очередь, развития приграничных территорий на востоке России. Среди них можно выделить геополитические, экономические, экологические, культурные, этноконфессиональные вопросы.

Геополитические интересы России на востоке и ее авторитет на международной арене укрепляет создание новых политических блоков и соглашений в противовес приближению к нам натовских границ. С этой точки зрения, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), инициаторами которой являются Россия и Китай, а в качестве наблюдателей присутствуют крупнейшие азиатские страны, может стать реальным рычагом противодействия блоку западных стран, в том числе и в военном отношении. К подобным акциям относится создание Евразийского экономического союза, рост авторитета Союза Россия — Белоруссия и сотрудничества постсоветских государств.

Следует отметить, что на этапе становления страны ШОС были ориентированы на борьбу с терроризмом, а затем приступили к решению экономических задач. Дальнейшее развитие этой международной организации требует разработки долгосрочной программы, которую должны предлагать научные организации стран-участников. Как известно, подобный Научный комитет существует при НАТО.

Однако, решение таких задач невозможно без должного экономического фундамента с соответствующим кадровым обеспечением. В этой связи необходимо вспомнить исторические реформы П. Столыпина, который еще в 1908 г., выступая в Государственной Думе по вопросу строительства Амурской железной дороги, отметил: «При наличии государства густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее просочится иностранец, если туда не придет русский, это просачивание, господа, уже началось. Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками, и когда мы проснемся, может быть, окажется русским только по названию. Возможно ли заселение без путей сообщения?»².

В одной из последних работ А.Н. Яковлев пишет, как он после столкновений на советско-китайской границе в 1969 г. застал одного из тех переселенцев. И вот его дословная запись: «Что помню? Да то, что умнее Столыпина никого не было. Жили мы на Украине, земли мало, отец и решил на переселение. Приплыли сюда на пароходе из Одессы. Во Владивостоке встретил нас вице-губернатор. Пашите, говорит, земли, сколько вспашете, скотины держите, сколько можете, леса рубите, сколько нужно. Нам, говорит, по сердцу богатый мужик. А власти гарантируют вам закупку хлеба, мяса, рыбы, пушнины в любых количествах. О сбыте не думайте, рядом — Китай, Корея. Купцы все продадут. Накормили Европу, накормим и китайцев. Богатейте, меньше пьянствуйте, больше работайте, Богу молитесь»³. Все переселенцы получали денежное пособие: на хозяина по 10 руб., иждивенцы по 3 руб., дали каждой семье лошадь, корову, землю, необходимый инвентарь. Таким образом, они становились истинными хозяевами этой далекой земли — патриотами России.

Как емко и кратко сформулирована здесь аграрная программа, которую так безуспешно разрабатывали и коммунисты, и демократы от Столыпина до на-

ших дней. Нужна земля, условия для работы и сбыт продукции, вот и все, что нужно крестьянину.

В результате сталинской политики только с 1905 по 1914 гг. на восточные окраины России было переселено более 4 млн чел., что в два раза увеличило численность местного населения⁴. Возрос военно-стратегический потенциал Дальнего Востока.

Вероятно, совсем не случайно так долго эти крестьяне сопротивлялись советской власти, и длилась гражданская война на Дальнем Востоке. С уверенностью можно сказать, что миллионы таких переселенцев стали главным сдерживающим фактором возможности японской агрессии в период второй мировой войны.

Этот краткий исторический экскурс свидетельствует о разительном отличии от современной экономической политики России и демографической ситуации на Дальнем Востоке и в Сибири. За период между двумя последними переписями населения эти регионы потеряли миллионы жителей.

Поэтому стратегические задачи по развитию или хотя бы по стабилизации экономики приграничных территорий востока России должны быть ориентированы на закрепление сельского населения. Кроме мероприятий по повышению уровня жизни по отношению к общероссийским показателям, необходимо в первую очередь обеспечить транспортную связь периферии с центром, западных районов страны с восточными.

Развитие трубопроводной системы, на первый взгляд, решает поставленную задачу. Создает новые рабочие места, увеличивает поступление нефтедолларов, налогов в местные бюджеты. Однако в действительности, продажа сибирской нефти в объемах вдвое превышающих экспорт во времена СССР мало влияет на рост благосостояния основной массы населения.

Перекачка нефти по трубопроводам, приведет к резкому сокращению грузовых перевозок на железнодорожном транспорте и, соответственно, многократному увеличению тарифов, в том числе и для пассажиров. В результате роста цен уже сейчас большинству населения Сибири Дальнего Востока намного дешевле побывать в Пекине, чем в Москве. Точно так же сегодня москвичам Египет намного ближе, чем Байкал. Таким образом, нарастает искусственный разрыв между западом и востоком огромной страны и постепенно размываются устои государства и российского патриотизма.

На этом фоне, на востоке России целесообразнее использовать, на первый взгляд, такой неожиданный, но вполне перспективный стратегический ресурс, как вода. Вода постепенно становится не менее выгодным экспортным товаром, чем нефть, который можно предлагать для торговли со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и на мировой рынок. Расчеты показывают, что розлив 50 см байкальской воды с акватории 20 тыс. км² при стоимости 1 литра 10 руб. многократно превышает годовой бюджет России. Нами инициированы предложения о прокладке к нашим соседям с острым дефицитом водных ресурсов не нефтепровода, а водопровода как наиболее экономически эффективного и экологически безопасного варианта использования ресурсов Сибири.

Особое внимание государства должно быть направлено на вывод восточных регионов из исторически сложившегося положения — “ресурсного придатка” в самодостаточный крупный промышленный регион, базирующийся на добыче сырья с его обязательной глубокой переработкой в рамках региона. Эта

проблема особо остро стоит при уже начавшейся разработке месторождений полиметаллов Восточной Сибири и Забайкалья, таких как: цинк, молибден, медь и другие металлы, которые востребованы на рынках Азиатско-Тихоокеанского рынка.

Одним из немногих способов закрепления сельского населения в степных районах Сибири является возрождение системы кочевых (номадного) животноводства, традиционного для монголоязычных народов. Местные породы домашних животных максимально приспособлены к суровым природным условиям и в малоснежный зимний период круглогодично находятся на степных пастбищах. При минимальных затратах на электроэнергию, заготовку кормов, строительство ферм продукция номадного животноводства в 8—10 раз дешевле стоимости сельскохозяйственных товаров, получаемых на промышленных предприятиях.

Более того, животные, использующие естественные пастбища, дают экологически чистую продукцию, которая пользуется спросом на мировом рынке. На фоне роста генномодифицированных продуктов питания, местные породы животных производят полноценные продовольственные товары.

Для того чтобы возродить номадное животноводство, необходимо наладить систему реализации его продукции, создать необходимую инфраструктуру для удаленных хозяйств, в том числе с использованием возобновляемых источников энергии, дорожную сеть. И помнить уроки П. Столыпина. Только таким образом можно освоить огромные степные просторы Забайкалья и заново возродить заброшенные сельскохозяйственные земли постсоветского периода.

Кроме решения социально-экономических проблем номадное животноводство наиболее полно отвечает задачам культурного возрождения коренного населения, соответствует этноконфессиональным традициям монголоязычных народов.

Особого внимания на трансграничных территориях требует решение экологических проблем. Государственные границы России здесь пересекают бассейны рек Обь, Енисей (Северный Ледовитый океан) и Амур (Тихий океан), которые стекают с Великого Азиатского водораздела. На юге от него расположены бессточные котловины Внутренней Азии. Именно в Китае и в Монголии находятся истоки великих рек Северной Азии.

Новейшие события, связанные с загрязнением китайской р. Сунгари, существенно ухудшили экологическую ситуацию в Нижнем Приамурье. В западном Китае ведутся масштабные работы по отводу вод р. Черный Иртыш для орошения сельскохозяйственных земель. Уменьшение стока этой реки существенно ограничит водопотребление в Казахстане и в Западной Сибири со всеми вытекающими отсюда последствиями.

На этом фоне относительно устойчивой является экологическая ситуация в бассейне р. Селенга, половина которой находится на территории Монголии. Поэтому сохранение экосистемы оз. Байкал (участка мирового природного наследия), куда впадает р. Селенга, в решающей степени зависит от развития экономики Монголии. Для решения этой задачи нами предложена Комплексная программа "Бассейн р. Селенга как модельная территория устойчивого развития и трансграничного сотрудничества", состоящая из четырех блоков:

1. Оценка ресурсного потенциала.
2. Устойчивое развитие экономики.
3. Охрана окружающей среды и рациональное природопользование.
4. Трансграничное сотрудничество: факторы и условия повышения эффективности.

Реализация этой программы требует детального обсуждения и согласованного решения на правительственном уровне обеих стран. Между тем, следует отметить, что некоторые монгольские чиновники предлагают идею отвода р. Селенга в сторону Гоби, хотя она заведомо не отвечает требованиям экологической экспертизы и экономическим интересам страны.

Особый интерес для решения экологических проблем с Монголией представляет создание трансграничных особо охраняемых природных территорий подобно Хубсугул-Тункинскому национальному парку, Даурскому заповеднику, совместно с Китаем и Казахстаном — особой охраняемой природной территории “Золотой Алтай”.

Уникальные природные и историко-культурные памятники Монголии привлекают в эту страну многочисленных туристов. Именно здесь туризм наиболее полно отвечает требованиям экологического туризма, доходы от него составляют значительную статью государственного бюджета.

Надежду вызывает использование такого уникального рекреационного потенциала России, как Байкальская природная территория, с помощью “особых туристических зон” для развития международного туризма. Поэтому в рамках трансграничного сотрудничества представляется необходимым создание совместных туристических маршрутов и фирм, сочетающих путешествине по Монголии и посещение оз. Байкал. Нашим институтом разработан маршрут “По тропам Чингисхана”, который предусматривает водное путешествие на катере по оз. Хубсугул, посещение Тункинского национального парка и Международного эколого-образовательного центра “Истомино” на оз. Байкал. Таким образом, подобные туристические маршруты происходят в пределах двух стран и речно-го бассейна р. Селенга от истока до устья.

В любом случае трансграничное сотрудничество, кроме геополитических и экономических интересов государства, должно быть полезным на муниципальном уровне, для конкретного местного жителя. В этом отношении российско-монгольская граница на бурятском участке представляет одно из немногих мест, где в равной степени совпадают интересы государства и его граждан. С этой точки зрения, трансграничное сотрудничество в бассейне р. Селенга может и должно успешно решать геополитические, экономические, экологические, культурные и этноконфессиональные проблемы двух государств.

1. *Бабурин С. Н.* Территория государства. М.: Изд-во МГУ, 2000. 489 с.; *Клименко Б. М., Порк А. А.* Территория и граница СССР. М.: Международ. отношения, 1985. 302 с.
2. Государственная концепция развития Сибири на долгосрочную перспективу. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 96 с.
3. *Яковлев А. Н.* Уроки Столыпина // Здравый смысл. Зима 2005/2006. N 1 (38). С. 30—31.
4. *Кулешов В. В.* Экономика России и Сибири: “стартовые площадки” и “точки роста” // ЭКО. 2006. № 3. С. 2—14.

Монголия и Соединенные Штаты Америки: на пути к сближению*

© 2008

Г. Яскина

Монголия, суверенное и независимое государство, расположенное в самом сердце Азии, наряду с Китаем, является непосредственным соседом России. Отношения с этими двумя государствами стратегически важны для не имеющей выхода к морю Монголии. На Россию и Китай приходится наибольший объем внешнеторгового оборота этой страны и притока иностранных инвестиций. После революционных преобразований в начале 1990-х гг. Монголия в течение 16 лет построила весьма жизнеспособный демократический строй западного образца с открытыми конкурентными выборами и многопартийной системой. В социально-экономической сфере успехи не столь впечатляющи: значительная часть населения еще проживает в бедности, велика доля теневой экономики, имеет место коррупция. Однако наблюдается и тенденция к улучшению. Приватизация государственной собственности, мягкий инвестиционный режим привели к резкому притоку прямых иностранных инвестиций в Монголию. В 1991—2006 гг. объем прямых иностранных инвестиций в страну увеличился почти в десять раз. Рост монгольского ВВП за последние пять лет составил в среднем 7% годовых, а по данным Азиатского банка развития, в 2007 г. этот показатель достиг 8%, что является одним из самых высоких не только в Азии, но и в мире в целом.

Обновленная Монголия проводит новую многовекторную и многоопорную политику, сотрудничая со 143 странами мира. С успехом развиваются связи Монголии с такими высокоразвитыми странами Запада и Востока, как США, Япония, Республика Корея, которые поддерживают движение Монголии по демократическому пути и вносят весомый вклад в развитие ее экономики и решение социальных проблем.

Например, помощь Японии в так называемый трудный переходный период к рыночной экономике, пик которого пришелся на первую половину 1990-х гг., составляла более 50% всей помощи международного сообщества, оказываемой тогда Монголии.

Как развивающаяся страна с небольшой и все еще слабой экономикой Монголия придает большое значение своей внешней политике, направленной на расширение сферы сотрудничества с разными странами, использование преи-

Яскина Галина Сергеевна, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор политических наук.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 96-01-91817а/Г.

муществ участия в международных финансовых структурах, привлечение иностранных инвестиций и т.д. Монголия является полноправным участником МВФ, ВТО и АТЭС, а также других международных организаций. Богатые минеральные ресурсы — по их запасам страна входит в первые два десятка стран мира, выгодное геополитическое положение в СВА, уникальная кочевая цивилизация, все это привлекает к ней внимание стран Запада, в том числе США.

Отметим, что свой интерес к Монголии Соединенные Штаты проявили еще в начале прошлого века. Современные же попытки Вашингтона укрепить собственные позиции в Азии объясняются стремлением США вовлечь в орбиту своего влияния как можно большее число развивающихся стран. Монголия установила дипломатические отношения с США 27 января 1987 г. США открыли свое посольство в Улан-Баторе в 1988 г., а в 1989 г. в Вашингтоне приступило к работе монгольское посольство. Сближение Монголии с США усилилось после распада СССР, особо выделяясь на фоне ослабления сотрудничества с РФ. Внешняя политика Монголии направлена на то, чтобы, поддерживая хорошие отношения со своими великими соседями — Россией и Китаем, проводить в то же время самостоятельную линию в международных делах. Достижению этой цели служит политика “третьего соседа”, которая подразумевает максимальное развитие контактов с крупными развитыми странами. Сейчас монгольское руководство распространяет понятие “третьего соседа” не только на США, но и на Европейский Союз, Японию, Республику Корея и Индию. Более того, президент Монголии Намбарын Энхбаяр в своей лекции, прочитанной в Академии государственной службы при Президенте РФ 7 декабря 2006 г., заметил, что под “третьим соседом” подразумевается не какая-то конкретная страна, “а мировое сообщество в целом со странами и международными организациями, движениями и процессами”¹.

Однако реально роль “третьего соседа” Монголии принадлежит, прежде всего, Соединенным Штатам, инициировавшим введение этого понятия в американо-монгольские отношения в начале 1990-х гг. Монгольский посол в Вашингтоне Равдан Болд говорит, что “внешняя политика его страны (в отношении США. — Г.Я.) базируется на политике “третьего соседа”, отдающей Соединенным Штатам, своему “третьему соседу”, такой же важный приоритет, как и двум соседним странам — России и Китаю. Мы стремимся построить разносторонние отношения с Соединенными Штатами и усиливать их”². Монгольский премьер-министр Н. Энхбаяр (ныне президент Монголии), посетивший США в ноябре 2001 г., во время беседы с Дж. Бушем в очередной раз выразил намерение Монголии установить стратегическое партнерство с США. Развитие отношений с Вашингтоном имеет прямую связь с вопросом о независимости и будущем Монголии, подчеркнул премьер³.

Сейчас Россия активизирует свою политику на восточном направлении, в том числе и в Монголии. Политические и экономические связи между ними развиваются в духе стратегического партнерства. В монгольских школах введено преподавание русского языка как иностранного, в российских вузах учатся десятки монгольских студентов. Налажен регулярный обмен визитами высших должностных лиц. В ноябре 2001 г. в Улан-Баторе с официальным визитом побывал Президент РФ В.В. Путин, а в декабре 2006 г. Москва принимала Президента Монголии Н. Энхбаяра.

Произошло обновление правовой базы сотрудничества двух стран, которое характеризуется сейчас как стратегическое партнерство. Постепенно увеличивается их внешнеторговый оборот, расширяется приграничное сотрудничество. РФ находится среди стран — лидеров во внешнеторговых связях Монголии.

Из совокупного монгольского товарооборота внешней торговли в 3 млрд долл. РФ приходится около 600 млн долл., или 19,8%. Поставлена задача — довести в 2010 г. уровень взаимной торговли до 1 млрд долл. В 2007 г. в Монголию поступило российских инвестиций на сумму около 100 млн долл., число работающих монголо-российских предприятий достигло 652.

Тем не менее, в Монголии РФ сталкивается с конкуренцией со стороны других государств, поскольку после стагнации, имевшей место в первой половине 1990-х гг., российские позиции, хотя и восстанавливаются, но пока еще недостаточно сильны. В то же время многие другие страны, в том числе США, свои позиции в Монголии укрепляют и выражают готовность содействовать ей в становлении современной рыночной экономики.

Возросший интерес Монголии к развитию отношений с США был подкреплен решительными мерами ее руководителей, принятыми в начальный период демократических реформ. За этим стоят следующие причины.

Монголия видела в лице США страну, объявившую на весь мир о поддержке демократических реформ в постсоциалистических странах. Визит госсекретаря США Джеймса Бейкера⁴, инициатора позиционирования США в качестве “третьего соседа” Монголии, в 1990 г. в Улан-Батор и визит первого монгольского президента П. Очирбата в Вашингтон, последовавшая затем американская помощь Монголии при приеме ее в международные финансовые организации, а также материальная поддержка заложили основы новых монголо-американских отношений. Взаимные визиты на высоком и высшем уровнях обрели регулярный характер. Торговое соглашение, заключенное между двумя странами в 1991 г., создало правовую основу для торгово-экономического сотрудничества. Был создан и работает Монголо-американский совместный совет по вопросам торговли и инвестиций. На его заседаниях обычно обсуждаются и решаются вопросы интеллектуальной собственности, таможи, стандартов, коррупции, торговли, инвестиций и т. д. Однако несмотря на то, что Монголия получает льготы на экспорт продукции согласно Генеральной системе торговых преференций США, такие льготы пока еще не распространяются на экспорт монгольских мясопродуктов и кашемира⁵.

Успех демократических реформ в Монголии, ее отказ от социализма способствовали тому, что США отвели Монголии более высокое место в своей восточноазиатской внешней политике. В начале 1990-х гг. в Монголии начали работать волонтеры Корпуса мира США (United States Peace Corps), содействующие распространению изучения английского языка как инструмента, помогающего стране ускорить адаптацию к внешнему миру. В Монголии стали выполняться программы, предпринятые в рамках Агентства США по международному развитию (United States Agency for International Development — USAID), в том числе программа “От фермера фермеру” (“The Farmer — to Farmer”), помогающая монгольским животноводам ориентироваться в правилах рыночной экономики, осваивать передовые методы и технологии содержания коз кашмирской породы. Задача еще одного проекта — “Гоби — Инициатива” (“The Gobi Regional Economic Growth Initiative”) — состоит в организации издания новой газеты “Gobi Business News” и местной радиостанции для распространения среди населения коммерческой информации и пропаганды преимуществ рыночных принципов хозяйствования. По линии USAID США содействовали также созданию в Монголии небанковских финансовых организаций, предоставляющих животноводам кредиты на нужды модернизации и диверсификации их производств. Представители Группы Барентс (Barents Group)⁶ оказали помощь мон-

гольскому правительству в организации процесса приватизации государственной собственности, в проведении пенсионной реформы и т.д.⁷ В 2000 г. Вашингтон включил Монголию в свою систему торговых преференций. Несколько лет назад в Улан-Баторе был создан Американский центр монгольских исследований (American Center for Mongolian Studies). Это быстро растущая независимая общественная организация, играющая центральную роль в укреплении сотрудничества между академическими кругами и исследователями Монголии и США. Монголия сотрудничает с США в рамках NASA (National Aeronautics and Space Administration — Национальное управление США по авионавтике и исследованию космического пространства) и программы “США — Азия. Экологическое партнерство” (The United States—Asia Environmental Partnership (US—AEP)). Американская школа монголоведения — одна из крупнейших исследовательских школ такого рода на Западе. Организован регулярный обмен учеными. Американские ученые — постоянные участники регулярно проводимых в Улан-Баторе конгрессов монголоведов.

Однако в политике Белого дома на монгольском направлении прослеживается курс не только на поддержку демократии, но и на поиск в Азии новых союзников. В октябре 2005 г. Монголию посетил президент США Дж. Буш. До него единственным высокопоставленным американским представителем, побывавшим в Монголии в 1944 г., был Генри Уоллес — вице-президент в администрации Франклина Рузвельта. Как подчеркнул Дж. Буш во время своего краткого визита в Улан-Батор, в борьбе за дело мира и в войне с терроризмом США и Монголия стоят вместе и, если все страны будут и далее едины, никакая тирания будет не в силах их сломить. С другой стороны, США пытаются убедить Монголию в том, что отныне считают участие в обеспечении ее военной безопасности одной из своих задач. Еще до начала официального визита президент США в интервью частной монгольско-американской телекомпании “Eagle TV” заявил, что “не допустит агрессии в отношении Монголии”⁸. Учитывая, что Монголия имеет государственные границы только с Россией и с Китаем, трудно представить какую-либо другую страну в роли агрессора. Тем не менее, такое заявление следует оценить как подтверждение роли США в качестве “третьего соседа” Монголии, ее защитника и спонсора. Публично поддерживая этот курс, включая налаживание сотрудничества в военной сфере, Вашингтон как бы принимает на себя обязательство взять Монголию под свой “зонтик безопасности”. Одновременно руководство США утверждает, что не будет создавать военные базы в Монголии. По крайней мере, с таким заявлением выступил перед журналистами в Улан-Баторе министр обороны США Дональд Рамсфельд, сделавший в монгольской столице краткую остановку на пути из Сеула в Европу. Отвечая на вопрос о планах по углублению военного сотрудничества между двумя странами и, в частности, о возможности открытия на территории Монголии американской станции электронной разведки или военной базы, он отметил, что такой цели у нынешнего руководства Пентагона нет. По его словам, в администрации США “не обсуждается вопрос о возможном открытии американской военной базы в Монголии”⁹.

Такая американская позиция очень много значит для Монголии, обладающей крайне низким военным потенциалом, придает ей уверенность и повышает авторитет на международной арене.

Однако есть некоторые моменты в монгольской внешней политике, которые расходятся с позицией России и Китая. Монголия поддерживает политику США на Балканах и на Ближнем Востоке. Так, монгольские военнослужащие

принимают участие в миротворческих операциях ООН в Ираке, начиная с 2003 года¹⁰. Однако статус монгольских частей в Ираке оказался недостаточно определенным. Монгольское правительство решило вывести войска из Ирака, так как не был решен вопрос страхования жизни солдат. Кроме того, Монголия не получила мандат ООН на участие в военных действиях, хотя ее солдаты были отправлены в Ирак в рамках международной программы по борьбе с терроризмом. Тем не менее, когда восьмая полугодичная командировка монгольских военных в Ираке закончилась 20 марта 2007 г., Монголия продлила срок пребывания своего военного контингента в Ираке по личной просьбе Дж. Буша еще на несколько месяцев¹¹. Монгольские военнослужащие принимают участие в миротворческой миссии ООН и в других странах, в том числе в Афганистане и Сьерра-Леоне. Первая миротворческая группа из Монголии была направлена в Сьерра — Леоне в январе 2006 г., третья — в начале 2008 г. На сегодняшний день Монголия уже направила в Сьерра-Леоне для участия в международной миротворческой миссии около 1000 военнослужащих. Монгольские военные инструкторы работают сейчас в Афганистане.

Военное сотрудничество Монголии и США, непосредственное участие монгольских военнослужащих в миротворческой деятельности ООН означают поддержку Монголией политической линии нынешней американской администрации, проводимой в разных регионах земного шара.

Участие Монголии в военных компаниях, возглавляемых США в Афганистане и Ираке, возможно, убеждает Вашингтон, в том, что усиление этого компонента стратегического партнерства с Монголией теснее привяжет Улан-Батор к США. Несмотря на то, что в обновленной “Стратегии национальной безопасности США” (2006 г.) подтверждена линия на укрепление сотрудничества, прежде всего, с “ключевыми игроками” в регионе, фактически Вашингтон продолжает проводить политику собирания “под свое крыло” не только больших, но и малых стран, добываясь от них поддержки иракского, афганского и других “горячих” направлений своей политики. Сейчас таких стран США насчитывают более тридцати, и Монголия входит в это число. Таким образом, часть ответственности за развязывание военных конфликтов Вашингтон передает участникам своей коалиции.

Опыт политики “третьего соседа” показывает, что ее проведение связано с определенными трудностями, вынуждающими Монголию обращать внимание на сбалансирование при этом своих интересов в отношениях с Россией и Китаем. Это связано, в первую очередь, с участием Монголии в военных действиях, развязанных США на Ближнем Востоке. В Монголии некоторые политики считают, что она должна отказаться от участия в военных конфликтах, развязанных Соединенными Штатами.

Что касается потенциального членства Монголии в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), то Монголия рассматривает ШОС как важное звено многостороннего взаимодействия в регионе, которое может способствовать ее активному участию в региональном сотрудничестве. Монголия постоянно проявляет интерес и желание вести консультации и сотрудничать на всех уровнях по проблемам, представляющим взаимный интерес, прежде всего, по вопросу экономического сотрудничества. В настоящее время Монголия имеет статус наблюдателя при ШОС, полученный ею в 2004 г. на Ташкентском саммите. Однако относительно полного членства существуют опасения. “Почему Монголию хотят вовлечь в ШОС?” — под таким заголовком, например, вышло интервью мон-

гольского политического обозревателя телевидения "Eagle" Ш. Гантулга. "Если мы вступим в ШОС, то можем получить сильнейшую экономическую поддержку со стороны России. Это, на первый взгляд, создаст прекрасную возможность для устранения экономической зависимости от Китая. Но с другой стороны, вступление в ШОС, может привести к весьма негативным последствиям. С вступлением в ШОС Монголия автоматически становится противником США. Тем самым Монголия теряет свою независимость, отходит от принципов демократии и справедливости и становится маленьким отсталым государством, зависимым от своих великих соседей. В условиях напряженности в международной ситуации вступление в ШОС представляется опасным и грозит потерей независимости. Однако нельзя давать и отказ, поскольку эти страны могут оказать давление. Самый правильный путь — это сохранять статус страны-наблюдателя. Однако в этом качестве надо проводить наиболее активную политику"¹².

Подобные настроения подогреваются американскими СМИ. Известный политик и исследователь проблем национальной безопасности США из аналитического центра Heritage Foundation Питер Брукс выражается более определенно. В статье "Клуб для диктаторов", появившейся в газете "New York Post", а потом перепечатанной в других американских изданиях, он пишет о том, что "Пекин и Москва используют ШОС для того, чтобы искоренить американское влияние в сердце Евразии, где проживает половина населения мира, пролегает ключевой фронт войны с террором и находятся ключевые запасы энергоносителей в мире"¹³. Возможно, что полное членство Монголии в ШОС может быть истолковано Белым домом как несогласие с ближневосточной политикой США, то есть в нежелательном для Улан-Батора ключе. (Питер Брукс советует "Дяде Сэму" стать третьим соседом для ШОС)¹⁴.

Таким образом, Монголия стоит перед непростым выбором и вынуждена лавировать, пытаясь соблюсти свои интересы в сложной системе взаимоотношений великих держав.

Следует также учитывать, что Вашингтон явно играет на заинтересованности Монголии в инвестициях и небезосновательно: США, несмотря на свои экономические и другие проблемы, остаются государством с самой сильной экономикой в мире, а Монголия нуждается в инвестициях, финансовой и других видах помощи. Помощь правительства США, помимо ее использования в оборонной сфере, в основном предназначается для развития малого бизнеса, укрепления основ деятельности судебной власти, реформы энергетической отрасли, охраны окружающей среды, импорта пшеницы, здравоохранения, развития финансовой сферы, исследования торговой политики и активизации деятельности Корпуса мира. Результаты уже вполне ощутимы.

Американское содействие Монголии в развитии национальной экономики имеет свои особенности.

Во-первых, оно носит целевой и не только материальный, но и пропагандистский, демонстрационный характер. Например, в Хэнтэйском аймаке Монголии построен глубоководный колодезь в рамках программы Агентства США по международному развитию — "Обучение, воздействие и сеть сотрудничества"¹⁵. Благодаря появлению нового водного источника 200 семей из этого аймака обеспечены чистой питьевой водой. В Монголии реализуется также проект по повышению прожиточного минимума скотоводов, который курирует международная организация World Vision при финансовом содействии Сельскохозяйственного департамента США (USDA)¹⁶.

Такая наглядность помощи позволяет США усиливать свою популярность в разных слоях монгольского общества.

Во-вторых, до недавнего времени США не предпринимали усилий по сооружению крупных промышленных и иных объектов на территории Монголии. Предпочтение оказывается системным преобразованиям, связанным с улучшением условий жизни населения, приватизацией земель, формированием новых источников дохода. В сентябре 2007 г. Совет директоров американского государственного фонда "Вызовы тысячелетия" ("Millennium Challenges", ФВТ), предназначенного для финансирования проектов в тех государствах, "которые управляют справедливо, вкладывают деньги в развитие потенциала своего народа и поощряют экономическую свободу"¹⁷, принял решение предоставить Монголии 285 млн долл. США.

Корпорация, управляющая вышеназванным фондом, заключила с Монголией пятилетний договор для реализации нескольких проектов. Из 285 млн долл., согласно договоренности сторон, инвестиции в сумме 129 млн долл. предназначены на реконструкцию транспортной инфраструктуры, 17 млн — на создание современного диагностического исследовательского центра в системе здравоохранения¹⁸. Кроме того, будет финансироваться проект "Улучшение регистрации имущественных прав". Он включает в себя две части — "Проект имущественных прав" и "Приватизация пригородных земель". Суть первого состоит в том, чтобы защитить права малоимущих на приватизацию земель, снизив установленную для этого высокую плату, и обучить их методам введения земель в экономический оборот с целью повысить доходы от бизнеса. Будет улучшена система регистрации земель и имущества, а 75 тыс. семей, проживающих в юрточных анклавах четырех столичных районов, а также в городах Улиастай, Ховд, Хархорин, Эрдэнэт, Дархан, Зуунмод, Ундурхаан и Чойбалсан, получают разрешение на приватизацию земель.

Целью проекта "Приватизация пригородных земель" является создание жилой пригородной инфраструктуры, базирующейся на интенсивном сельском хозяйстве. В настоящее время пригороды столицы беспорядочно заселяются мигрантами из сельских районов, тем самым ухудшается состояние земель, растут безработица и бедность, ощущается дефицит услуг, необходимых населению. Пригородные земли будут введены в экономический оборот путем отдачи их в долгосрочную аренду, улучшится водоснабжение, повысится плодородие почв. Реализация проекта должна обеспечить создание 304 единиц интенсивного хозяйства в 42 населенных и в 262 частично населенных пунктах, окружающих столицу, города Дархан и Эрдэнэт. Участниками проекта станут около 1000 семей. Выделяемые средства пойдут на регистрацию и сертификацию прав владельцев земель, на составление карт, на проведение справедливого и открытого конкурса животноводов и фермеров, приватизирующих земли в рамках проекта, на закупку стройматериалов, необходимых при создании колодцев и возведении стойбищ, на повышение продуктивности скота, организацию водного менеджмента на пастбищах, на обучение местных административных органов методам маркетинга и использования земель, на урегулирование сопутствующих реализации проекта вопросов природной среды, социума и здравоохранения. На претворение проекта уйдет пять лет и 5,8 млн долл. США.

В-третьих, монголо-американский торговый оборот в течение последних 10 лет стабильно увеличивался. Если в 1995 г. США занимали в суммарном объеме монгольской внешней торговли только 4,3%, то в 2006 г. этот показатель поднялся до 10%. В 2007 г. (первые семь месяцев), доля США во внешней торговле

Монголии составила 6%¹⁹. Это совсем неплохой показатель для торговли со страной, дипломатические отношения с которой впервые были установлены только два десятилетия назад. Компании с американским капиталом работают в торговле и общественном питании, горнодобывающей промышленности, в банковской сфере, туризме и сельскохозяйственном производстве.

В период 1990 — 2006 гг. объем инвестиций из США достиг 87,8 млн долл. Если первоначально на территории Монголии работали 108 компаний с американскими инвестициями, то в 2006 г. их количество увеличилось на 22 компании. В списке монгольских зарубежных инвесторов США сейчас занимают четвертую позицию. Кроме того, после 1991 г. и по сей день США через USAID предоставили Монголии безвозмездную помощь на общую сумму около 180 млн долл.

По неофициальной информации, в США живут и учатся около 20 тыс. граждан Монголии²⁰.

Следует отметить, что США стремятся удерживать контроль над расходованием своей помощи в Монголии. Последний раз такая проверка представителями правительства США была осуществлена в августе 2007 г. Ею были охвачены сферы, к которым более всего были причастны США: развитие малого бизнеса, водоснабжение, обеспечение занятости женщин, здравоохранение, финансы, судебная система²¹. Заключение по большинству объектов инспекции в первом изложении были положительными²². Эти результаты сыграли важное значение в принятии вышеупомянутого решения Совета директоров американского государственного фонда "Вызовы тысячелетия".

Таким образом, политическое и экономическое сотрудничество между Улан-Батором и Вашингтоном продолжает укрепляться. Америка оказывает Монголии существенную финансовую помощь, помогает модернизировать ее армию, содействует приему в международные организации. Присутствие США в Монголии приобретает долгосрочный характер, и основано оно на прочных стратегических интересах, последовательно реализуемых Вашингтоном в Азии. Конструктивный характер монголо-американских отношений свидетельствует о том, что Монголия прочно вошла в систему внешнеполитических интересов Белого дома. Для России это означает одно: в Монголии у нее появился серьезный конкурент в лице США. Следует признать, что сближение Улан-Батора с Вашингтоном отчасти стало реакцией на то, что Россия, занятая своими проблемами, заметно выпустила Монголию из своего поля зрения. В советский период политическое влияние СССР в Монголии было велико, монгольская экономика на 90% зависела от советской. В настоящее время в Монголии усиливает свое влияние Китай, по его следам энергично следует Запад. На сегодняшний день со стороны США впервые наметилась конкретная и целенаправленная пятилетняя программа в рамках ФВТ. Возможно, что за этим наступит очередь инвестиций в создание крупных промышленных объектов. Тогда пропаганда американского образа жизни будет оказывать еще большее влияние на монгольское население. Таким образом, нельзя не отметить логику внешней политики США в отношении Монголии и растущую заинтересованность последней в сотрудничестве с Америкой по таким стратегическим направлениям, как политическое, военное, экономическое и культурное (преимущественно научное). С учетом американской наступательной политики в странах Центральной Азии это бросает определенный вызов России, ее политике в данном регионе. Поэтому отношения Монголии с другими странами, особенно с США и Китаем, должны учитываться Россией. При этом Монголию не следует рассматривать изолированно от ее внешних

связей, и тогда стратегическое видение этого государства, получит более отчетливые контуры и послужит задаче повышения уровня и эффективности двустороннего сотрудничества.

1. Обновление государственной службы Монголии. Многовекторная внешняя политика Монголии. Лекция Президента Монголии Н. Энхбаяра в Академии Государственной службы при Президенте РФ. 2006.12.07.
2. <http://www.internationalreports.net/asiapacific/mongolia/2007/neighbor.html>.
3. ИТАР-ТАСС, 05.12, 2001 // Компас. 2001. N 49. С. 51.
4. Джеймс Бейкер — Государственный секретарь в администрации Буша-старшего (1989—1992 гг.), министр финансов и председатель Президентского совета по экономической политике (1985—1988 гг.).
5. Ардын эрх. Улан-Батор, 2007. 15 марта.
6. Parents group/ Bank Supervision — организация, действующая в рамках Агентства США по международному развитию. Поддерживает реформы в фискальной политике, стажировку банковских служащих и т.п.
7. *La Porta A. and Critchfield A. J. U.S. — Mongolian Relations. Two Years of Progress // The Mongolian Journal of International Affairs. 2000. № 7. P. 4.*
8. Монцамэ. 2005. 22 ноября.
9. Газета.ru. 2005. 22 окт.
10. За это время в семь смен сроком по 6 месяцев каждая там побывало с миротворческой миссией около 800 солдат и офицеров Монгольской народной армии, готовых активно сотрудничать с Америкой в борьбе с международным терроризмом.
11. ИА Regnum. 2007. 19 марта.
12. Зууны мэдээ. Улан-Батор. 2007. 7 июня.
13. *Brookes P. Club of Dictators: An Ugly Agenda for Asia // New York Post. 2006. 12 June.*
14. Ibid.
15. www.owasia.ru. 20.08.07.
16. World Vision Magazine. 2007. Autumn.
17. В задачу этой новой государственной корпорации входит поддержка инновационных стратегий и обеспечение ответственности за достижение измеримых результатов. Руководство деятельностью корпорации осуществляет Совет директоров, состоящий из должностных лиц уровня министров.
18. МОНЦАМЭ. Улан-Батор, 2007. 14 сент.
19. Монголия: внешняя торговля в цифрах и фактах. Улан-Батор,: Представительство Иркутской области в Монголии. 2007.
20. Там же.
21. Агентство США по международному развитию имеет партнерские отношения с такими организациями, как Азиатский фонд, международная организация “Милосердие” (“Mercy Cuer”), Международный институт республиканцев, группа “Чемонкс” (“Chemoncs”), Общество по защите мира и др., которые имеют свои отделения в Монголии. Представители американского правительства ознакомились с их деятельностью, встретились с предпринимателями в ходе знакомства с реализацией проектов “Юрта-инициатива” и “Гоби-инициатива”.
22. Информация предоставлена Представительством Иркутской области в Монголии.

К итогам всеобщих выборов на Тайване. Настало время перемен?

© 2008

А. Ларин

22 марта 2008 г. на Тайване состоялись очередные выборы главы администрации острова (президента, по принятой там терминологии). Победу одержал кандидат от Гоминьдана, бывший мэр Тайбэя Ма Инцзю, набравший 58,45% голосов и добившийся убедительного перевеса над своим противником Се Чантингом (41,55%), представителем Демократической прогрессивной партии (ДПП), выступающей за полное отделение Тайваня от КНР.

Итоги выборов едва ли можно назвать неожиданными: за восемь лет — два конституционных срока — прежний глава администрации Чэнь Шуйбянь, последовательно пытаясь претворять в жизнь программу ДПП, завел отношения с Пекином в политический тупик, усугубил военную конфронтацию между двумя берегами Тайваньского пролива и фактически поставил под угрозу стабильность того хрупкого уникального положения, в котором остров пребывает уже полстолетия. Да и экономические показатели острова: рост ВВП, уровень безработицы за этот период ухудшились. Прощальным звонком для Чэня послужили результаты парламентских выборов в декабре 2007 г., показавшие, что президентская партия потеряла опору в обществе: ей удалось получить лишь 24% мест в Законодательной палате, тогда как Гоминьдан приобрел 72% мест против 49% на предыдущих выборах.

Будучи лишен возможности официально провозгласить независимость Тайваня, поскольку Пекин неоднократно предупреждал, что не потерпит этого, Чэнь Шуйбянь отверг признававшийся всеми его предшественниками "принцип одного Китая" и стал, публично повторять, что Тайвань является "самостоятельным суверенным государством" и что сам он как президент считает своей обязанностью "защиту суверенитета, безопасности и достоинства страны"¹. На всем протяжении своих двух сроков пребывания у власти он предпринимал шаги, призванные утвердить или хотя бы символически подчеркнуть независимость Тайваня. В числе таких шагов:

- введение в законодательство Тайваня такого атрибута современного государства, как Закон о референдуме;
- подготовка новой Конституции, правда, не вышедшая из стадии взбудораживших общество публичных заявлений;
- аннулирование Программы национального объединения и Совета по национальному объединению, созданных Гоминьданом еще в 90-х годах прошлого века;
- проведение в 2008 г. под занавес, одновременно с выборами, референдума по вопросу: следует ли жителям острова добиваться принятия в ООН под но-

вым именем “Тайваня”? Фактически это была скрытая форма референдума об изменении исторического названия непризнанного государства — “Китайской Республики”, против чего Пекин категорически возражал;

- в условиях острой военной конфронтации с материком Чэнь Шуйбянь уделял самое серьезное внимание военному строительству, придавая особое значение созданию собственной истребительной авиации, ракетного оружия и закупкам крупных партий современной военной техники в США. В 2005—2006 гг. Тайваню были поставлены 4 американских эсминца класса “Кидд”, оснащенные современными боевыми системами. В 2007 г. Чэнь добился от парламента одобрения сделки с США на приобретение 12 противолодочных патрульных самолетов “Орион”, заказов на модернизацию зенитно-ракетных комплексов “Пэтриот” и разработку проекта дизельных подводных лодок;

— наконец, Чэнь Шуйбянь начал энергично внедрять в сознание обитателей Тайваня идею “тайваньской идентичности” — представление о том, что они являются отдельной, отличной от материка общностью с собственной историей и культурой и собственным путем в будущее. Была начата подготовка реформы образования, призванная помочь решению “проблемы самоидентичности”, подготовлены новые учебники истории. Процесс “тайванизации” охватил сферы образования, науки, массовой информации. На историко-культурные темы с упором на самобытность Тайваня стали проводиться исследования, организовывались выставки, конкурсы школьных сочинений и т.п. В КНР такого рода деятельность называли “культурным сепаратизмом”. Возникла даже мысль о существовании на территории Китая двух различных цивилизаций: “континентальной” и “океанической”.

Идея “тайваньской идентичности” оказалась весьма популярной, отчасти благодаря тому, что потомки беженцев 1949—1950 гг. оказались свободными от ностальгии по матерiku, от тесных родственных связей с китайцами по ту сторону Тайваньского пролива. Мы не говорим уже о том, что обитатели Тайваня пользуются значительно более высоким качеством жизни и потому не хотят признать юрисдикцию КНР над островом и оказаться в зависимости от воли Пекина, пусть даже остров, как было обещано, получит статус особого административного района и будет пользоваться широчайшей автономией. Согласно опросам, в 2006 г. 60,1% респондентов объявили себя “тайваньцами” (в 2000г. — 36,9%); 33,4% — “и тайваньцами, и китайцами” (в 2000 г. — 43,8%)². По всей видимости, именно умелая игра на такого рода чувствах жителей острова позволила его уроженцу Чэнь Шуйбяню дважды выходить победителем в борьбе за высший административный пост.

Вместе с тем в своей деятельности Чэнь столкнулся с мощной оппозицией в лице Гоминьдана и его союзников (так называемых “синих”, тогда как крайних сепаратистов, включая ДПП, именуют “зелеными”), признающих принцип “одного Китая”, правда, в собственной, неприемлемой для КНР интерпретации (как некую культурно-историческую общность, в данный момент временно разделенную на два равноценных государства). Эти партии, соглашаясь с ростом тенденции “тайваньской идентичности”, в то же время выступали против независимости Тайваня и требовали от президента не обострять отношения с материком. “Синие” неоднократно наносили поражения президентской Демократической прогрессивной партии и ее партнерам в избирательной борьбе, будь то выборы в Законодательную палату или местные органы власти. Обладая большинством в Законодательной палате и способностью выводить на уличные де-

монстрации десятки тысяч своих сторонников, “синяя” оппозиция постоянно сдерживала сепаратистские поползновения Чэнь Шуйбяня.

Так, благодаря сопротивлению оппозиции Закон о референдуме был принят в сильно усеченном виде: на референдум не было разрешено выносить вопросы, касающиеся “государственного флага, государственного гимна, названия государства и изменения его территории”. (Напомним, что в настоящее время КНР и почти никем не признанная Китайская Республика на Тайване имеют, с чисто формальной точки зрения, одну и ту же территорию в одних и тех же границах).

На выборах 2008 г. оппозиция добилась проведения параллельного референдума относительно заявки Тайваня на вступление в ООН под прежним именем “Китайской Республики”. В итоге произошло то, к чему оппозиция и стремилась: оба референдума были сорваны из-за низкой явки избирателей.

Политика ДПП вызывала сильное раздражение в Пекине и подталкивала его к наращиванию военного потенциала, прежде всего ракетных установок на тайваньском направлении. Руководители КНР опасались, что склонный к авантюрам Чэнь решится все-таки на провозглашение независимости Тайваня, и им придется принимать трудное решение об использовании силовых мер, крайне нежелательное, особенно в условиях непредсказуемой реакции со стороны Соединенных Штатов. Неприятный инцидент уже имел место в 1996 г., когда накануне очередных президентских выборов на Тайване НОАК начала демонстративные военные маневры с запуском ракет, взяв остров в артиллерийскую “вилку”, а США в ответ направили к Тайваньскому проливу авианосную группу. На каждый шаг Чэня, призванный продемонстрировать независимость Тайваня — а таких шагов было множество — Пекин реагировал резкой критикой в адрес Тайбэя и напоминанием о своей готовности прибегнуть к крайним мерам, чтобы не допустить объявления острова самостоятельным государством. Накал атмосферы, таким образом, не спадал.

Правда, углубление военной конфронтации сопровождалось выдвиганием целого ряда предложений с обеих сторон относительно возобновления диалога и снижения напряженности между берегами Тайваньского пролива. Однако фактически этот парад инициатив вылился в бесплодную конкуренцию внешнеполитических ведомств двух сторон на пропагандистском фронте, поскольку Пекин соглашался обсуждать любые вопросы, но только после признания Тайбэем “принципа одного Китая”, а Тайбэй этот принцип неизменно отвергал, даже в самой расплывчатой его форме — в виде так называемого “консенсуса 1992 г.”. (Названный консенсус трактуется в КНР как достигнутая в 1992 г. обеими сторонами договоренность “устно и по отдельности” заявить о согласии с принципом “одного Китая”. Представители тайваньской стороны соглашались признать этот принцип с оговоркой: “в разных интерпретациях”³. По мнению же Чэня, “консенсус 1992 г.” — это “сфабрикованный термин, и такого консенсуса не существует”⁴).

Тем не менее, последние два-три года в тайваньской политике Пекина обозначились новые грани, сделавшие ее более гибкой и конструктивной. Это произошло после того, как Ху Цзиньтао, сосредоточив в своих руках всю полноту высшей государственной власти в Китае, произвел перестановки на ключевых постах в структурах, ведающих тайваньскими делами, и поставил задачу “перехода от пассивной политики к активной, от противостояния чиновников — к курсу “тащить дракона всем миром”⁵.

Руководители КНР начали, во-первых, оказывать знаки внимания всем оппозиционным силам на Тайване. В 2005 г. руководители КНР совершили сенсационный шаг, пригласив в Пекин лидера Гоминьдана Лянь Чжаня. Встреча Председателя КНР Ху Цзинтао с Лянь Чжанем продемонстрировала их общее стремление кардинально расширить сотрудничество через пролив, создав атмосферу доверия и равноправия. Стороны договорились сотрудничать “в целях заключения мирного договора”, заложить основу “укрепления доверия в военной сфере”, согласились создать “механизм экономического сотрудничества и единого рынка” и т.д. Единственное условие Пекина — признание “принципа одного Китая”.

Вслед за Лянь Чжанем Пекин посетил лидер второй крупнейшей оппозиционной партии Тайваня — Сун Чуюй. Обе стороны проявили согласие относительно возобновления диалога между берегами Тайваньского пролива при том же условии признания “принципа одного Китая”.

Вторая новая грань политики Пекина: понимая, что и с оппозицией, если она придет к власти, отношения будут далеко не простыми, он поставил целью завоевать симпатии всех слоев населения острова. В кругах специалистов по обе стороны пролива это направление было обозначено формулой: “возлагать надежду на народ”.

Основой курса на неформальное сближение с Тайванем должны служить идеи национального единства всех китайцев по обе стороны Тайваньского пролива в противовес сепаратистской концепции “тайваньской идентичности”. Отсюда выводится обязанность правительства КНР заботиться о всех соотечественниках, в том числе и о жителях Тайваня. Выдвигая в 2006 г. новые четыре предложения по развитию отношений через пролив, Ху Цзинтао заявил: “Конечной целью мирного развития отношений между двумя берегами является благосостояние соотечественников по обе стороны пролива”.

Стремясь склонить в свою пользу общественное мнение острова, Пекин стал предоставлять тем или иным группам его населения разного рода льготы, смягчать ограничения на их деятельность на материке. Такого рода тактика использовалась Пекином и раньше, но в значительно более узких рамках: она касалась, главным образом, тайваньских предпринимателей, работающих на материке. Теперь она в той или иной мере охватывает крестьян, учащихся, аборигенов Тайваня, отставных военных и т.д.

Воплощением обновленной политики Ху Цзинтао стал принятый в 2005 г. Закон о противодействии расколу сочетающий в себе, условно говоря, “кнут” и “пряник”. Закон, с одной стороны, укрепляет правовую и политическую базу для применения силы с целью решения тайваньской проблемы. С другой стороны, в нем намечены направления, по которым правительство КНР готово развивать связи с тайваньской стороной. КНР предлагает экономическое сотрудничество, включая налаживание прямых связей через пролив; обмены в области образования, науки, культуры, здравоохранения, спорта; меры для продвижения тайваньской сельскохозяйственной продукции на рынки южного Китая, сотрудничество в сфере трудовых услуг и т. п.

XVII съезд КПК закрепил проводимый Ху Цзинтао курс на урегулирование тайваньской проблемы “мягкими” методами. Новым шагом в этом направлении стало его предложение на основе “принципа одного Китая” “достичь соглашения о мире, сформировать каркас и создать новую обстановку для мирного развития двух берегов Тайваньского пролива”. По всей видимости, соглаше-

ние подразумевает обмен обязательствами: со стороны Гоминьдана — не провозглашать независимость Тайваня; со стороны Пекина — отказаться от применения силы или, по крайней мере, снять существующую неопределенность условий ее применения, сведя их к единственному: провозглашение независимости Тайваня, и ничего другого. Возможно, Пекин пойдет даже на сокращение количества ракет в примыкающем к Тайваню районе. Такое соглашение позволит китайскому правительству обрести уверенность, что Тайбэй оставит попытки провозгласить независимость, а жители острова в значительной мере избавятся от опасений насчет возможных силовых действий Пекина. Ранее тема заключения мирного договора обсуждалась сторонами еще во время визита Лянь Чжэня в КНР в 2005 г.

Обновление тайваньской политики руководителей КНР преследовало, как представляется, три цели:

ближайшая цель — политическая изоляция и оттеснение от власти сепаратистской Демократической прогрессивной партии на предстоящих президентских выборах 2008 г., замена президента представителем “синих” партий (Гоминьдана). Эта цель была достигнута;

более долгосрочная цель — подрыв позиций и маргинализация крайних сепаратистских сил на будущее;

одновременно с этим — создание более благоприятных условий для грядущего объединения по формуле “одно государство, две системы”.

Может показаться парадоксальным, но политический тупик не помешал крутому росту экономических отношений между берегами Тайваньского пролива. В 2007 г., по тайваньским источникам, объем торговли “через пролив” достиг 90,43 млрд ам. долл., увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 18,2%. При этом экспорт с Тайваня на материк вместе с реэкспортом составил 62,48 млрд ам. долл. (годовой прирост 20,0%), импорт вкупе с реимпортом — 28,0 млрд (прирост 13,1%)⁶. Суммарные тайваньские инвестиции в экономику КНР превысили 100 млрд ам. долл.

Главным препятствием в развитии экономического сотрудничества является отсутствие прямых связей между двумя берегами пролива, а их налаживание опять-таки уперлось в неприятие Тайбэем принципа “одного Китая”. Пекин, выражая готовность открыть прямые связи, требует считать их установление “внутренним делом” двух берегов и решать его посредством переговоров между соответствующими компаниями, а кораблям — не поднимать государственные флаги. Чэнь Шуйбянь отверг это условие, рассматривая его как завуалированную форму принципа “одного Китая”.

Экономическая интеграция Тайваня с материком имеет на острове как сторонников, так и противников, указывающих, что сближение с континентальным Китаем несет Тайваню, наряду с очевидными выгодами, также и серьезные вызовы и риски.

Во-первых, отток инвестиций, перенесение на материк производств, причем не только трудоемких, но и наукоемких, высокотехнологичных, “опустошает” изнутри экономику Тайваня, сокращает количество рабочих мест, снижает интерес предпринимателей к инновациям в сфере высоких технологий, к капиталовложениям в инфраструктуру на самом острове. А это чревато утратой конкурентоспособности Тайваня в глобальной экономике, длительной безработицей и стагнацией душевого ВВП. По оценкам, тайваньские инвестиции в экономику материка чрезмерно высоки: они превышают 3%, если не 4% ВВП, тогда как в ис-

следования и внедрение инноваций вкладывается всего 2%. Между тем, США и Япония инвестируют на материке меньшую, чем Тайвань, долю своего ВВП, зато более 3% вкладывают в инновационную сферу⁷.

Сторонники противоположной точки зрения доказывают, что, наоборот, инвестиции на материке поднимают конкурентоспособность Тайваня. Так, согласно их подсчетам, в 1995—2000 гг. в сфере производства информационных технологий на каждый 1% мощностей, перемещенных на материк, приходился прирост в 0,5% доли Тайваня на мировом рынке.

Во-вторых, на острове существуют опасения, что неограниченное сближение с континентальным Китаем рано или поздно поставит малую экономику Тайваня в одностороннюю зависимость от огромной экономической мощи материка и даже может привести к поглощению малым большим. А эта зависимость может быть использована в политических целях. Поэтому перемещение на другую сторону пролива капитала и товаров необходимо ограничивать. Существует мнение, что Пекин сформулировал две тактики давления на Тайбэй: “и шан взй чжэн” (давление на политику с помощью предпринимателей) и “и минь би гуань” (принуждать чиновников, опираясь на народ). Сразу же после победы Чэнь Шуйбяня на президентских выборах 2000 г. Пекин предупредил руководителей крупных компаний Тайваня, что их деловые интересы на материке могут пострадать, если они будут поддерживать движение за независимость⁸. Тайваньские политики ссылаются на слова экономиста из КНР Ху Аньгана о том, что Китай способен за неделю поставить Тайвань на колени, поскольку экономика острова зависит от материка как “диабетик от инсулина”⁹.

Алармистский подход к экономическому сращиванию двух берегов наиболее близок сепаратистским силам Тайваня. Другая, противоположная точка зрения отстаивается Гоминьданом и отражает расчеты деловых кругов с их глубоко меркантильными видами на бизнес по ту сторону пролива. Здесь господствует мнение, что при всей огромной разнице в экономической мощи партнеров налицо не односторонняя зависимость слабого от сильного, а их взаимная зависимость друг от друга. “Торгово-экономические связи — это общий знаменатель обоих берегов. В их экономической структуре заложена взаимная зависимость, взаимное сдерживание”, — отмечает, например, один из тайваньских экспертов¹⁰. А это означает, что экономические санкции против тайваньского бизнеса неизбежно обернутся потерями и для самого материка. В силу этого, как единодушно отмечают специалисты, Пекин не склонен к применению санкций против тайваньских бизнесменов и вообще чрезвычайно осторожен в попытках влиять на их политическое поведение. В отношениях с тайваньским бизнесом Пекин отдает явное предпочтение мерам сотрудничества перед методами силового нажима.

Различия в подходах к развитию отношений с материковым Китаем четко проявилось в предвыборных платформах двух кандидатов.

Ма Инцзю в своей избирательной платформе сделал упор на радикальное улучшение отношений с материком. В качестве первоочередных шагов он предложил установить прямое воздушное и морское сообщение через Тайваньский пролив, открыв для этого на острове семь портов, допустить свободный обмен товарами, ослабить ограничения на инвестиции в экономику материка. Программа Ма предусматривала также развитие туризма, обмен культурными и образовательными программами. В среднесрочном плане Ма Инцзю наметил подписание мирного соглашения с Пекином. Базой для установления взаим-

ного доверия должна служить договоренность об общем признании принципа “один Китай, две интерпретации” в духе “консенсуса 1992 г.”. В более далекой перспективе стороны могли бы договориться о создании экономического союза по типу “Общего рынка”.

Се Чантин также высказался за развитие экономических связей с КНР, но одновременно призвал иметь в виду, что в принципе оно представляет собой “скорее угрозу, чем пользу” для тайваньской экономики и может привести к “утрате достоинства и суверенитета, нанести ущерб “тайваньской идентичности”.

В экономической сфере Ма Инцзю пообещал исправить положение дел, сложившееся за восемь лет нахождения у власти ДПП. Оно характеризуется замедлением темпов экономического развития (в 2007 г. — приблизительно до 4,3%), ростом безработицы до 3,95%, сокращением инвестиций. По темпам роста экономики Тайвань стал отставать не только от материка, но и от других стран АТР со сходной структурой экономики. Ма заявил, что снизит безработицу до 3% и обеспечит ежегодный рост ВВП в объеме 6%, благодаря чему душевой ВВП в 2011 г. достигнет 20 тыс. долл. Кандидат от Гоминьдана счел особенно важным развитие сельскохозяйственного производства посредством привлечения значительных инвестиций и использования новых агрономических технологий.

По мнению же Се Чантина, проблемы тайваньского общественного хозяйства коренятся “не в низких темпах динамики, а в неравномерном распределении богатства”. Он сделал упор на снижении налогов и увеличении государственной помощи женщинам, детям и пожилым людям. Он призвал также к построению стабильной экономики, базирующейся на знаниях и вместе с тем экологичной. В противовес утилитарному подходу, ориентированному на прибыль, Се провозгласил необходимым соблюдение баланса между экономическим развитием, социальной справедливостью и охраной природы. Сделав заход в область общественной нравственности, он заявил: не нужно внушать молодым людям, будто главное в жизни — это деньги. Побуждайте их реализовать их мечты и идеалы — тогда придут и материальные выгоды¹¹.

Любопытно, что оба кандидата сочли необходимым подчеркнуть свою тайваньскую идентичность. Родившийся в Гонконге Ма Инцзю во время телевизионной дискуссии со своим оппонентом патетически воскликнул: “Я — тайванец! Я сызмала ел тайваньский рис и пил тайваньскую воду, и когда я превращусь в прах, я останусь частью Тайваня!”¹²

Всеобщие выборы 2008 г., подведя итоги восьмилетней “эпохи Чэнь Шуйбяня”, убедительно показали: для независимости Тайваня сегодня нет условий, и в обозримом будущем они не предвидятся. Проведение курса на независимость — это опасная политика, неизбежно ведущая к дестабилизации обстановки в Тайваньском проливе и далее во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Победа Гоминьдана может открыть новую страницу в истории отношений между двумя берегами Тайваньского пролива — страницу, отмеченную установлением прямых связей через пролив и ускорением экономической интеграции в условиях политического диалога и снижения, если не прекращения военной конфронтации.

Нелишне отметить, что стабилизация статус-кво Тайваня отвечает не только интересам обеих сторон, она, безусловно, более приемлема для США, чем откровенный, провокационный сепаратизм ДПП, способный вызвать кризис в отношениях между Пекином и Вашингтоном.

Разумеется, даже после передачи власти на Тайване в руки Гоминьдана не приходится ждать полной гармонизации взаимоотношений между материком и островом: интерпретации принципа “одного Китая” на двух берегах несовместимы одна с другой. За интерпретациями же скрываются неизменное стремление руководителей КНР воссоединить Тайвань с материком по формуле “одно государство, два строя” и столь же упорное желание большинства жителей Тайваня сохранить статус-кво.

Дальнейшее во многом зависит от Пекина: будет ли он настаивать на признании Тайбэем “принципа одного Китая” в такой форме, которая под Китаем однозначно подразумевает КНР? Станет ли такое признание жестким условием дальнейшего углубления экономического сотрудничества, параллельно с попытками привлечь на свою сторону островитян с помощью разного рода льгот? Или же предпочтет неспешное обсуждение этого принципа как гарантию отказа тайваньской политической элиты от курса на независимость и откроет дорогу процессам экономической интеграции, терпеливо ожидая, когда эти процессы приведут к фактическому сращиванию острова с материком в единое хозяйственное целое?

Судя по всему, Пекин не склонен торопиться.

1. См., напр.: *Taiwan Journal*. 2004. V. 21, N 2.
2. <http://info.gio.gov.tw/ct/asp?xitem=31621>.
3. Подробно об этом см.: *Зиновьев. Г. К* вопросу о “консенсусе 1992 г.” // *Проблемы Дальнего Востока*. 2003. № 3.
4. *Taiwan Journal*. 2006. V. 23, N 15.
5. *Бэй Синцянь*. Чжун гун цзинь ци дуй Тай жэнь ши цзи чжэнцэ пинси // *Оу Я яньцзю тунсюнь* [Кадры и политика КПК в тайваньских делах за последнее время // *Новое в европейско-азиатских исследованиях*] 2006.V. 9, N 9. P. 2—3.
6. <http://cus93.trade.gov.tw/english/FSCE>.
7. *Hwan C. Lin*. Taiwan has overinvested in China // *Taipei Times*. 2002. 31 окт.
8. *Op.cit.* С. 46; *Renmin ribao*. (хай вай бань). 2000. 10 апр.
9. *Taiwan Journal*. 2008. V 25, N 9.
10. *Чжу Яньчжи*. Лян ань цзинмао [Торгово-экономические связи между двумя берегами]. Тайбэй, 2004. С. 42.
11. Подробнее о позициях кандидатов см.: *Taiwan Journal*. 2007. 15 июня; 31 авг.; 2005. 29 февр.; 7 марта; ТАСС, 23.07.2007.
12. *Taiwan Journal*. 2008. 29 февр.

Российский Дальний Восток

Государственная торговля советского Дальнего Востока с Северо-Восточным Китаем в 1920-е гг.

© 2008

О. Залесская

Освобождение Народно-революционной армией ДВР Приморья от интервентов и белогвардейцев осенью 1922 г. положило конец гражданской войне на Дальнем Востоке. 14 ноября 1922 г. постановлением Народного собрания ДВР был создан Дальневосточный революционный комитет (Дальревком), которому передавалась вся полнота власти. Перед ним ставилась задача объединения Дальнего Востока с Советской Россией.

16 ноября 1922 г. Президиум ВЦИК утвердил состав Дальревкома под председательством П.А. Кобозева. Постановлением ВЦИК и СНК от 25 июля 1923 г. Дальревком (ДРК) был объявлен высшим органом центральной власти РСФСР на территории образованной Дальневосточной области (ДВО) с подчинением и предоставлением отчетов о своей деятельности ВЦИК и СНК РСФСР.

С упразднением ДВР потребовалось принять конкретные меры по достижению экономического единства Дальнего Востока с Советской Россией. Условия и принципы интегрирования дальневосточного хозяйства в советскую экономическую систему определялись спецификой ДВО: наличием самостоятельного денежного обращения, сильными позициями частного капитала, зависимостью от товаров соседнего Северо-Восточного Китая. 30 октября 1922 г. на закрытом внеочередном заседании Дальбюро ЦК РКП(б) была заслушана информация ЦК РКП(б) о необходимости немедленной советизации Дальнего Востока. Прибывший из Москвы секретарь и член Президиума ВЦИК Т.В. Сапронов признал наличие в ЦК затруднений при решении экономических вопросов Дальнего Востока в силу местных особенностей, при этом было решено "оставить экономическое положение таким, как оно есть, использовать накопленный пятилетний опыт и временно сохранить золотое обращение". Унификацию денежной системы предполагалось проводить постепенно, по мере развертывания товарооборота с центром страны. Свобода внешней торговли временно сохранялась из-за трудностей эффек-

тивно охранять внешние границы края и невозможности удовлетворять внутренний рынок продукцией местного и российского производства¹.

Для решения хозяйственных и финансово-экономических вопросов в ДВО было создано в начале декабря 1922 г. Дальневосточное экономическое совещание (Дальэконосо). Для руководства промышленностью на правах отдела ДРК 16 ноября 1922 г. было образовано Дальневосточное промышленное бюро (Дальпромбюро). Пути дальнейшего развертывания советского строительства в крае и вопросы руководства хозяйственными органами рассмотрела в марте 1923 г. V Дальневосточная партконференция. В апреле при Дальэконосо начала функционировать Дальневосточная плановая комиссия (Дальплан), которая разрабатывала экспортно-импортные планы и экономические программы.

Работа новых органов не была поначалу свободна от трудностей: в деятельности Дальпромбюро, к примеру, в первые месяцы отсутствовал четкий план работы, слабой была связь с местными органами Советской власти².

На заседании особого совещания по вопросам планирования и регулирования внешней торговли на Дальнем Востоке, проведенном 25 ноября 1922 г. в Москве при Наркомате внешней торговли (НКВТ), отмечалось, что “в области экономической политики на Дальнем Востоке НКВТ не предполагает проводить жесткую линию и считает невозможным в данный момент производить коренную ломку”. Совещание согласилось с “временным сохранением золотого обращения, вводя, однако, обязательное хождение советских знаков”³. Переход от золотого обращения к единой советской денежной единице — червонцу на Дальнем Востоке завершился в конце 1924 г.

Зависимость рынка ДВО от Северо-Восточного Китая и огромные объемы контрабандно провозимых товаров ускорили принятие правительством РСФСР решения о введении здесь режима монополии внешней торговли. 16 января 1923 г. Дальревком своим постановлением ввел на территории бывшей ДВР декреты ВЦИК от 13 марта 1922 г. “О внешней торговле”, ВЦИК и СНК от 16 октября 1922 г. “О внешней торговле” и постановление СТО “О порядке выдачи лицензий для закупок и продажи за границей”. В Чите, Благовещенске, Владивостоке были созданы бюро лицензий. Важным элементом импортной политики стала жесткая регламентация ввоза, и за три месяца (апрель, май, июнь 1923 г.) количество товаров, легально ввезенных из Северо-Восточного Китая, уменьшилось в 4 раза⁴. Параллельно расширялся внутренний товарооборот за счет государственной торговли. В 1924 г. он вырос по сравнению с 1923 г. на 18 млн руб., достигнув 169 млн руб. Доля государственной торговли увеличилась в общем торговом обороте на 42% (с 42 млн руб. до 60 млн руб.), а частной торговли — сократилась на 14%⁵. Административные меры способствовали свертыванию дальневосточного частного капитала: отказ в выдаче лицензий, аннулирование ранее выданных разрешений на деятельность, жесткая налоговая политика — все это повлекло устранение с рынка предприятий различных отраслей промышленности и торговли.

Мелкие посредники вытеснялись из товарооборота крупными частными фирмами, которые в дальнейшем были вытеснены государственными торговыми организациями. Доля частных торговцев в импортных операциях с 52,74% в феврале — сентябре 1923 г. упала в 1924/25 г. до 0,15%⁶. Многие китайские коммерсанты в этот период ликвидировали свои дела в Благовещенске, Хабаровске, Хэйхэ и выехали в Харбин⁷. В 1922 г. в Амурской губернии насчитывалось 1592 частных предприятия, из коих китайским подданным принадлежало 936, русским — 656. А в 1923 г. из 1471 предприятия китайцам принадлежало 613, рус-

ским — 740⁸. В дальнейшем этап унификации экономики Дальнего Востока проходил в соответствии с общероссийскими стандартами и по правилам установленной в стране административно-командной системы управления. Проводившийся советским правительством протекционизм во внешней торговле означал единство экспортно-импортных планов, что напрямую влияло на формирование государственной торговли советского Дальнего Востока с Северо-Восточным Китаем.

В 1920-е гг. промышленность и земледелие Северо-Восточного Китая активно развивались. В 1923 г. урожай бобов в этом регионе составил 3262 тыс. т, в 1925 г. — 4174 тыс. т; экспорт, соответственно, 1370 тыс. т (41,98% собранного урожая) и 1464 тыс. т (35,08% урожая). Северо-Восточный Китай постоянно сохранял активный торговый баланс; в 1920—1927 гг. — 546 млн лян⁹ (в среднем 182 млн лян ежегодно)¹⁰.

После упразднения ДВР Северо-Восточный Китай продолжал поставлять продовольствие и промтовары. Ввиду слабой развитости производительных сил дальневосточного региона СССР его рынок был подчеркнута потребителем, что усиливало его зависимость от внешней торговли. Из Китая ввозились пшеница, соль, сало, листовой табак, яйца, мешки и т. д., в Китай с территории ДВО вывозились рыбпродукты, морская капуста, пушнина, лесоматериалы, каменный уголь. В 1923/24 операционном году¹¹ ДВО экспортировала в Северо-Восточный Китай: рыбы — на 1465 тыс. руб., пантов — на 64845 руб., угля — 5263 тыс. пудов¹². Экспорт Китая в СССР в 1924 г. составил 46,4 млн таможенных лян — на 1,4 млн лян больше, чем в 1913 г. Из вышеуказанного объема экспорт Северо-Восточного Китая выразился в сумме 44,9 млн лян (97%). Что касается импорта советских товаров Китаем, то он в том же году составил 10 млн лян, в том числе импорт Северо-Восточного Китая — 7,9 млн лян (75%)¹³. Из Харбина ежедневно отправлялось 480—500 вагонов бобов, жмыха и бобового масла¹⁴.

Значительный поток грузов следовал через Владивостокский порт. В силу более короткого пробега по железной дороге и отсутствия перегрузки в пути с широкой на узкую колею направление экспорта из Маньчжурии через КВЖД, Уссурийскую магистраль и порт Владивосток имело преимущества по сравнению с маршрутом, пролежавшим по Южно-Маньчжурской железной дороге (ЮМЖД) на порт Дайрен (ранее — Дальний, ныне — Далянь). К тому же, до 1922 г. тарифы на КВЖД были таковы, что провоз любых экспортных грузов из Харбина до Владивостока обходился дешевле, чем до Дайрена. С июля 1922 г. в схеме тарифов произошли изменения, из-за которых около 80% экспортных грузов КВЖД стало отправляться в Дайрен¹⁵. Тем временем совершенствование технического оборудования Владивостокского порта, мероприятия по привлечению транзитных грузов (льготы по оплате за их хранение на складах; освобождение предприятий, производивших экспортно-импортные операции через транзитную часть, от промыслового налога и гербового сбора) повысили его конкурентоспособность. Хотя в 1923 г. ввоз коммерческих грузов Владивостокским портом был меньше по сравнению с 1913 г. более, чем десятикратно (96 тыс. т), зато вывоз за те же годы возрос с 552 тыс. т до 880 тыс. т.

В 1923/24 г. из общего грузооборота Владивостокского порта (57 155 739 пудов) 37 073 608 пудов приходилось на маньчжурский экспорт (65%)¹⁶. За 1922—1927 гг. грузооборот Владивостокского торгового порта под влиянием маньчжурского экспорта увеличился втрое, составив 2,3 млн т¹⁷. Если до 1917 г. ввоз товаров во Владивостокский порт превышал вывоз, то в 1920-е гг. налицо обратное явление.

В 1922 г. в Харбине (где до этого большинство торговых операций по снабжению Дальнего Востока продовольствием осуществляла контора Центрсоюза, появилось представительство Государственной экспортно-импортной торговой конторы РСФСР (Дальторг). В дальнейшем на территории Китая были основаны и другие советские учреждения, занимавшиеся сбытом русских товаров, закупкой продовольствия в Китае, а также выполнявшие роль торговых посредников: Закупсбыт, Нефтесиндикат¹⁸, Амурское государственное пароходство, Дальпромбюро, Текстильсиндикат, Чаеуправление, Совторгфлот, агентства Дальлеса и Дальугля, акционерное общество "Транспорт" и т.д. В июне 1923 г. в Харбине было открыто советское акционерное общество Дальневосточный банк (Дальбанк), в функции которого входило предоставление кредитов советским организациям, заключавшим торговые сделки на территории Китая, китайским фирмам, экспортировавшим товары на российский Дальний Восток, а также русским торгово-промышленным предприятиям в Китае¹⁹.

После советизации Дальнего Востока стало очевидно, что существующие там таможенные тарифы не отвечают интересам внешнеэкономических связей. В период ДВР на дорогах Дальнего Востока действовали двукратно увеличенные тарифы, применявшиеся в России до 10 июня 1917 г. С введением бумажных дензнаков тарифные ставки с 1 января 1921 г. были увеличены в 25 раз для частных перевозок и в пять раз — для правительственных. После введения законом от 16 мая 1922 г. золотого обращения все существовавшие тарифы были отменены. На дорогах Дальнего Востока (начиная с Верхнеудинска) тариф увеличился более чем втрое, что серьезно затруднило товарообмен с рынками Сибири и европейской части России. В связи с этим комиссия Наркомвнешторга, работавшая в Чите в декабре 1922 г., рекомендовала ввести на Дальнем Востоке европейский таможенный тариф с учетом местных условий²⁰. Переход на тарифы, общие с СССР состоялся 1 мая 1924 г., а 1 октября того же года был ликвидирован "верхнеудинский перелом".

Большое значение для дальнейшего развития торгово-экономических связей двух стран имело подписанное 31 мая 1924 г. Л.М. Караханом и министром иностранных дел Китая Гу Вэйцзюнем "Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой". Подписание этого документа означало восстановление двусторонних дипломатических и экономических связей, начало качественно нового этапа в истории российско-китайских отношений. СССР отказывался от прав экстерриториальности, консульской юрисдикции, привилегий по концессиям царского правительства, от российской части контрибуции за восстание ихэтуаней. КВЖД была объявлена коммерческим предприятием. СССР дал согласие на выкуп КВЖД Китаем за его национальные средства. Стороны условились заключить торговый договор и созвать советско-китайскую конференцию для выработки таможенного тарифа и урегулирования вопросов, связанных с судоходством по пограничным рекам. Одновременно было подписано соглашение о временном управлении КВЖД, для руководства которого было предусмотрено создание правления в составе десяти членов (по пятеро с обеих сторон) под председательством представителя Китая.

Упрочившееся к лету 1924 г. положение главы администрации Трех автономных восточных провинций — Чжан Цзолина и непризнание им соглашения от 31 мая 1924 г. ускорили разработку сепаратного договора с маньчжурскими властями, который был подписан 20 сентября 1924 г. в Шэньяне и получил название "Соглашение между правительством Союза СССР и правительством

Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики о КВЖД, судоходстве, редемаркации границы, тарифном и торговом соглашениях". Шэньянское соглашение предусматривало сокращение срока совместной эксплуатации КВЖД с 80 до 60 лет, регулировало вопросы управления дорогой. Было зафиксировано согласие сторон решить на основе равенства вопрос о плавании их судов в пограничных водах и произвести с помощью смешанной комиссии редемаркацию советско-китайской границы.

Коммерческая (как и финансовая) деятельность КВЖД была в упадке. Что касается тарифов, дорога была связана убыточными обязательствами с ЮМЖД. 3 октября 1924 г. состоялось первое заседание правления КВЖД, которое приняло решение уволить Б.В. Остроумова и назначить новым управляющим гражданина СССР А.Н. Иванова. В дальнейшем КВЖД, отказавшись от услуг частных агентов, развернула и укрепила сеть собственных агентств; установила новые тарифы; наладила прямое европейско-азиатское сообщение. В результате за первый же год деятельности новой администрации перевозки грузов возросли на 25%; в 1925/26 г. "прибавка" составила еще 16%. Числая прибыль КВЖД в 1925 г. приблизилась к 17 млн руб. Количественные показатели таковы: в 1924 г. перевозка коммерческих грузов по КВЖД составляла 3025 тыс. т, в 1925 г. — 3386 тыс. т, в 1926 г. — 4233 тыс. т, в 1927 г. — 5600 тыс. т²¹.

При установлении на дороге совместного советско-китайского управления для СССР при определении тарифов на перевозку грузов предоставлялись льготы. При доставке пассажиров и грузов без пересадки и перегрузки на станциях Маньчжурия и Пограничная происходил обмен составов КВЖД на составы Забайкальской и Уссурийской дорог. В механических мастерских КВЖД бесплатно ремонтировались паровозы и вагоны из СССР. В 1925 г. между правлениями КВЖД и правлением акционерного общества "Транспорт" было подписано годичное соглашение, по которому "Транспорт" через посредство своих отделений и агентств, а также посредством агентств КВЖД стал привлекать грузы в России и в Китае для перевозки их по КВЖД. Правление КВЖД обязалось открыть "Транспорту" кредитный текущий счет на 100 тыс. зол. руб. под 12% годовых. В свою очередь, общество "Транспорт" должно было открыть такой же счет для КВЖД на Читинской и Уссурийской железных дорогах для выполнения агентами таможенных агентств на ст. Маньчжурия и Пограничная операций по передвижению грузов. Юридический адрес общества "Транспорт" находился в Харбине²².

После подписания советско-китайских соглашений 1924 г. советская сторона рассчитывала на увеличение потока транзитных грузов, следовавших по КВЖД на Уссурийскую железную дорогу и далее во Владивосток. 29 сентября 1924 г. СНК СССР принял декрет о выделении из общей сухопутной и водной площади Владивостокского порта обширного района для транзитных грузов. В соответствии с этим решением Дальревком 13 января 1925 г. постановил отвести под транзитную часть территорию площадью свыше 2 кв. км на юго-востоке мыса Эгершельд от второго до восемнадцатого причала со всеми пакгаузами, железнодорожными путями и другими сооружениями²³.

В служебной записке заведующего Шанхайским коммерческим агентством Уссурийской железной дороги торговому представительству СССР в Китае от 14 февраля 1925 г. отмечалось, что пристань Эгершельд — экономически важный и технически оборудованный объект, но ее потенциал мало востребован. За годы гражданской войны предприниматели Северо-Восточного Китая освои-

ли Дайренское направление (так, экспорт маньчжурской сельхозпродукции транзитом через Дайрен достигал 180 млн пудов в год). В указанной записке были названы проблемы, связанные с транзитом грузов через Владивосток: нерегулярность морских пароходных рейсов из Владивостока; возможность страховать груз только в Госстрахе, чрезмерно высокие портовые сборы Эгершельда.

В целях увеличения объемов грузоперевозок Управление Уссурийской железной дороги открыло коммерческие агентства на ст. Маньчжурия и Пограничная, а также в Харбине и Шанхае. Первоочередной их задачей стала пропаганда преимуществ Владивостокского направления. Во Владивостокском порту были установлены льготы по корабельному сбору. Эти усилия дали свои результаты — уже в 1924 г. ввоз через Владивосток грузов для Северной Маньчжурии составил 419 864 пуда (в 1923 г. — только 49 499 пудов)²⁴. За январь-март 1925 г. в порт Владивосток прибыло 230 судов — на 17 судов больше, чем этот же период 1924 г. Тоннаж-нетто прибывших судов достиг 450 857 т — на 22,5% больше, чем в 1924 г.

Коммерческие круги Китая проявляли живейший интерес к этим мероприятиям советской власти. Внимание иностранных фирм привлекали не только возможности морских доставок грузов во Владивосток, но и сухопутный транзит через территорию СССР. Оптимизации процесса маньчжурского транзита должна была послужить созданная в 1925-1926 гг. на мысе Эгершельда Транзитная хлебная биржа. Акционерами стали Дальбанк, Уссурийская железная дорога, Дальгосторг, Совторгфлот, акционерное общество "Транспорт" и ряд китайских и русских частных экспортных фирм²⁵. Для увеличения потока транзитных грузов с 1 апреля 1926 г. все принадлежащие советским и иностранным гражданам предприятия, занимавшиеся исключительно экспортом и импортом товаров, идущих в Маньчжурию и оттуда транзитом через Владивостокский порт, освобождались от гербового сбора²⁶.

Все это привлекло представителей китайского купечества, занимавшегося экспортными операциями. Так, в марте 1926 г. во Владивостоке побывал представитель харбинской фирмы купца Фу Шунъи. Ранее фирма отправляла в год до 10 млн пудов экспортных грузов через Дайрен. После упомянутого визита она стала отправлять экспорт через Владивосток. Экспорт из Маньчжурии через Владивостокский порт увеличился с 745 тыс. т в 1924 г. до 1177 тыс. т в 1926 г., а импорт — с 6,9 тыс. т до 61 тыс. т соответственно²⁷.

Конкуренция Уссурийской железной дороги и ЮМЖД обострялась. Хотя перевозка одного пуда бобов от ст. Харбин через Владивосток обходилась дешевле на 1,37 коп., чем через Дайрен, экспортеры предпочитали последний: на Дайренском направлении можно было получить ссуду в любом банке; в Дайрене функционировала хлебная биржа; от Дайренского порта в порты Японии, Китая и Европы регулярно ходили пароходы, что снижало морские фрахты на 1—2 коп. с пуда²⁸. По обоюдному соглашению с 1 октября 1925 г. 45% экспортных грузов должно было следовать на Уссурийскую железную дорогу, а 55% — на ЮМЖД. Каждая дорога была обязана вносить в пользу другой вознаграждение с каждого пуда, перевезенного сверх указанных лимитов.

С октября по декабрь 1927 г. Уссурийской ж/д было перевезено 60% общего количества грузов, а ЮМЖД — 45% грузов²⁹. В связи с этим Уссурийской ж/д приходилось платить штрафы в инвалюте в пользу ЮМЖД: в 1926 г. — 259 036 руб., в 1927 г. — 312 170 руб.³⁰. В 1929 г. соглашение было пе-

решено, и долю каждой из двух дорог определили в 50% всех хлебных грузов, вывозимых из района КВЖД.

Главную роль в кредитовании экспортного потока североманьчжурских грузов в восточном направлении продолжало играть Харбинское отделение Чосен-банка. В 1925 г. в Эгершельдском направлении было отправлено около 44 млн пудов грузов, в Дайренском направлении — около 80 млн пудов. В тот же год Чосен-банком было выдано ссуд на 17 млн пудов жмыхов и 15 млн пудов бобов из этих экспортных грузов — всего на сумму 36 750 тыс. иен³¹. Острая конкуренция Эгершельда с Дайреном, заинтересованность японского капитала в ЮМЖД, преобладающее значение Чосен-банка в финансировании экспортного потока грузов на Эгершельд — все это делало весьма призрачной перспективу тесного взаимодействия КВЖД, Уссурийской дороги и Эгершельдского порта. В интересах уменьшения влияния иностранного капитала на восточное экспортное направление Управление уполнаркомфина на Дальнем Востоке сочло целесообразной модернизацию Харбинской конторы Дальбанка.

Во втором полугодии 1925 г. значение Дальбанка возросло. Его сводный баланс (составлявший на 1 июля 1925 г. 19,8 млн иен) к 1 января 1926 г. достиг 36 млн иен. Объем учетно-ссудных операций Харбинского отделения Дальбанка составили 7,5 млн руб. (8,7 млн иен), оборотные средства к концу декабря 1925 г. составляли 19 млн иен (примерно 16,3 млн руб.), причем более 80% текущих счетов шло через Харбинское отделение, функционировавшее преимущественно за счет средств КВЖД, которая разместила в нем не менее 90% своей свободной наличности. Работа по привлечению капиталов предприятий, организаций либо частных лиц Северной Маньчжурии у Дальбанка была слаба.

Наиболее крупными клиентами банка по экспортным операциям в октябре и ноябре 1925 г. были акционерное общество “Соскин и К^о” и Дальгосторг. С января 1926 г. значительно возросло кредитование Дальбанком “Англо-Китайской Восточной компании”. Таким образом, рамки его операций по финансированию экспорта в восточном направлении, расширялись, хотя по-прежнему уступали масштабам Чосен-банка, через который в 1924 г. прошло до 85% всего восточного экспорта, в 1925 г. — 76%³². Так же весьма ограничены были возможности Дальбанка разместить на североманьчжурском рынке червонцы, что ослабляло его валютные позиции. Деятельность Дальбанка могла быть эффективной только при одновременном упрочении его позиций в Маньчжурии и высоком уровне развития торгово-экономических связей Маньчжурии с СССР и с ДВК в частности.

В соответствии со ст. 2-й советско-китайского соглашения от 31 мая 1924 г. представители СССР и Китая должны были встретиться на совместной конференции, выработать, в частности, проект торгового договора и пересмотреть таможенные тарифы. Такая конференция не состоялась, однако советско-китайские торгово-экономические связи продолжали активно развиваться: в 1925 г. товарооборот составил 61,4 млн лянгов, в 1926 г. — 86,8 млн лянгов (на 19,8 млн лянгов больше, чем в 1913 г.), в 1927 г. — 99,8 млн лянгов, в 1928 г. — 118,3 млн лянгов³³. Быстро увеличивался товарооборот между советскими дальневосточными и китайскими портами (возрос за 1925-1927 гг. с 55 991 тыс. до 91 108 тамож. лянгов). Среди основных статей импорта из Китая следует отметить пшеницу, жиры, кожсырье и растительные масла. На китайском рынке имели спрос такие советские товары, как уголь, лес, рыбпродукты, морепродукты, пушнина. Однако по стоимости ввоз в СССР из Внутреннего Китая и Маньчжурии более чем вдвое превышал советский вывоз в эти районы, т. к.

главной статьёй китайского импорта являлся чай (75% общей стоимости ввоза). Контрабандный вывоз женьшеня, пантов, золота с территории советского Дальнего Востока также способствовал непаритетности торговли³⁴.

Для увеличения объемов дальневосточного экспорта предлагались следующие мероприятия: возврат пошлин, условно-беспшлинный ввоз, сложение акциза, компенсация за убыточный экспорт, предоставление компенсационного импорта. Так, условно-беспшлинный ввоз бобов из Маньчжурии и переработка их в Приморье, а затем вывоз через Владивостокский порт на иностранные рынки дал бы возможность предприятиям ДВК из дешевого сырья вырабатывать дорогой продукт, привлек бы грузовой поток соевых бобов во Владивостокском направлении. Рассматривался и вариант ввоза шерсти и овчины из Монголии при переработке в ДВК и последующем вывозе в Маньчжурию готовых шуб и валенок³⁵.

В 1920-е гг. продолжалась активная колонизация малоосвоенных территорий Северо-Восточного Китая. Если в 1913 г. население пров. Хэйлунцзян составляло 2,4 млн чел., то в 1928 г. — уже 3,7 млн³⁶. Рост населения способствовал дальнейшему развитию экономики региона. Если в 1923 г. товарооборот Северо-Восточного Китая (включая пров. Жэхэ) составил примерно 439 млн лян, то в 1929 г. — более 745 млн лян. В 1926-1931 гг. товарооборот Дунбэя составлял около 30% общего товарооборота страны³⁷.

С осени 1925 г. советские организации начали производить закупки в Китае соевых бобов, жмыхов и растительного масла для реэкспорта через Владивосток в страны Западной Европы. В осенне-зимний сезон 1925/26 г. Дальгосторгом было отгружено с железнодорожных станций КВЖД во Владивосток для реэкспорта 5 823 384 пуда различных грузов, в том числе: соевых бобов — 3 982 635 пудов, жмыхов — 1 410 252 пуда и растительного масла — 430 497 пудов. Кроме того, Дальгосторгом производилась закупка соевых бобов в приграничных районах Дунбэя — в Мишане, Хулинсяне, Саньчагоу с вывозом их на ближайшие станции Уссурийской железной дороги³⁸.

На сезон 1925/26 г. гужевая перевозка бобов из Приханкайского района Китая через с. Турий Рог к станциям северного участка Уссурийской железной дороги была организована Приморским губпланом. Однако, несмотря на наличие договоров, заключенных заранее обществом “Транспорт” с рядом артелей и крестьян, крестьяне отказались перевозить грузы за 33 коп. с пуда, и лишь при повышении ставки до 35 коп. крестьянские гужевые перевозки стали активно осуществляться с февраля 1926 г. Итого за сезон 1925/26 г. было вывезено гужем 525 тыс. пудов (вместо запланированных 1200 тыс. пудов). Оставшиеся на складах в Турьем Роге 270 тыс. пудов были перевезены Амурским госпароходством летом 1926 г. по оз. Ханка и рекам Сунгари и Усури на ст. Иман Уссурийской железной дороги. На сезон 1926/27 г. было решено ходатайствовать перед Далькрайисполкомом о разрешении китайского гужа³⁹, и такое разрешение было дано. На заседании ДКИК 18 января 1927 г. было принято постановление о разрешении пропуска китайского гужа до станций Уссурийской ж/д вблизи сел Турий Рог, Матвеевка и Павло-Федоровка, а также о разрешении пропуска китайских арб порожних и с бобами из района Белого Камня с условием установления в вышеуказанных районах контрольно-пропускных пунктов. Для устранения каких-либо препятствий в перевозке бобов китайским торговцам выдавались визы на многократный переход границы⁴⁰.

За сезон 1926/27 г. с китайской территории Приханкайского района было вывезено 897 576 пудов соевых бобов, в том числе Дальгосторгом — 417 576 пудов. Согласно отчету директора Харбинской конторы Дальгосторга⁴¹, в 1926/27 г. экспорт маньчжурских бобов для Дальгосторга был убыточным, убытки составили 1350 тыс. иен. Это объяснялось, в частности, более высокими реализационными ценами Госторга из-за отсутствия у него собственного оборотного капитала, не облагаемого процентами, а также проведением заготовительных операций с использованием дорогостоящих кредитов⁴². После того, как Наркомторг СССР признал за североманьчжурским экспортом через Эгершельд государственную значимость (прот. коллегии Наркомторга № 267-а от 2 ноября 1927 г.), были приняты меры для оптимизации деятельности Дальгосторга в экспорте бобовых. Были расширены контакты с посредническими китайскими фирмами в Маньчжурии, установлены прямые связи с производителями, предприняты попытки налаживания сотрудничества с китайскими купцами в Европе⁴³. Наркомторг также гарантировал Госторгу покрытие возможных убытков компенсационным импортом. Руководствуясь этим, правление Госторга потребовало от своего Дальневосточного отделения возобновить приостановленные операции, связанные с североманьчжурским экспортом. Во второй половине ноября 1927 г. из Хабаровска в Харбин прибыли новые агенты Дальгосторга, а 2 декабря первая закупочная операция была осуществлена⁴⁴.

Государственная монополия внешней торговли была в середине 1920-х гг. одним из основных элементов хозяйственной политики советского государства. 17 мая 1927 г. СНК СССР принял постановление “О мерах к обеспечению нормального хода операций по внешней торговле”, предписав Наркомторгу “иметь наблюдение за тем, чтобы заграничные операции по внешней торговле производились торговыми представительствами и хозяйственными организациями СССР, имеющими право выхода на внешний рынок, по общему правилу лишь в тех странах, с которыми СССР имеет нормальные дипломатические отношения и в которых заграничному торговому аппарату СССР обеспечены условия, гарантирующие возможность беспрепятственного и нормального хода коммерческих операций”⁴⁵. 17 декабря 1927 г. Наркомторг установил новый, безлицензионный порядок транзита товаров из стран, состоящих с СССР в договорных отношениях — через территорию СССР по открытым для транспорта путям, в том числе из Китая и Японии по Амуру и Сунгари в Хабаровск, Владивосток, Николаевск-на-Амуре. Таким образом, северо-маньчжурский транзит зернопродуктов получил возможность продвижения за границу водным путем по Амуру до Хабаровска и Николаевска⁴⁶. Вывоз транзитных зернопродуктов с пристаней Сунгари до Хабаровска с перевалкой их в вагоны Уссурийской железной дороги стал намного дешевле, чем через Харбин на Эгершельд или Дайрен. Согласно данным Владивостокского коммерческого агентства Уссурийской железной дороги, вывоз из Мишаньсянского и Хулинсянского уездов (Приханкайский район Китая) транзитом через Эгершельд составил в 1923/24 г. 11 141 т, в 1924/25 г. — 21 743 т, в 1925/26 г. — 33 600 т, в 1926/27 г. — 49 400 т⁴⁷. Столь резкое повышение ввоза приханкайских грузов произошло после отмены обязательных для экспортеров лицензий на транзитные грузы, идущие из Северной Маньчжурии грунтовыми дорогами к Уссурийской железной дороге.

На заседании ДКИК 28 февраля 1928 г. было решено, принимая во внимание неудовлетворительную заготовку бобов в текущем году, разрешить завезти из Маньчжурии 8200 т (500 тыс. пудов) бобов на 623 тыс. иен для переработки на мас-

лодельных заводах Приморья. Указанная валютная сумма должна была быть покрыта в процессе реализации на экспорт части продукции, полученной от переработки завезенных бобов. Эта сделка была поручена Госторгу⁴⁸. В телеграмме Наркомторга СССР от 24 марта 1928 г. Дальгосторгу было дано разрешение на транзит 200 тыс. пудов зерна (пшеницы и овса) из Сахалинского района Китая. Амурскому окрисполкому было предписано оказывать всяческое содействие⁴⁹.

В 1927/28 г. Харбинской конторой Дальгосторга было закуплено 9503 тыс. пудов, оборот конторы составил 17 млн иен. В сентябре 1928 г. в Хабаровске на совещании ответственных работников Дальгосторга по вопросам маньчжурских операций было запланировано закупить в Маньчжурии в 1928/29 г. 21 100 тыс. пудов бобов, 1000 тыс. пудов гаоляна, 500 тыс. пудов пшеницы. Не менее 50% от намеченного по плану количества пшеницы предполагалось заготовить в районе Сахалина (Хэйхэ). У Земельного отдела КВЖД было решено закупить 30 тыс. селекционных бобов для удовлетворения агротехнических требований Дальнего Востока⁵⁰. Но в целом закупки Госторга в Северной Маньчжурии в 1927/28 году оказались убыточными — почти на 700 тыс. руб. На совещании при Управлении граничных операций Наркомторга СССР в августе 1928 г. было признано, что дальнейшие операции Госторга по закупке бобов в Маньчжурии не имеют смысла, т. к. с 1 октября 1928 г. оплата тарифа Уссурийской ж/д на грузы, следующие из Маньчжурии через Владивосток, будет взиматься в инвалюте⁵¹, и “таким образом, интересный для Наркомторга момент привлечения валюты по транзиту будет разрешен иным путем, помимо деятельности Госторга”. Кроме того, оплачивая тариф Уссурийской ж/д инвалютой, Наркомторг не имел более возможности покрывать убытки Госторга по бобовым операциям путем компенсационного импорта за привлеченную валюту.

С 1 октября 1928 г. за перевозку транзитных грузов, идущих из полосы отчуждения КВЖД на Эгершельд, тарифы на Уссурийской ж/д стали взиматься в инвалюте (в связи с чем Уссурийской ж/д был выпущен облигационный заем в 30 млн руб. сроком на 4 года, облигации которого принимались в уплату фрахта за перевозку транзитных грузов). До этого нововведения, по подсчетам специалистов Госбанка СССР, государство ежегодно недополучало валюты почти на 8—10 млн руб., значительные объемы инвалюты находились у частных лиц (с Уссурийской ж/д рассчитывались приобретенными по дешевой цене контрабандными червонцами) и использовались затем для формирования контрабандного валютного рынка. В 1927 г. в Харбине официальный курс червонца составлял 10,79 иен, неофициальный — 7,86 иен. Благодаря этому экспортеры могли приобретать червонец приблизительно на 25% дешевле его паритетной стоимости. Взимание тарифов в инвалюте должно было уменьшить объемы контрабанды на советском Дальнем Востоке. Планировалось извлечь из транзитных перевозок дополнительно до 9 млн инвалюты, находящейся в частном и контрабандном обороте⁵².

В целом движение транзитных грузов было выгодно и для страны, и для Дальневосточного края. Но отсутствие развитой производственной базы не позволило организовать переработку соевых бобов на предприятиях ДВК. Дальгосторгом не были предприняты меры для создания развитого рынка соевых продуктов во Владивостоке. Таким образом, возможности добиться значительной прибыли и извлечь максимальную выгоду от торгового сотрудничества с Северо-Восточным Китаем, сочетая торговлю и переработку, реализованы не были⁵³.

В конце 1920-х гг. на советском Дальнем Востоке ощущалась нехватка зерновых продуктов, а в соседнем Северо-Восточном Китае, напротив, с каждым

годом увеличивались возможности экспорта хлеба. В письме Управления Цицилинского гражданского губернаторства Хэйлунцзянскому гражданскому губернаторству от 21 сентября 1928 г. сообщалось, что в последнее время власти советского Дальнего Востока нелегально направляют своих агентов на китайскую территорию для скупки зерновых продуктов и тайной переправы в СССР, в чем им помогают китайские коммерсанты⁵⁴.

При скудности внутреннего рынка и слабой развитости промышленности властные структуры и торговые объединения приграничных районов Дальнего Востока закономерно стремились к экономическому сотрудничеству с китайскими фирмами. Так, в связи с существенной нехваткой мяса ДКИК решил 27 июля 1926 г., что в 1926/27 г. мясозаготовки будут производиться в Китае. Эти операции были возложены на Дальгосторг и Далькрайсоюз, для чего, например, Далькрайсоюзу был предоставлен целевой кредит в сумме 200 тыс. руб.⁵⁵.

Активно осуществляла торговые операции с сахалинскими китайскими фирмами Бао Сындуна⁵⁶ и Фэн Тайхао Благовещенская контора Дальгосторга. Досмотр ее экспортных товаров осуществлялся таможенным сотрудником, которого специально вызывали из ближайшего таможенного пункта не позже, как за 3 дня до вывоза товаров⁵⁷. В 1927/28 г. Благовещенская контора Дальгосторга реализовала в Китае товары на 83876 руб. 59 коп., из коих двум упомянутым фирмам продали товаров на 51325 руб. 08 коп.⁵⁸. От операций в Сахалине Благовещенская контора Дальгосторга потерпела убытки в 24130,04 руб., прибыль же от продажи собственных товаров составила только 233,04 руб. Среди причин этого: частые кадровые замены в штате Благовещенской конторы, отсутствие у торговых агентов опыта торговых операций, неурегулированность взаимодействия с Благовещенской таможней. В 1927/28 г. контора получила прибыль только от продажи китайской пушнины — в сумме 3900 руб., а также от сдачи золота — 47738 руб.⁵⁹. За 1927/28 и 1928/29 гг. Благовещенской конторой Дальгосторга было заготовлено на китайской стороне и сдано “Союззолоту” 84,6 кг золота на общую сумму 174609 даян. За те же годы Благовещенской конторой через фирму Бао Сындуна было экспортировано в Китай товаров на 77024,8 руб., через фирму Фэн Тайхао — на 14974,3 руб.⁶⁰.

Китайские коммерсанты неохотно закупали советские промтовары широкого потребления — китайский рынок не испытывал в них нужды, поэтому сбыт таких товаров осуществлялся лишь вместе с так называемыми “проводниками” — пантами и хвостами изюбря⁶¹, струей изюбря, керосином, черными грибами. Так, в 1928/29 г. потребность китайского рынка в рогах марала выразилась в сумме 250 тыс. руб., в рогах пятнистого оленя — на 150 тыс. руб., хвостов изюбря — на 50 тыс. руб. Сделки по экспорту практически всегда были убыточными, выгоду Дальгосторг получал только при реализации промтоваров вместе с “проводниками” (в соотношении 40% к 60%) в обмен на золото⁶².

В 1927/28 г. Благовещенской конторой Дальгосторга было куплено в Сахалине пушнины на 32434 руб. (реэкспортирована), муки на 24752 руб. 16 коп., пшеницы на 253641 руб. 89 коп. Муку и пшеницу также планировалось направить на реэкспорт, но в связи с сильным наводнением в Приамурье в 1928 г. эти товары были реализованы на внутреннем рынке⁶³. В общем же, летом 1929 г. в приамурских селах проблема обеспечения продовольствием стояла особенно остро, т.к. из-за наводнения муки до следующего урожая не хватило, а кооперация не могла в достаточной мере снабдить крестьян мукой и другими продуктами. В июле 1929 г. Дальгосторг приобрел на китайской стороне 100 пудов муки-крупчатки по 4 руб. за пуд,

300 пудов картофеля по 1 руб. за пуд и организовал их продажу в приграничных селах Амура на советской стороне — муки по 9 руб. за пуд, картофеля по 3 руб. за пуд, чем вызвал недовольство крестьян. Не имея возможности приобрести продовольствие по ценам Дальгосторга, крестьяне стали нелегально сдавать китайским коммерсантам соленую кету, выменивая пуд муки за пуд рыбы⁶⁴.

Во второй половине 1920-х гг. в советско-китайских отношениях прошла серия инцидентов — захват советского парохода “Память Ленина” 28 февраля 1927 г., налет на советское посольство (6 апреля 1927 г.), на советские консульства в Шанхае и Кантоне (ноябрь-декабрь 1927 г.) Затяжные переговоры о судьбе арестованных 6 апреля 1927 г. в Пекине сотрудников советского полпредства лишь в сентябре 1928 г. повлекли их освобождение. Во время конфликта 1929 г. на КВЖД китайскими властями было закрыто торгпредство СССР в Китае, а также отделения Госторга, Текстильсиндиката, Нефтьсиндиката и Совторгфлота. Торговые связи советских организаций с крупнейшими китайскими фирмами Шанхая, Тяньцзиня, Ханькоу, Гуанчжоу были нарушены. До 1933 г. всеми торговыми операциями занималась только шанхайская контора Центросоюза, причем экспорт советских товаров (леса, пушнины, пантов и т.п.) на китайский рынок осуществлялся при посредничестве разного рода комиссионеров через Дайрен⁶⁵. Проекты по созданию смешанных советско-китайских торговых обществ, разработанные представителями крупного китайского торгового капитала, реализованы не были⁶⁶. В 1929 г. экспорт Северной Маньчжурии в СССР составил 41,8 млн ляннов (в 1928 г. — 80 млн ляннов), ее импорт из СССР — 16 млн ляннов (в 1928 г. — 28 млн ляннов)⁶⁷. Общий объем советско-китайского товарооборота снизился в 1930 г. до 74 млн ляннов (в 1928 г. он составил 108 млн ляннов)⁶⁸.

1. Долгов Л.Н. Определение экономических перспектив Дальнего Востока в период упразднения ДВР (октябрь—ноябрь 1922 г.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Вып. 4. С. 326—327.
2. Флеров В.С. Создание органов руководства народным хозяйством Дальнего Востока в 1922—1923 гг. // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1965. Вып. 4. С. 167.
3. Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914—1924 гг.). Харбин, 1924. С. 389.
4. Подсчитано на основании: Экономическая жизнь Амура. 1924. № 1. С. 27.
5. Лагутин А.Н. ДВК в цифрах. Владивосток, 1926. С. 52.
6. Долгов Л.Н. Экономическая политика гражданской войны: опыт Дальнего Востока России. Комсомольск-на-Амуре, 1996. С. 120.
7. Экономический вестник Маньчжурии. 1923. № 21—22. С. 77.
8. Экономическая жизнь Амура. 1924. № 1. С. 23.
9. Лян — (денежная единица Китая) — 37,3 г серебра = 1,4-1,6 юаня.
10. Дунбэй цзинци ши луньвэнь цзи [Сборник статей по истории экономики Северо-Восточного Китая]. Т. 2. Харбин, 1984. С. 130—131.
11. Далее запись годов подобным образом (через косую черту) означает “операционные годы” — отрезок времени с 1 октября предыдущего по 1 октября последующего года.
12. Внешняя торговля и экспортные возможности Дальневосточного края: Сб. ст. / Под ред. М.Я. Кауфмана, Ф.И. Андрианова, А.Д. Гачечиладзе. М., 1926. С. 22, 43, 79.
13. Чжаэ Цзунтай. Юаньдун дицью шицзичжицзяоэ Чжун-Э гуаньси [Российско-китайские отношения в дальневосточном регионе на рубеже веков]. Харбин, 2000. С. 196.
14. Экономическое обозрение. Шанхай. Т. 2, No 2. С. 25.

15. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее — РГИА ДВ). Ф. Р-2532. Оп. 2. Д. 3. Л. 21-23.
16. Советское Приморье. Владивосток, 1925. № 1—2. С. 98.
17. Ковальчук М.А. История транспорта Дальнего Востока России (вторая половина XIX в. — июнь 1941 г.). Кн. 2: Историч. аспекты транспортного освоения региона. Хабаровск, 1997. С. 77.
18. После открытия в Харбине отделения Нефтесиндиката русский керосин вновь, как и до Октябрьской революции 1917 г., стал активно ввозиться в Маньчжурию. Это вызвало тревогу у американских нефтепромышленников, т.к. к середине 1920-х гг. на маньчжурском рынке продавался только американский керосин, и компания “Стандарт Ойл” имела в Маньчжурии свыше 370 агентств. Для удобства ведения нефтепромышленного бизнеса агентства негласно поделили Маньчжурию на три района с центрами в Дайрене, Мукдене и Харбине (Дальневосточный путь. 1925. 10 мая). Нефтесиндикат имел своего представителя на Сахалине в лице одной китайской фирмы, которая одновременно являлась и представителем американской фирмы. Между Дальгосторгом и Нефтесиндикатом шел постоянный спор о том, какая компания должна заниматься сбытом керосина на китайском рынке. Хотя в Китае был постоянный спрос на керосин, объемы его экспорта Дальгосторгом были невелики — основная роль в данных экспортных операциях принадлежала Нефтесиндикату.
19. История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай, 1917—1949 г. Владивосток, 1989. С. 103.
20. Наш путь. 1923. № 6—7. С. 81.
21. Насыров В.М. Китайская Восточная железная дорога: к событиям 1929 г. Хабаровск, 1930. С. 39, 45.
22. РГИА ДВ. Ф. Р-2532. Оп. 2. Д. 18. Л. 8—12об. Хотелось бы отметить, что акционерным обществом “Транспорт” неоднократно высказывалось пожелание иметь свое агентство в Дайрене по аналогии с существовавшим японским агентством “Кокусай” во Владивостоке. Деятельность маньчжурских агентств “Транспорта” ограничивалась пределами Европы, связи с транспортными предприятиями Великобритании, Северной Америки и Японии отсутствовали (РГИА ДВ. Ф. Р-2532. Оп. 2. Д. 18. Л. 6—7).
23. Медведева Л.М. Развитие транспорта и его роль в освоении Дальнего Востока СССР (20—30-е годы XX в.). Владивосток, 2002. С. 90.
24. РГИА ДВ. Ф. Р-2532. Оп. 2. Д. 18. Л. 19—25.
25. В апреле 1925 г. Временным Правлением Совторгфлота был предложен проект соглашения о прямом товарном сообщении через Владивосток. Согласно проекту Совторгфлоту передавалось исключительное право осуществления экспедиторских функций за границей, в связи с чем Уссурийская и Читинская железные дороги должны были ликвидировать свои заграничные коммерческие агентства в Шанхае, Харбине и Урге. Все конторы и агентства Совторгфлота на советском Дальнем Востоке, в Монголии и Маньчжурии должны были быть включены в прямое сообщение с правом выдачи прямых документов (РГИА ДВ. Ф. Р-2532. Оп. 2. Д. 9. Л. 40-40об).
26. История Северо-Восточного Китая... С. 105.
27. Романова Г.Н. Советско-китайские экономические отношения на Дальнем Востоке (1917—1949 гг.) // Становление советско-китайских отношений (1917—1950-е гг.). Владивосток, 1987. С. 94—95.
28. РГИА ДВ. Ф. Р-2532. Оп. 1. Д. 17. Л. 74-74об.
29. Там же. Д. 176. Л. 113.
30. Там же. Д. 120. Л. 18.
31. Там же. Д. 24. Л. 46.
32. Там же. Д. 24. Л. 59.
33. В общем же в 1927 г. объемы товарооборота Северо-Восточного Китая с СССР составили 86,1% от общего объема советско-китайского товарооборота, в 1928 г. — 85,8%, в 1929 г. — 74,3%, в 1930 г. — 88,8%, в 1931 г. — 74,9% (См.: Чжан Цзунхай. Юаньдун ди-

- щюй шицзицжицзяодэ Чжун-Э гуаньси [Российско-китайские отношения в дальневосточном регионе на рубеже веков]. Харбин, 2000. С. 199).
34. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (1917—1974). М., 1977. С. 76—79.
 35. ГАХК. Ф. Р—353. Оп. 3. Д. 24. Л. 23.
 36. Хэйлуунцзян тунцзи чжи [Статистическое описание пров. Хэйлуунцзян] / Отв. ред. Ци Шушэнь. Харбин, 1999. С. 56—57.
 37. Кун Цзинвэй. Чжунго Дунбэй дицхой цзинцзи ши [История экономики Северо-Восточного Китая]. Чанчунь, 1994. С. 317.
 38. Сладковский М.И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957. С. 220.
 39. Государственный архив Приморского края (далее — ГАПК). Ф. Р—86. Оп. 1. Д. 4. Л. 133об—134.
 40. ГАХК. Ф. Р—137. Оп. 10. Д. 176. Л. 6—6об.
 41. Головная контора Дальгосторга находилась в Хабаровске, конторы — в Чите, Владивостоке, Сретенске, Благовещенске, Харбине, агентства — в Имане и Троицке. Всего в дальневосточной сети Госторга работало 270 агентов (Государственный архив Амурской области (далее — ГААО). Ф. Р—761. Оп. 1. Д. 9. Л. 101).
 42. На деятельность Дальгосторга, безусловно, непосредственное влияние оказывала нестабильность политической ситуации в Северо-Восточном Китае. Так, в январе 1926 г., стремясь расплатиться за оружие, полученное из-за границы на общую сумму 600 тыс. фунтов стерлингов, Чжан Цзолинь решил заняться скупкой бобов и последующим экспортом их на европейские рынки. Крупные рефакции, предоставленные Южно-Маньчжурской железной дорогой, позволили Чжан Цзолиню интенсивно развернуть заготовки, установив более высокие цены на сырье (за счет рефакций). В результате агентства Чжана, форсируя заготовки бобов, в течение нескольких дней подняла цены в некоторых районах Маньчжурии до значительного уровня. Экспортеры, работающие в восточном направлении (Дальгосторг в том числе), вынуждены были уменьшить объемы своих операций либо вовсе свернуть их (ГАХК. Ф. Р—137. Оп. 10. Д. 24. Л. 43—44).
 43. ГАПК. Ф. Р—86. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 6.
 44. ГАХК. Ф. П—2. Оп. 1. Д. 76. Л. 125.
 45. Шишкин В.А. “Полоса признаний” и внешнеэкономическая политика СССР (1924—1928 гг.). Л., 1983. С. 129.
 46. ГАХК. Ф. П—2. Оп. 1. Д. 76. Л. 443.
 47. ГАПК. Ф. П—67. Оп. 1. Д. 191. Л. 29об.
 48. ГАХК. Ф. Р—137. Оп. 10. Д. 176. Л. 135.
 49. Там же. Л. 143об.
 50. Там же. Д. 147. Л. 123—126. Для посевных кампаний в ДВК в условиях нехватки семенного материала рис и соя (по 15—20 тыс. пудов) зачастую закупались в Маньчжурии. Для этого в Харбин специально командировался агроном (ГАХК. Ф. Р—137. Оп. 10. Д. 147. Л. 49—50).
 51. После издания постановления СНК СССР от 9 июля 1926 г. о запрещении вывоза валюты за границу прием соввалюты за границей по платежам советских организаций и банков был прекращен. Если в 1925/26 г. доля инвалюты в валютном балансе ДВК по транспорту составила 27%, то в течение 1-го полугодия 1926/27 г. — только 1,5%. В связи с этим на совещании по вопросам транзитного экспорта из Маньчжурии на Владивосток 30 декабря 1927 г. было признано необходимым взискание платежей и дополнительных сборов с маньчжурских экспортеров за провоз грузов по Уссурийской ж/д производить в инвалюте (ГАХК. Ф. Р—137. Оп. 10. Д. 120. Л. 17—18).
 52. Там же. Д. 153. Л. 21-28.
 53. Медведева Л.М. Развитие транспорта и его роль в освоении Дальнего Востока СССР (20—30-е годы XX в.). Владивосток, 2002. С. 38.
 54. ГАПК. Ф. П—67. Оп. 1. Д. 191. Л. 54—57.
 55. ГАХК. Ф. Р—137. Оп. 3. Д. 21. Л. 1об-2.
 56. Сохранена орфография источника.

57. ГААО. Ф. Р-761. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.
58. Там же. Л. 205—206.
59. Там же. Ф. Р-376. Оп. 2. Д. 82. Л. 14.
60. Там же. Л. 24-24об.
61. Со стороны китайских коммерсантов наблюдался усиленный спрос на панты изюбра, поэтому Благовещенская контора Дальгосторга стремилась заготовить это сырье в максимально возможном количестве, зачастую игнорируя требование тарифного таможенного комитета, согласно которому панты должны были быть добыты только в соответствующем пантовом хозяйстве, а не путем охоты (ГААО. Ф. Р-761. Оп. 1. Д. 9. Л. 35).
62. ГААО. Ф. Р-761. Оп. 1. Д. 9а. Л. 46.
63. Там же. Ф. Р-376. Оп. 2. Д. 82. Л. 1об.
64. Там же. Ф. Р-761. Оп. Д. 9а. Л. 58. Тем же летом (1929 г.) население приграничных амурских сел, получая в потребкооперации в неограниченном количестве соль, продавало ее контрабандным путем на китайскую сторону, что срывало план Дальгосторга по торговле солью с Китаем. В связи с этим уполномоченными Наркомторга предлагалось ограничить продажу соли населению (ГААО. Ф. -761. Оп. 1. Д. 0. Л. 9-89об).
65. *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 11.
66. Так, например, в целях развития советского второстепенного экспорта в Китай коллегия Наркомторга СССР на своем заседании от 14 февраля 1928 г. признала целесообразным организовать на китайской территории и в соответствии с китайским законодательством советско-китайское общество. Общество должно было быть смешанного типа, с контрольным пакетом акций в руках советской стороны. Основным участником и учредителем общества назначался Дальбанк. Планировалось, что общество будет тесно сотрудничать с советскими хозяйственными организациями, финансируя их заготовки на территории СССР. Обществу предоставлялось право открывать на советской территории свои представительства. Начальный капитал общества определялся в 2 млн руб. Советские организации, заготавливающие товары, должны были реализовать эти товары только в учреждаемое общество. В случае необходимости общество должно было командировать своих специалистов-инструкторов в распоряжение советских хозорганизаций. Для проработки вопроса организации общества была создана комиссия в составе представителей от Крайфо, Дальбанка, Дальгосторга и Уссурийской ж/д (ГАХК. Ф. 137. Оп. 10. Д. 46. Л. 38—39).
67. Кун Цзинвэй. Указ. соч. С. 340—341.
68. Чжун-Су маои ши цзыляо [Материалы по истории китайско-советской торговли] / Гл. ред. Мэн Сяньчжан. Пекин, 1991. С. 427.

Линь Ифу — главный экономист Всемирного банка

© 2008

О. Борох

В начале 2008 г. стало известно, что пост главного экономиста и старшего вице-президента по экономическим аспектам развития Группы Всемирного банка (ВБ)¹ займет ученый из КНР профессор Линь Ифу (Justin Yifu Lin). Он стал первым в истории ВБ главным экономистом из развивающейся страны и первым китайским экспертом на этом посту.

В феврале 2008 г. президент ВБ американец Роберт Зеллик заявил, что познания в области экономического развития и, в особенности, сельского хозяйства, позволят Линь Ифу привнести в работу Банка "уникальный набор навыков и опыта". "Я намерен тесно работать с ним по ряду вопросов, таких как рост и инвестиции в Африке, возможности для обмена опытом между развивающимися странами и банковские инструменты, позволяющие оказывать более эффективную помощь странам, страдающим от высоких цен на энергоресурсы и продукты питания", — сказал президент ВБ, объявляя о приеме на работу Линь Ифу².

Китай был одним из основателей ВБ, его членство в этой организации восходит к декабрю 1945 г.³ После образования КНР место Китая в ВБ долгое время занимали представители Тайваня. Весной 1980 г. Пекин восстановил свои позиции в ВБ, который начал оказывать содействие проведению китайских реформ. За четверть века Китай получил от ВБ займы в размере более 40 млрд долл. на реализацию 280 инвестиционных проектов.

Ныне эксперты ВБ отмечают, что в 1995 г., когда перечисления Банка Китаю достигли максимума, сумма кредитов составила 3,2 млрд долл., что не превышало 1% ВВП страны. Это дает основания говорить, что "обучение, а не финансы, стало наиболее важной частью отношений" ВБ с Китаем⁴. Отметим, что два десятилетия назад Линь Ифу уже был участником взаимодействия между Китаем и ВБ — в 1986 г. он три месяца проходил в нем практику.

В наши дни Китай не испытывает большой необходимости в иностранных заимствованиях, накопленный опыт преобразований зачастую делает излишними консультации экспертов Банка. Отныне Китай может сам вносить вклад в деятельность этой экономической организации ООН, выступая не только в качест-

ве источника финансирования проектов в других странах, но и в роли “донора” собственного опыта преодоления бедности и отсталости.

Научный путь

В информационном сообщении ВБ отмечалось, что Линь Ифу хорошо известен своими трудами по налоговому-бюджетной децентрализации, реформе предприятий, городской и сельской модернизации, инновациям и реформе в сельском хозяйстве. На уровне международных экономических структур он трудился в Рабочей группе ООН по проблемам голода, в Группе видных деятелей Азиатского банка развития, в Рабочей группе по проблемам будущего ОЭСР, в Комитете по вопросам преобразования Бреттон-Вудских учреждений, а также в Консультативном совете главного экономиста ВБ, представляющем собой независимую группу выдающихся экспертов⁵.

Линь Ифу преподавал в Пекинском университете, Гонконгском университете науки и техники, университете Дюка, Австралийском национальном университете, Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Его книга “Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа” была переведена на шесть языков⁶, работы “Институты, техника и развитие сельского хозяйства Китая” и “Еще раз об институтах, технике и развитии сельского хозяйства Китая” получили престижную премию Сунь Ефана. Линь Ифу был членом НПКСК 7-го, 8-го, 9-го и 10-го созывов, заместителем председателя комитета по экономике Всекитайского комитета НПКСК, членом ВСНП 11-го созыва, заместителем председателя Всекитайской ассоциации промышленников и предпринимателей.

Назначение Линь Ифу на руководящий пост во влиятельной международной финансовой организации стало признанием заслуг ученого, которого на родине нередко называют наиболее вероятным кандидатом на получение Нобелевской премии по экономике. Это несомненное подтверждение роста международного влияния китайской экономической мысли. Но Линь Ифу трудно назвать “типичным представителем” китайского обществоведения — его биография и научный путь уникальны, хотя взгляды отражают настроения основного течения современной экономической науки КНР.

Линь Ифу родился в октябре 1952 г. в уезде Илань на Тайване, в 1978 г. он получил степень магистра делового управления в Университете Чжэнчжи в Тайбэе. В мае 1979 г. покинул остров и перебрался в материковый Китай. Там он приступил к изучению марксистской политэкономии на экономическом факультете Пекинского университета, где получил в 1982 г. вторую степень магистра.

Время учебы Линь Ифу в Пекине пришлось на первые годы реформ, когда в стенах университета царил атмосфера свободы и открытости на фоне расширения интеллектуальных контактов Китая с Западом. В 1980 г. в Пекинский университет приехал лауреат Нобелевской премии за 1979 год, профессор экономического факультета Чикагского университета Теодор Шульц (1902–1998). Его выступления переводил Линь Ифу, уровень познаний которого произвел на американского профессора хорошее впечатление. Линь Ифу получил на Тайване ориентированное на западные стандарты экономическое образование в 1970-е гг., когда в КНР только завершалась “культурная революция”, и это, несомненно, выделяло его на фоне китайских студентов. После возвращения в США Шульц прислал Линь Ифу письмо с предложением продолжить образование в Чикаго на американскую стипендию.

Позднее Линь Ифу признавал, что первоначально не думал об учебе в Америке. Если бы это входило в его цели, ему вовсе не обязательно было покидать остров, поскольку в те годы учеба в США была обычной для тайваньской молодежи. Однако, получив приглашение от Шульца, он понял, что перед ним открывается редкий шанс дополнить полученные в Пекине политэкономические познания западным профессиональным образованием. В 1982 г. Линь Ифу отправился в Чикагский университет, где стал учеником Шульца.

Тематика исследований Теодора Шульца имела особое значение для китайских реформ того времени. Американский профессор занимался проблемами экономики сельского хозяйства в отсталых странах, уделяя внимание связи этого сектора с экономическим ростом и индустриализацией. Успехи реформ в китайской деревне и собственный научный интерес к проблеме обусловили выбор темы докторской работы Линь Ифу, посвященной системе подрядной ответственности. Шулец назвал ее “классической работой нового институционализма”⁷. По прошествии многих лет Линь Ифу объяснял этот выбор тем, что проблемы села и крестьянства являются главным вопросом китайской модернизации. К тому же в Чикагском университете сложилась традиция требовать от иностранных учащихся работ по проблемам их стран.

Другим преподавателем Линь Ифу в Чикагском университете, оказавшим на него влияние, был Роберт Лукас — автор новаторских статей по теории “рациональных ожиданий”, ставший лауреатом Нобелевской премии по экономике в 1995 г. Впоследствии Линь Ифу неоднократно признавал, что именно Лукас научил его методам самостоятельного исследования экономических явлений⁸.

В 1986 г. Линь Ифу получил степень доктора экономики в Чикагском университете, после чего в течение года был пост-докторантом в Центре экономического роста Йельского университета. Его приглашали на работу в США, но Линь Ифу решил вернуться в Китай, благодаря чему он вошел в историю как первый доктор экономики, по собственной инициативе возвратившийся из США в КНР.

В середине 1980-х гг. китайские власти только выдвинули лозунг “плановой товарной экономики”, о рыночном хозяйстве речи еще не было. Многие коллеги полагали, что возвращение Линь Ифу в КНР ограничит его возможности в исследовательской сфере. Однако ученый считал иначе: “Лучшее, чему я научился в Чикаго — это обновление теории, непосредственное понимание новых явлений... Овладение методами исследования проблемы дает инструмент. Надо смотреть, когда будет возможность внести большой вклад — при его использовании для изучения проблем в США или для изучения проблем в Китае. Я обнаружил, что ответ очевиден — при исследовании проблем в Китае вклад может быть больше”⁹.

В 1987 году Линь Ифу занял пост заместителя директора Института развития исследовательского центра Госсовета по развитию деревни. Он работал в исследовательских организациях правительства до 1994 г. За семь лет ему удалось соединить накопленные теоретические познания с пониманием практических проблем Китая и войти в ряды влиятельных экономических советников китайского руководства.

В 1994 г. Линь Ифу вместе с другими учеными, получившими образование за рубежом, создал Китайский центр экономических исследований при Пекинском университете. К тому времени в КНР утвердился курс на строительство “социалистической рыночной экономики”, что расширило рамки для использования западного теоретического инструментария при анализе китайских проблем. При создании Центра ставились цели развития современного экономичес-

кого образования, углубленного изучения реальных проблем страны в интересах практической политики и обновления теории, а также активизации международных контактов в области экономической науки.

Возглавив новую структуру, Линь Ифу сохранил каналы общения с властями. Китайский центр экономических исследований стал одним из влиятельных экономических “мозговых трестов”, к рекомендациям которого прислушиваются при принятии практических решений. Центр предоставил руководству страны рекомендации по продовольственной проблеме, реформам электроэнергетики и банковской сферы, вопросам вступления в ВТО, дефляции и макроконтроля, по земельной проблеме, проблеме рабочих-мигрантов, вопросам жилья. Линь Ифу участвовал в разработке планов 10-ой и 11-ой пятилеток.

Вспоминая традиционную поговорку “терем, стоящий у воды, раньше встречает восход луны”, Линь Ифу предсказывал, что по мере развития китайской экономики иностранцы будут все больше интересоваться Китаем. Китайским экономистам уроки и смысл этих преобразований ближе всего, и потому они должны быть готовы рассказать о них миру на профессиональном языке экономической науки. В 1995 г. в публикации по случаю 40-летия ведущего экономического журнала “Цзинцзи яньцзю” Линь Ифу выдвинул три задачи обновления китайской экономической науки: соединение с местным материалом или “локализация” (*бэньтухуа*), соответствие строгим академическим нормам (*гуйфаньхуа*) и интеграция в мировую экономическую науку (*гоцзихуа*)¹⁰. Ученый стал первым китайским экономистом, опубликовавшим статьи в авторитетных западных журналах и использовавшим инструментарий мировой экономической науки для изучения китайских проблем¹¹.

Линь Ифу считал, что экономисты должны глубоко понимать китайскую историю, культуру и общество. Ученый призвал к возрождению традиций экономической науки Китая, активно развивавшейся в первой половине XX столетия до образования КНР. Важный вклад в это внесли организованные Китайским центром экономических исследований лекции памяти Янь Фу с приглашением ведущих зарубежных экономистов, статья Линь Ифу о 100-летию китайской экономической науки¹² и создание при Центре журнала “Цзинцзисюэ цзи кань” со строгими научными стандартами.

В стенах Пекинского университета Линь Ифу завоевал любовь студентов благодаря способности ясно излагать сложные проблемы, иллюстрировать мысли примерами из китайской традиции. В развитии научных контактов с Западом ему помогали не только знания и связи, но и умение взглянуть на проблему со стороны, найдя то, что может оказаться привлекательным для иностранцев. К примеру, пока коллеги-экономисты из других “мозговых центров” стремились обзавестись современными офисами, Линь Ифу предпочел разместить Центр на территории Пекинского университета в традиционном китайском *сылэюане*, посещение которого производит неизгладимое впечатление на иностранных гостей. Весной 2008 г. Линь Ифу продолжал преподавать в Пекинском университете, где читал три курса. На работу в ВБ он собирался отправиться лишь в конце мая после окончания семестра.

Экономические взгляды

Изучение проблем переходной экономики Китая помогло Линь Ифу приступить к изложению общей концепции развития и перехода к рыночной эконо-

мике. Обобщение успехов и неудач развивающихся стран было представлено в октябре 2007 г. на Маршалловских лекциях в Кембриджском университете¹³. Приглашение выступить на этих престижных лекциях поступило Линь Ифу осенью 2006 г. еще до приглашения на работу в ВБ. Он стал первым китайским ученым, прочитавшим лекцию с этой высокой трибуны. В свете назначения Линь Ифу на пост главного экономиста ВБ его выступление на тему “Развитие и переход: идея, стратегия и жизнеспособность” обрело новый смысл¹⁴. Из лестного для Китая и самого Линь Ифу свидетельства международного признания лекция превратилась в изложение программных воззрений высокопоставленного эксперта одной из наиболее влиятельных мировых финансовых организаций.

Подход Линь Ифу к разработке новой теоретической системы экономики развития построен на изучении опыта Китая и его сопоставления с опытом других стран, переходящих к рынку. Ученый отметил, что теория развития и теория перехода еще не сложились. Китайская реформа с использованием двухколейной системы и модели постепенных преобразований противоречит многим фундаментальным принципам мировой экономической науки, в 1980-е гг. многие зарубежные экономисты считали эту стратегию нежизнеспособной. Однако в 1990-е гг., когда СССР и Восточная Европа стали проводить “шоковые” реформы по готовым предписаниям экономической науки, они столкнулись с серьезными трудностями. Осуществлявшие двухколейный переход Китай и Вьетнам, напротив, добились успеха.

Линь Ифу полагает, что непрерывное обновление технологии — главный стимул долговременного экономического развития общества. Отраслевая и технологическая структура страны зависят от структуры имеющихся в наличии факторов производства. Эта структура определяет сравнительные преимущества, в соответствии с которыми развивающиеся страны должны выбрать приоритетные отраслевые направления, добиваясь максимальной конкурентоспособности и максимальной прибыли. На основе получаемых накоплений можно совершенствовать экономическую структуру, повышать технологический уровень. С помощью заимствований и инноваций развивающиеся страны могут обеспечить непрерывный технологический прогресс, развиваться быстрее, чем развитые страны, и догнать их. По мнению ученого, преодоление технологического разрыва останется важным стимулом быстрого развития Китая в ближайшие 20-30 лет.

Линь Ифу заявил, что умелые технологические заимствования позволяют использовать преимущества отсталости, однако в большей части государств нет адекватного понимания глубинных механизмов развития, что мешает начать движение в правильном направлении. После Второй мировой войны многие развивающиеся страны обратили внимание на свое промышленное отставание. Сосредоточившись на внешних причинах, они решили развивать те же отрасли, что и развитые страны. Последовавшую за этим неудачу ошибочно списали на “несостоятельность рынка”, который не смог эффективно разместить ресурсы, после чего зазвучали призывы к увеличению государственного вмешательства в экономику.

Ученый подчеркнул, что примеры успешного развития в послевоенный период были основаны на использовании сравнительных преимуществ — страны начали с трудоемких отраслей, и, накопив необходимые дополнительные ресурсы, постепенно переходили к капиталоемким отраслям. В этом случае предприятия были жизнеспособны и не нуждались в помощи государства, роль которого сводилась, прежде всего, к созданию рыночных институтов и реализации промышленной политики, нацеленной на использование сравнительных преимуществ.

Но если государство ведет экономику по пути догоняющего развития капиталоемких отраслей, то предприятия не станут жизнеспособными и в течение длительного времени будут нуждаться в государственных субсидиях. Поскольку эти предприятия лишены сравнительных преимуществ на открытом конкурентном рынке, правительству приходится защищать их, что ведет к искажению ценовых ориентиров. В этих условиях активность субъектов рынка будет подавлена, размещение ресурсов окажется неэффективным, рентаориентированное поведение станет всеобщим, а темпы развития — низкими.

В Восточной Азии в 1950-е гг. власти Японии, Южной Кореи и Тайваня поначалу избрали стратегию догоняющего развития. Однако население этих экономик оказалось относительно невелико, а ресурсы — крайне бедными. Это препятствовало мобилизации достаточных средств для субсидирования нежизнеспособных предприятий в капиталоемких отраслях на начальном этапе развития. Вынужденный отказ от поддержки капиталоемкой промышленности толкал правительства этих стран к либерализации и использованию сравнительных преимуществ.

Если в других частях развивающегося мира “ресурсное проклятие” позволило властям проводить расточительную политику догоняющего развития, то экономикам Восточной Азии, по мнению Линь Ифу, повезло — правительствам пришлось быть прагматичными и непреднамеренно следовать стратегии сравнительных преимуществ, даже если это не соответствовало националистической мотивации их политики. Как полагает ученый, позитивную роль здесь сыграла китайская конфуцианская культура, оказавшая большое влияние на весь восточно-азиатский регион. Конфуцианство прагматично, его идейное ядро — это учение о “золотой середине” (*чжунъюн*), которое предписывает соблюдать равновесие, избегать крайностей и достигать гармонии с внешним изменяющимся миром. Линь Ифу заявил, что политическая философия и принципы руководителей современного Китая Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао — поиск истины в фактах, освобождение сознания от догм, адаптация к изменяющейся ситуации и гармония — все они отражают традиционную культуру *чжунъюн*.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. многие развивающиеся и социалистические страны начали переход к рынку, однако постепенные реформы в Польше, Венгрии и бывшем СССР в 1980-е гг., проводившиеся до “шоковой терапии”, потерпели неудачу. Потом в СССР и Восточной Европе внезапно перестали защищать нежизнеспособные предприятия, что, по мнению ученого, создавало опасность краха экономики. Тем временем двухколейная постепенная реформа китайского типа продолжала предоставлять необходимые субсидии нежизнеспособным предприятиям. Вместе с тем она повышала активность субъектов рынка и облегчала допуск в ранее контролировавшиеся отрасли, благодаря чему одновременно достигались цели стабильности и развития.

Линь Ифу указал на ряд различий в экономической политике, благодаря которым постепенные реформы принесли успех в Восточной Азии, но не в Восточной Европе и СССР. В отличие от Китая и Вьетнама, где госпредприятиям после выполнения плановых обязательств разрешалось продавать излишки по рыночным ценам, советско-восточноевропейская система не позволяла предприятиям устанавливать свои цены. Это вело к консервации избыточного спроса и хронического дефицита. При этом в СССР и Восточной Европе выход на рынок негосударственных предприятий был строго ограничен, международная торговля регулировалась централизованно. Из-за этого производители не сталкивались с конкуренцией и не получали стимулов для повышения производительности.

В традиционной системе советского типа во избежание злоупотреблений на местах госпредприятиям не разрешалось устанавливать уровень зарплаты для своих рабочих. В Китае государство продолжало контролировать зарплаты, которые могли вырасти лишь в том случае, если прибыли предприятия превышали предусмотренный уровень. Однако в Польше, Венгрии и бывшем СССР частичные реформы предоставили предприятиям автономию в установлении зарплат. Ослабление государственного контроля дало возможность увеличивать доходы работников и управленцев за счет государства. Инфляция зарплат привела к росту дефицита, в ответ правительства Польши и бывшего СССР увеличили импорт потребительских товаров, на экономику легло тяжелое бремя внешнего долга. В итоге частичные реформы привели эти страны на грань банкротства и гиперинфляции.

Выяснилось, что "шоковая терапия", при которой приоритет отдавался преобразованиям на макроуровне, не может обеспечить скачок к процветающей рыночной экономике. Этот подход МВФ и ВБ может быть применен к тем экономикам, где есть основные рыночные институты и структурный дисбаланс незначителен — "если пропасть узкая, через нее можно перепрыгнуть". Однако длительное пренебрежение сравнительными преимуществами, серьезные диспропорции и накопление большого числа нежизнеспособных предприятий ведут к тому, что пропасть будет слишком широкой и глубокой. В этой ситуации, отмечает Линь Ифу, желательнее наполнить и сузить пропасть перед прыжком.

Опыт Китая и других стран Восточной Азии, применивших постепенный подход и отдававших приоритет преобразованиям на микроуровне, показал, что для динамичного роста на начальном этапе перехода к экономике, опирающейся на сравнительные преимущества, не требуются глубокие реформы. Создав правильные стимулы, можно запустить динамичный рост на слабой институциональной основе, который повлечет переход к полноценной хорошо функционирующей рыночной экономике. Прежде всего, правительство должно принять меры для улучшения индивидуальных стимулов, ввести систему большей оплаты за большой труд, повысить активность субъектов микроэкономики, предоставить госпредприятиям более широкую управленческую активность и возможность участия в прибылях. На начальном этапе правительство не должно отменять субсидии для нежизнеспособных предприятий, но при этом следует вводить двухколейную систему вместо старого одноколейного плана, что позволит ресурсам переместиться на негосударственные предприятия в более эффективных отраслях. Когда продукция в одном из секторов экономики размещается главным образом с помощью рыночной колее, наступает время провести полную либерализацию этого сектора.

Чтобы сделать возможным переход пропасти "несколькими шагами", правительство должно постоянно заботиться о совершенствовании институциональных и правовых основ рыночного хозяйства. Во время осуществления постепенных реформ правительство не должно иметь заранее определенного большого плана. Напротив, власти должны постоянно диагностировать обстановку, находя наиболее серьезные ограничения стимулов или размещения ресурсов. После этого правительство осуществляет реформаторские шаги, которые эффективны, но рассматриваются "рыночными фундаменталистами" как "половинчатые меры". В этом процессе правительство должно поощрять местную инициативу в институциональных инновациях.

Используя слова Дж. М. Кейнса о том что "рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными и для добра, и для зла"¹⁵,

ученый указал на важную роль идей в формировании политической системы и экономических институтов. Он заключил, что идеи и общественные течения определяют способность страны использовать сравнительные преимущества для достижения быстрого экономического развития. Если у государства есть достаточное понимание реальных причин отсталости (структуры имеющихся в наличии ресурсов) и политика разрабатывается, исходя из этого понимания, появляется возможность полностью использовать преимущества отсталости.

По мнению Линь Ифу, самым важным институтом для развивающихся стран является правительство, которое обладает силой принуждения. При этом от правильности политики правительства зависит эффективность институциональных установлений данной страны. Повышение технологического уровня выступает главной движущей силой экономического роста, но при выборе самых эффективных отраслей и наиболее конкурентных технологий каждая страна должна исходить из оценки имеющихся ресурсов. Главнейший экономический принцип для отсталого государства — развитие в соответствии с конкурентными преимуществами.

Ученый отмечает, что проблема жизнеспособности предприятий требует дальнейшего тщательного изучения. Как он полагает, это — важнейшая концепция, позволяющая понять причины искажений в институтах развивающихся стран. Большая часть институциональных искажений проистекает из ошибочной стратегии властей, сформулированной под давлением необходимости поддержки нежизнеспособных предприятий. Вместе с тем, если путь перехода будет избран в соответствии с реальной ситуацией, это позволит развивающейся стране добиться быстрого роста экономики даже при очень слабых институтах.

Лекция Линь Ифу представляет попытку обобщить опыт Китая и объяснить его на языке экономической науки, избегая идеологических клише и противопоставлений. Ученый формулирует проблемы развития с заметной осторожностью, не пытаясь навязать другим странам опыт Китая или противопоставить “пекинский консенсус” “вашингтонскому”. Вместе с тем многие положения его лекции бросают вызов представлениям экономического мейнстрима и содержат критику в адрес “рыночных фундаменталистов”.

Китайский опыт для Всемирного банка

В прошлом пост главного экономиста ВБ занимали известные западные экономисты. После 1990 г. на этой должности побывали прежний президент Гарвардского университета, экс-министр финансов США Лоуренс Саммерс, профессор Массачусетского технологического института Майкл Бруно, профессор Колумбийского университета, бывший глава Совета экономических консультантов при президенте США, Нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц, профессор Лондонской школы экономики, прежний заместитель министра финансов Англии Николас Стерн. Предшественником Линь Ифу был француз Франсуа Бургиньон, ставший директором Парижской школы экономики.

Линь Ифу узнал о возможности занять этот пост в ноябре 2007 г. из телефонного разговора с Бургиньоном. После двух дней размышлений он согласился, мотивировав это тем, что цель ВБ — помощь развивающимся странам, а в должности главного экономиста он сможет внести свой вклад в их развитие. В декабре 2007 г. в Китай приезжал президент ВБ Р. Зеллик. Он побеседовал с Линь Ифу о

проблемах китайских реформ и мирового развития, а в январе уведомил ученого об официальном выдвижении на должность.

Назначение Линь Ифу указывает на желание руководства ВБ улучшить имидж в глазах развивающихся стран, предоставив им более эффективные рецепты развития. Разногласия между международными финансовыми организациями и получателями помощи возникали из-за того, что развивающимся странам предлагался стандартный набор мер “вашингтонского консенсуса” (приватизация, либерализация, финансовая дисциплина). Эти меры помогли экономическому возрождению развитых стран в послевоенный период, но в ходе помощи странам Третьего мира международным финансовым организациям не удалось добиться намеченных целей: Африка так и не выбралась из бедности, некоторые страны Латинской Америки после бурного развития в 1980-1990-е гг. оказались в кризисе, применение “шоковой терапии” в странах бывшего СССР также не создало предпосылок для развития.

На этом фоне история взаимодействия ВБ с Китаем выглядит как пример успешной помощи Банка крупной развивающейся стране. Форму их взаимодействия определил в апреле 1980 г. Дэн Сяопин в беседе с тогдашним президентом ВБ Робертом Макнамарой. Китай, сказал он, вступает на путь модернизации и открытости, страна будет изучать опыт других стран и адаптировать его к национальной специфике. “Архитектор реформ” заметил, что Китай сможет добиться успеха как с помощью ВБ, так и без нее, однако с помощью Банка успеха можно будет добиться быстрее. “Поэтому с самого начала взаимоотношений вызовом для ВБ было оказание помощи Китаю, прежде всего с помощью богатого международного опыта Банка, но надо было делать это таким образом, чтобы поддерживать собственные усилия Китая по учебе у заграницы и адаптацию этих уроков к собственной реальности в собственном темпе”¹⁶.

Эта модель сотрудничества оправдала себя для обеих сторон. Помощь Банка пошла на пользу китайским реформам, между Китаем и ВБ не возникло взаимной неприязни. Линь Ифу отмечал, что сотрудничество было успешным потому, что Китай не копировал слепо чужой опыт: “Центральное звено успеха в том, что Китай играл в сотрудничестве главную роль”¹⁷.

Устремления китайских реформаторов и цели ВБ в целом совпадают. За минувшие три десятилетия Китай добился несомненных успехов в борьбе с бедностью и развитии экономики. ВБ призван помогать развивающимся странам решать эти проблемы. Ныне Китай обладает опытом развития и финансовыми ресурсами, которые могут быть использованы в рамках международных проектов в развивающихся странах. Линь Ифу отмечал, что ВБ выступает не только как источник средств, но и в качестве “банка знаний”. Отличие ВБ от коммерческого банка — в том, что его руководство (прежде всего главный экономист) должны определять, под какие проекты следует предоставлять кредиты, думая в первую очередь о том, как эти проекты смогут помочь развивающимся странам решать проблемы развития. В ходе выполнения новых служебных обязанностей китайский ученый получит возможность применить на практике свою концепцию сравнительных преимуществ.

Сам Линь Ифу видит главную причину недовольства деятельностью ВБ в том, что он часто предлагает готовые модели решения проблем, которые трудно соединить с реалиями конкретной страны. В результате получатель помощи и ВБ меняются местами — “гость занимает место хозяина”, а полученные результаты не соответствуют прогнозам. Хотя главным акционером ВБ являются

США, Линь Ифу не считает затруднения в странах-реципиентах последствием воздействия “американских интересов”, при этом ВБ вовсе не пытается “намеренно повредить экономикам развивающихся стран”. Корень проблемы в том, что Банк не слишком глубоко понимает развитие, поэтому выдвигаемые проекты не могут по-настоящему помочь развивающимся странам¹⁸.

Во время выступления в Университете Цинхуа в 2007 г. президент ВБ Р. Зеллик призывал повышать роль Китая в работе Банка и процессе принятия решений, помогать странам Африки избавляться от бедности, в том числе путем их ознакомления с опытом Китая, а также расширять инвестиции в Африку. Хороший имидж Китая среди развивающихся стран может способствовать созданию атмосферы взаимного доверия между ВБ и бедными странами, повышению эффективности его проектов.

Стоит напомнить, что до работы в ВБ Зеллик занимал пост заместителя госсекретаря США. Именно в этом качестве в сентябре 2005 г. он назвал Китай “ответственным участником” (responsible stakeholder) международных отношений. Этот лозунг отразил стремление американской дипломатии сделать Китай сторонником нынешнего мирового порядка, построенного вокруг руководства США. Назначение Линь Ифу косвенно указывает на углубление американских попыток включения Китая в нынешнюю систему международных отношений. Участие китайского эксперта в руководстве ВБ служит интеграции Китая в направляемую Западом международную финансово-экономическую систему.

Китайские авторы отмечают, что назначение Линь Ифу раскрывает отношение Китая к существующему глобальному экономическому и политическому порядку. Усилия Китая по его изменению сочетаются с активным стремлением обрести внутри этого порядка право голоса и даже право на руководство. Назначение Линь Ифу отражает стремление руководителей нынешнего мирового порядка повысить его привлекательность и приспособляемость, ответить на серьезные изменения в мировой экономической ситуации. ВБ и другие международные организации нуждаются в глубоких реформах, чтобы адаптироваться к повышению Китая и Индии, учесть экономический вес этих стран¹⁹.

При обсуждении причин назначения Линь Ифу китайские эксперты вспоминают традиционную формулировку — ему помогли “благоприятные условия времени, посылаемые Небом, выгоды, предоставляемые местностью, и человеческое согласие” (*тянь ши, ди ли, жэнь хэ*)²⁰. “Благоприятные условия времени, посылаемые Небом” означают, что благодаря экономическому развитию Китай оказывает растущее влияние на мир. “Выгоды, предоставляемые местностью” — это особое значение для ВБ такой развивающейся страны, как Китай. “Человеческое согласие” — это собственные успехи Линь Ифу. Бывший главный экономист ВБ, лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц сказал журналу “Цайцзин”, что Линь Ифу может привнести в ВБ успешный опыт Китая, подчеркнув, что Банк сделал очень хороший выбор²¹.

Можно сказать, что в своей научной деятельности Линь Ифу сполна реализовал стратегию “сравнительных преимуществ”. В начале 1980-х его продвижению помогли знания, полученные на Тайване, затем основой для дальнейшего карьерного роста стало образование, полученное в США. Успеху ученого способствовал фактор многообразия освоенных им научных традиций. Он сделал научную карьеру в материковом Китае, но ему не довелось испытать влияния “культурной революции”, перевоспитания и догматического образования. В 1979-1982 гг. Линь Ифу

учился в Пекинском университете политической экономии марксизма, но он не противопоставлял ее западной мысли, а рассматривал марксистскую политэкономю и западную экономическую науку как теоретические системы, каждая из которых имеет свою логику развития. К тому же для выходца с Тайваня изучение марксизма стало необходимым инструментом анализа реалий китайской плановой экономики. По его собственным словам, он старался учиться не готовым теориям, а методам наблюдения над проблемами: “В Китае говорят: подарить тебе рыбу — это или дать рыбу или научить ловить рыбу. Меня, к счастью, всегда учили методам ловли рыбы, а не тому, как получить ее готовой”²². Линь Ифу прекрасно подготовлен к новой должности: у него хорошее профессиональное экономическое образование, его публикации известны зарубежным коллегам, при этом он способен объяснять китайский опыт в форме, понятной западному миру.

Назначение Линь Ифу состоялось после того, как в ноябре 2007 г. китайский юрист Чжан Юэцзяо была назначена арбитром по урегулированию спорных вопросов ВТО. Это дает основания говорить о формирующейся тенденции, отражающей рост международного влияния Китая. По мере усиления КНР все больше ее представителей будут занимать важные посты в международных организациях.

Сам Линь Ифу связал эти тенденции с модным в КНР лозунгом укрепления “мягкой силы” китайской культуры, включающей, по его мнению, и экономическую теорию: “Я надеюсь, что Китай вновь сможет повторить великий расцвет эпох Хань и Тан, ученые развивающихся и развитых стран приедут учиться в Китай, чтобы понять причины успеха Китая. Это требует от китайских ученых обобщения опыта, выдвижения новых теорий, развивающиеся страны могут на основании теорий, обобщенных нашей страной, в соответствии с их практикой проводить реформу и развиваться. Развитые страны с имеющимися у них теориями не понимают Китая, для объяснения китайских явлений можно использовать только теории, развитые в Китае, поэтому, если ученые этих стран хотят понять Китай, они должны приехать в Китай учиться, в будущем это станет самой большой мягкой силой культуры нашей страны. Надеюсь, что к 2030 г. наша страна сможет быть равной Америке в области экономической мощи, теоретических инноваций и культурного влияния”²³.

Назначение Линь Ифу указывает на международное признание достижений китайской интеллигенции в области экономической науки. В лице Линь Ифу ВБ получил опытного и хорошо образованного экономиста из успешной развивающейся страны, что дает Банку возможность внести назревшие изменения в свою политику и снизить накал критики со стороны развивающихся стран. Это событие отразило рост внимания международных финансовых организаций к проблемам развивающихся экономик и к успеху китайского пути преобразований. Оно свидетельствует об усилении роли Китая в формировании мирового экономического порядка по мере увеличения мощи страны.

1. В Группу ВБ входят Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Международная финансовая корпорация (МФК), Международная ассоциация развития (МАР) и Многостороннее агентство по инвестиционным гарантиям (МАИГ). Исходной структурой Группы был МБРР, созданный одновременно с Международным валютным фондом (МВФ) по решению конференции в Бреттон-Вудсе в 1944 г.
2. Chinese Professor Named World Bank Chief Economist/<http://web/worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/NEWS/0,,date:2008-02-05>.
3. СССР в работе ВБ не участвовал. Москва подала заявку на вступление в МВФ и ВБ в июле 1991 г., Россия стала членом ВБ в июле 1992 г.

4. China and the World Bank: A Partnership for Innovation. Washington, 2007. P. xiii. См. также: Новоселова Л.В. КНР и Всемирный банк: опыт взаимодействия // Макроэкономическая и финансовая политика в кризисных ситуациях: мировой опыт и российская действительность. М.: ИМЭПИ РАН. 1999. С. 97-100.
5. Chinese Professor Named World Bank Chief Economist.
6. Линь Ифу, Цай Фан, Лу Чжоу. Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа. Пер. с кит. М.: ИДВ РАН, 2001. Рецензии на книгу см.: Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 5. С. 170-176; 2001. № 6. С. 177-183.
7. Цит. по: Ян ши. "Мянь дуй мянь". Линь Ифу: Ши хан чжи лу [Центральное телевидение. "Лицом к лицу". Линь Ифу: Путь во Всемирный банк] // <http://www.ccer.edu.cn/cn/ReadNews.asp?NewsID=8653>.
8. Линь Ифу: Цзай шицзе динци цзинцзисюэ цзянтань поуси "Чжунго ццици" [Линь Ифу: Анализ "китайского чуда" на высокой мировой трибуне экономической науки] // <http://www.ccer.edu.cn/ReadNews.asp?NewsID=8292>.
9. Ян ши. "Мянь дуй мянь". Линь Ифу: Ши хан чжи лу.
10. Линь Ифу. Бэньтухуа, гуифаньхуа хэ гоцзихуа — Хэ "Цзинцзи яньцзю" чуанкань сыши чжоуньян [Локализация, стандартизация, интернационализация — Поздравление с 40-летием создания журнала "Цзинцзи яньцзю"] // Линь Ифу. Цзеду Чжунго цзинцзи мэю сяньчэн моши [Пет готовой модели для объяснения китайской экономики]. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2007. С. 237-243.
11. С 1990 по 2000 г. по числу статей, опубликованных в ведущих экономических журналах, Линь Ифу занял 237-е место среди экономистов мира, а по цитированию статей — 205-е место. Это второе место среди экономистов-китайцев. См.: Линь Ифу: Цзай шицзе динци цзинцзисюэ цзянтань поуси "Чжунго ццици".
12. Линь Ифу, Ху Шудун. Чжунго цзинцзисюэ бай нянь хуйгу [Китайская экономическая наука за 100 лет] // Цзинцзисюэ (цзикань). Т.1. № 1. Октябрь 2001 г. С. 3-18.
13. Лекции названы по имени Альфреда Маршалла (1842-1924) — английского экономиста, создателя кембриджской неоклассической школы. Лекции проводятся с 1947 г., каждый раз главным докладчиком выступает экономист с мировой известностью. 13 из них получили впоследствии Нобелевскую премию.
14. Масеэр цзянцзо [Маршалловские лекции] // <http://www.ccer.edu.cn/cn/ReadNews.asp?NewsID=8329>; What's Driving China's Transition? // Beijing Review. No. 48. Nov. 29, 2007. P. 18-19.
15. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег/Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 340.
16. China and the World Bank: A Partnership for Innovation. P. xiii.
17. "Цайцзин" цзачжи. Линь Ифу вэй хэ нэн чэн шихан шоуси цзинцзисюэцзя [Журнал "Цайцзин": Почему Линь Ифу смог стать главным экономистом Всемирного банка] // <http://www.ccer.edu.cn/ReadNews.asp?NewsID=8550>.
18. Там же.
19. Линь Ифу жэньчжи шихан чжи ии [Смысл назначения Линь Ифу во Всемирный банк] // Ляньхэ цаобао. 2008. 5 февраля; Линь Ифу: игэ чуаньци дэ сюэчжэ [Линь Ифу: легендарный ученый] // <http://www.ccer.edu.cn/cn/ReadNews.asp?NewsID=8671>.
20. "Цайцзин" цзачжи. Линь Ифу вэй хэ нэн чэн шихан шоуси цзинцзисюэцзя.
21. Там же.
22. Ян ши. "Мянь дуй мянь". Линь Ифу: Ши хан чжи лу.
23. Линь Ифу: Цзай шицзе динци цзинцзисюэ цзянтань поуси "Чжунго ццици".

Перспективы поставок природного газа из России в страны АТР: ресурсные, технологические и геополитические факторы

© 2008

А. Конторович, А. Коржубаев, Л. Эдер

Состояние и прогноз спроса на газ в АТР. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) — наиболее динамично развивающийся международный рынок природного газа. В последние десятилетия (вторая половина XX в. — начало XXI в.) рост спроса на газ в АТР и развитие систем газобеспечения шли быстрее, чем в мире в целом, что привело к увеличению доли региона в структуре глобального газопотребления за последние 40 лет почти в 15 раз. В 1965 г. использование газа в АТР составляло 5,9 млрд м³, в 1970 г. — уже 15,7 млрд м³, в 1980 г. — 70,4 млрд м³, в 1990 г. — 158,6 млрд м³, а в 2006 г. достигло 438,5 млрд м³, что превысило 15% глобального спроса (рис. 1).

В крупнейших странах Северо-Восточной Азии, территориально приближенных к России, спрос на газ возрастал неравномерно. В наиболее экономически и технологически развитой стране региона Японии основные инфраструктурные объекты системы газобеспечения были созданы в 1970—1990-е гг., в Южной Корее — в 1990—2000-е гг., в Китае — в последние десять лет.

Таблица 1.

Потребление газа в АТР в 1970—2006 гг., млрд м³

Регион / Год	1970	1980	1990	2000	2006
Китай*	3,7	13,9	15,0	26,1	58
Япония	4,0	24,9	49,9	74,9	84,6
Южная Корея			3,4	21,0	34,2
Прочие	8,0	31,7	90,4	175,8	264,2
Всего	15,7	70,4	158,6	297,8	438,5

Включая * Сянган (Гонконг) (с 1997 г.) и Аомэнь (Макао) (с 1999 г.)

Конторович Алексей Эмилевич, академик, доктор геолого-минералогических наук, профессор, директор Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН, председатель Научного Совета РАН по геологии и разработке нефтяных и газовых месторождений, член Президиума СО РАН;

Коржубаев Андрей Геннадьевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Института нефтегазовой геологии и организации промышленного производства СО РАН, Уполномоченный СО РАН по вопросам сотрудничества с Китаем;

Эдер Леонтий Викторович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН.

Особенность газового рынка АТР — отсутствие международных магистральных газопроводных систем. Исключение составляют небольшие газопроводы из Индонезии и Малайзии в Сингапур и из Мьянмы (Бирмы) в Таиланд. Основная часть межстрановых поставок осуществляется в виде сжиженного природного газа (СПГ) танкерным флотом.

Рис. 1. Потребление газа в АТР и доля АТР в мировом потреблении в 1965—2006 гг.

Основными поставщиками СПГ на рынок АТР помимо региональных производителей — Индонезии, Малайзии, Австралии, Мьянмы, Брунея, в настоящее время выступают страны Ближнего Востока — Оман, Катар, ОАЭ, а также Северной и Западной Африки — Алжир, Египет, Нигерия. Небольшие объемы сжиженного газа на рынок Японии и Южной Кореи поставляются из США (Аляска), а также Тринидада и Тобаго.

При ограниченности сырьевой базы природного газа в регионе в условиях совершенствования технологических систем и повышения экономической эффективности транспорта СПГ, в конце XX — начале XXI в. в АТР происходит резкое увеличение внерегионального импорта (рис. 2).

В формировании инфраструктуры использования газа лидером выступает наиболее технологически развитая страна региона — Япония, где в 1980—1990-е гг. потребление газа возрастало наиболее быстро, со второй половины 1990-х гг. схожие процессы имеют место в Южной Корее, с начала 2000-х гг. — в Китае.

Развитие экономики большинства стран АТР происходит в основном по индустриальной модели Европы и Северной Америки с лагом в 25—35 лет (в зависимости от сегмента). Имеет место массовое внедрение существующих промышленных, энергетических, транспортных технологий с эксплуатационным ресурсом не менее 20—30 лет, что позволяет достаточно точно спрогнозировать спрос на основные виды моторного и котельного топлива.

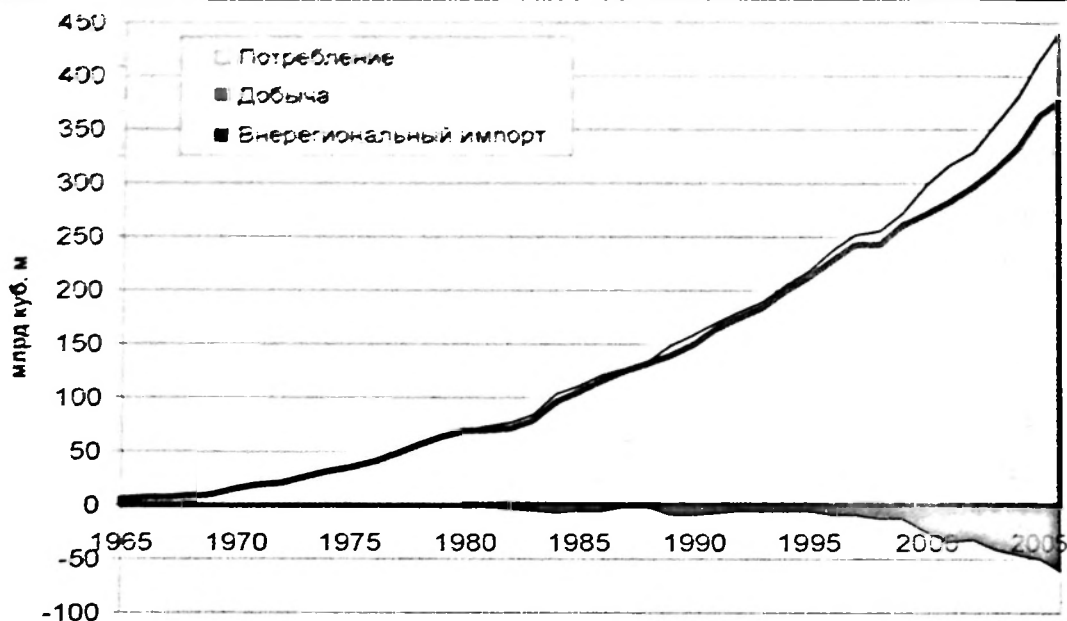

Рис. 2. Добыча, потребление и внерегиональный импорт газа в АТР в 1965—2007 гг.

Ввиду высокой инерционности технологических систем в ближайшие десятилетия в регионе будет происходить дальнейшее увеличение единичного расхода энергии и совокупного потребления энергетических ресурсов. В результате изменения технологического уровня энергообеспечения и трансформации структуры топливно-энергетического баланса наиболее быстро будет расти спрос на нефть и газ. Ужесточение экологических требований и технологических ограничений воздействия на окружающую среду будет выступать дополнительным фактором увеличения потребления газа и повышения его доли в структуре топливно-энергетического баланса (ТЭБ).

По прогнозу ИНГГ СО РАН спрос на газ в АТР возрастет к 2010 г. до 500—520 млрд м³ в год, к 2020 г. — до 730—750 млрд м³, к 2030 г. — до 940—960 млрд м³ (табл. 2).

Таблица 2

Прогноз спроса на газ в АТР до 2030 г., млрд м³ (средние значения)

Регион / Год	2010	2020	2030
Китай	70	155	260
Япония	90	110	132
Южная Корея	40	55	90
прочие	310	420	470
Всего	510	740	952

Открытие в последние годы в Китае (Ордосский бассейн, Таримский бассейн, Сычуаньский бассейн, Бохайский залив и др.), Австралии (Тиморское море), Папуа — Новой Гвинее (Папуасский бассейн), Индии (Бенгальский залив), Вьетнаме (Южно-Китайское море) и других странах АТР ряда крупных месторождений углеводородов является фактором, способствующим развитию в реги-

оне инфраструктуры по транспортировке, переработке и использованию нефти и газа. Однако удовлетворить рост энергетических потребностей Китая и других стран АТР ни сейчас, ни в будущем эти открытия не смогут. Нетто-импорт (поставки из регионов вне АТР) в АТР возрастет к 2010 г. до 170—190 млрд м³ в год, к 2020 г. — до 410—420 млрд м³, к 2030 г. — до 680—690 млрд м³.

Современные состояние и перспективы развития газового рынка Японии. Япония — самый крупный потребитель газа в АТР. В структуре ее топливно-энергетического баланса доля газа составляет около 15%. С начала 1960-х гг. в стране происходил быстрый рост потребления и импорта газа, прежде всего, благодаря развитию инфраструктуры СПГ. Наиболее быстро использование газа росло в 1970—1990-е гг.; с конца 1990-х гг. в условиях замедления экономического роста и стагнации, увеличение спроса на газ несколько замедлилось.

В настоящее время в Японии ведется незначительная добыча газа на шельфе в объеме 1,5—1,7 млрд м³, тогда как основную часть спроса удовлетворяет импорт СПГ. Япония — крупнейший импортер СПГ в мире. В 2006 г. импорт составил 82,9 млрд м³. Основная часть поставок осуществлялась из Индонезии, Малайзии, Австралии, Катара, ОАЭ, Брунея.

Согласно Новой национальной энергетической стратегии Японии нетто-импорт газа в Японии увеличится в 2010 г. до 88 млрд м³, в 2020 г. — до 94 млрд м³, в 2030 г. — до 102 млрд м³ (табл. 3).

Таблица 3

**Прогноз добычи и потребления газа в Японии
(правительство Японии, Tokyo gas), млрд м³***

Год	2006	2010	2020	2030
Добыча	1,6	2,0	2,0	2,0
Потребление	84,6	90	96	102
Нетто-импорт	82,9	88	94	100

*В рамках Новой национальной энергетической стратегии Японии

Достаточно осторожный прогноз спроса на газ в рамках Национальной энергетической стратегии обусловлен тем, что в качестве важного направления энергообеспечения экономики и населения рассматривается развитие атомной энергетики. Предполагается, что доля атомной энергии в структуре первичного топливно-энергетического баланса увеличится с 13 до 15%, при этом производство электрической энергии на атомных электростанциях возрастет с 29 до 40% в структуре выработки электроэнергии.

Вместе с тем, с целью диверсификации использования энергоносителей в энергетическом секторе и защиты экономики страны от возможных срывов поставок нефти и нефтепродуктов из Персидского залива, улучшения экологической ситуации планируется перевод части электростанций с нефтяного на газовое топливо. Кроме того, продолжится увеличение объемов и доли использования газа в качестве моторного топлива. Все это будет стимулировать долгосрочное повышение спроса на газ.

По прогнозу ЕИА уровень потребления газа в стране может составить в 2010 г. 89,6 млрд м³, в 2020 г. — 99,5 млрд м³, в 2030 г. — 107 млрд м³. Согласно прогноза ИННГ СО РАН, потребление газа в Японии в 2010 г. достигнет 90 млрд м³, в 2020 г. — 110 млрд м³, в 2030 г. — 132 млрд м³ (табл. 4).

Таблица 4

Прогноз добычи и потребления газа в Японии (ИНГГ СО РАН), млрд м³

Регион / Год	2006	2010	2020	2030
Добыча	1,6	3	3	3
Потребление	84,6	90	110	132
Нетто-импорт	82,9	87	107	129

Нетто-импорт газа в 2010 г. может составить не менее 87 млрд м³, в 2020 г. — 107 млрд м³, в 2030 г. — 129 млрд м³.

Исходя из уже заключенных и планируемых контрактов на поставки СПГ, в том числе в рамках проектов на шельфе о-ва Сахалин, предполагаемая емкость японского рынка для импорта российского природного газа составит в 2010 г. — 5 млрд м³, в 2020 г. — 7 млрд м³, в 2030 г. — 10 млрд м³. Доля российского газа на японском рынке составит не более 6—8% (рис. 3).

Источником поставок будут выступать Сахалинские проекты, а также месторождения Восточной Сибири и Республики Саха при создании инфраструктуры СПГ в российских портах на тихоокеанском побережье (Находка, Козьмино и др.).

В условиях сложившейся структуры и организации поставок при высокой степени закрытости газового рынка Японии усиление российских позиций в системе энергообеспечения этой страны возможно через заключение долгосрочных соглашений с японскими импортерами (Токуо Gas, Japan Gas, JOGMEC), предусматривающих возможность доступа этих компаний к добывающим проектам в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в обмен на участие “Газпрома” в дистрибуции газа на территории Японии. Одновременно следует использовать возможности ОАО “Газпром” по поставкам СПГ на японский рынок из различных регионов мира (например, в рамках проектов Shell, BP и BG) по схеме замещения (SWAP) поставок сетевого газа на европейский рынок, а также за счет поставок в рамках зарубежных проектов “Газпрома”.

Рис. 3. Прогноз структуры импорта газа в Японии до 2030 г.

Современное состояние и перспективы развития газового рынка Китая. Объем потребления газа в Китае составляет около 58 млрд м³, что является вторым показателем в АТР после Японии. Потребление возрастает в основном благодаря наращиванию собственной добычи. В последние годы в результате интенсификации геологоразведочных работ сделан ряд открытий средних и мелких месторождений в Тариме, Ордосе, Сычуане и др. В 2007 г. крупнейшей нефтегазовой компанией Китая — КННК (CNPC) было открыто газовое месторождение Лунган в Северо-Восточной впадине Сычуаньского бассейна (там же где Пугуан) с запасами не менее 1 трлн м³ на глубине свыше 6,5 км.

Таблица 5.

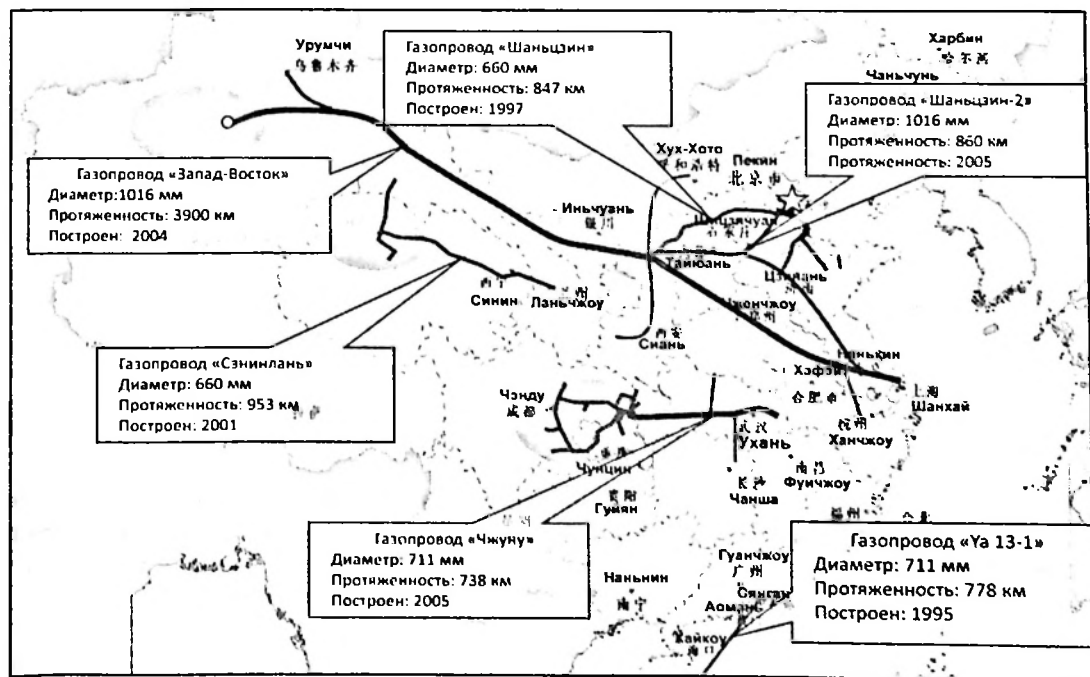
Прогноз добычи и потребления газа в Китае (ИНГГ СО РАН), млрд м³

Регион / Год	2006	2010	2020	2030
Добыча	57	66	80	86
Потребление	58	73	176	260
Нетто-импорт	1	7	96	174

Ожидается, что наиболее быстро будет увеличиваться потребление газа в энергетике, где доля его превысит 1/3. Кроме того, интенсивно будет расти использование газа в коммунально-бытовом хозяйстве. Продолжится рост использования газа в химии и промышленности, однако доля этих секторов в структуре газопотребления несколько снизится. В региональном плане наиболее быстро увеличится потребление газа в Северо-Восточной части Китая, Бохайском кольце, а также в дельте Янцзы, где уровень использования пока весьма низок.

Газопроводы Китая

Общая протяженность газопроводной сети в Китае 30,2 тыс. км

В результате превышения перспективного спроса на газ над возможностями добычи Китай вынужден искать крупные источники поставок за рубежом, формировать инфраструктуру импорта газа. С 2005 г. из Австралии организован импорт сжиженного природного газа через терминал в Гуандуне. В 2006 г. импорт СПГ составил 1 млрд м³ в пересчете на исходное вещество, проектная мощность терминала — 5,1 млрд м³. Ведутся переговоры о строительстве ряда новых терминалов СПГ, магистральных газопроводов из России и Центральной Азии.

Протяженность внутрикитайской системы трубопроводов превышает 30 тыс. км: в 2001 г. введен в эксплуатацию газопровод “Сэнинлан” (протяженностью 953 км), в 2004 г. — транскитайский газопровод “Запад — Восток” (3,9 тыс. км), в 2005 г. газопроводы “Шаньцзин-2” (860 км) и “Чжуну” (738 км). В ближайшее время начнется строительство магистральных газопроводов “Запад — Восток-2” и “Запад — Юг” (см. схему).

Предполагается, что транскитайские магистральные газопроводы на Западе страны будут связаны с Туркменистаном и Казахстаном, что должно обеспечить их загрузку в условиях недостаточности сырьевой базы в Синьцзян-Уйгурском Автономном районе. Планы строительства магистральных газопроводов в Китай из Центральной Азии рассматриваются как аргумент в переговорах с Россией относительно условий поставок газа из Западной и Восточной Сибири.

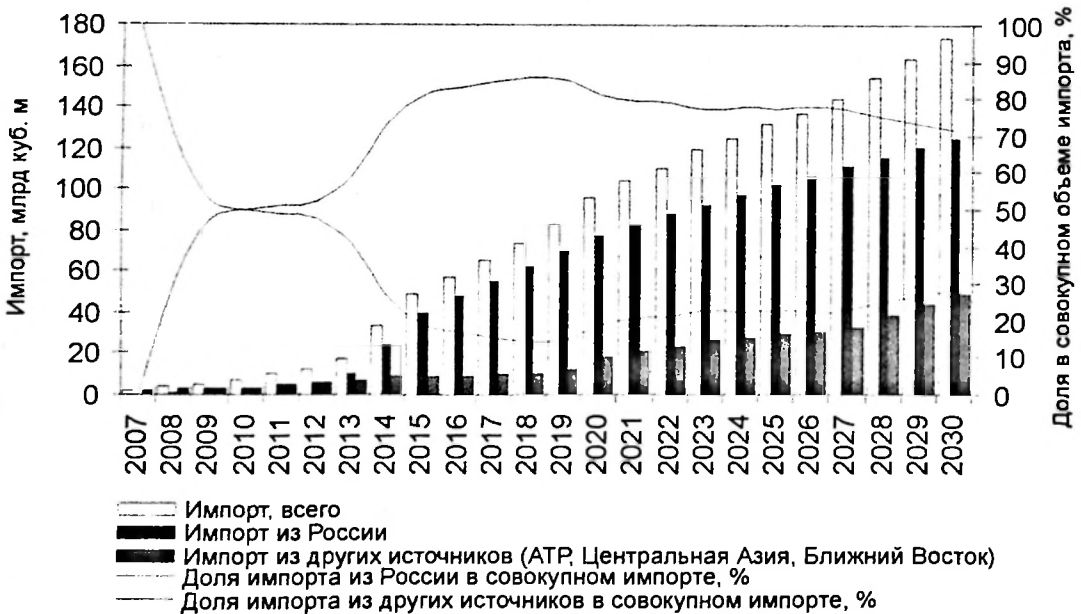

Рис. 4. Прогноз структуры импорта газа в Китае до 2030 г.

В складывающейся ситуации Россия, располагающая самыми крупными в мире запасами газа, являющаяся соседом и важным торгово-экономическим и политическим партнером Китая, должна предпринять ряд мер по экономически обоснованному вхождению на китайский рынок, недопущению ценовой конкуренции с другими экспортерами при поставках газа на китайский рынок. Необходимо обеспечить увеличение газовых поставок из Туркменистана, Казахстана и Узбекистана на атлантическом направлении через территорию России, что предполагает развитие транспортной инфраструктуры (строительство Прикаспийского

газопровода, реконструкцию газопроводов “Средняя Азия — Центр” и “Бухара — Урал”), расширение участия российских компаний в добывающих проектах в Центральной Азии. Это позволит замкнуть поставки газа из региона на российскую Единую систему газоснабжения (ЕСГ), исключить возможность конкуренции экспортных поставок на китайском направлении с возможными поставками из России.

Вместе с тем целесообразно сформировать контролируемые российскими компаниями, прежде всего “Газпромом”, поставки сетевого и сжиженного газа из России и других регионов мира. “Газпром”, как глобальная энергетическая компания имеет возможность вхождения в проекты поставок СПГ в Китай, организуемых международными (МНК) и транснациональными компаниями (ТНК) — BP, RD/Shell, ExxonMobil, ChevronTexaco и др., из различных регионов мира по схеме замещения (SWAP), а также в обмен на их ограниченный допуск к проектам на территории Западной и Восточной Сибири.

Поставки газа из России на китайский рынок могут составить в 2010 г. не менее 3,5 млрд м³ (СПГ), в 2020 г. — 78 млрд м³, в 2030 г. — 125 млрд м³. Создание инфраструктуры и организация крупномасштабных поставок позволит России занять доминирующие позиции на китайском рынке газа, контролируя 70—85% всех импортных поставок (рис. 4).

Современное состояние и перспективы развития газового рынка Южной Кореи. В структуре топливно-энергетического баланса Южной Кореи доля газа составляет 17,3% (27,7 млрд м³, 2007 г.). Относительно низкая доля газа связана с полным отсутствием собственной сырьевой базы и с неразвитостью до недавнего времени инфраструктуры по приему крупных партий СПГ, с более высокой ценой энергетической единицы газа по сравнению с другими энергоносителями, в первую очередь, углем. Потребление газа удовлетворяется полностью за счет импортных поставок сжиженного природного газа.

В 1986 г. начались первые поставки СПГ, которые быстро возрастали вплоть до Азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг., когда объем закупок незначительно снизился. В 1986—1997 гг. импорт газа увеличился с 0,1 до 16,4 млрд м³. После оживления экономической и деловой активности с конца 1990-х гг. потребление газа постоянно увеличивалось и составило в 2006 г. 35 млрд м³. Доля газа в структуре ТЭБ за этот период увеличилась почти на 7 п.п. (с 6,4 до 17,3%). В настоящее время весь потребляемый в стране газ импортируется в виде СПГ в основном из Катара, Индонезии, Омана и Малайзии, а также из Брунея, Египта, Алжира, Австралии, Нигерии, Тринидада и Тобаго.

Основная часть потребляемого газа используется в коммунально-бытовом секторе — 35,8% (12,5 млрд м³) и электроэнергетике — 33% (11,5 млрд м³).

По прогнозу Корейской газовой корпорации (Korea Gas Corporation — KOGAS) потребление, и, соответственно, нетто-импорт газа в Южной Корее в 2010 году составит 37 млрд м³, в 2020 году — 55 млрд м³, в 2030 году — 64 млрд м³ (табл. 6).

Таблица 6.

Прогноз потребления газа в Южной Корее, млрд м³*

Год	2006	2010	2020	2030
KOGASJ-2007	35	37	55	64
EIA, 2007	35	37	44,5	51,3
ИНГГ СО РАН, 2005	35	40	55	90

Ожидается, что в ближайшие годы продолжится вытеснение мазута из тепло- и электроэнергетики, а после 2015—2020 гг. произойдет значительное

увеличение использования газа в качестве моторного топлива. В связи с отсутствием собственной ресурсной базы и опережающим ростом потребления газа в электроэнергетике, на транспорте и в коммунально-бытовой сфере Южная Корея будет наращивать импортные поставки. Импорт газа возрастет в 2010 г. до 40 млрд м³, в 2020 г. — 55 млрд м³, в 2030 г. — 90 млрд м³ (рис. 5).

Поставки из других регионов (альтернативных России) могут удовлетворить лишь часть импортного спроса Республики Корея. Ожидается, что объем поставок газа из России в 2010 г. составит 3 млрд м³, в 2020 г. — 15 млрд м³, в 2030 г. — 20 млрд м³, в том числе сетевого газа — в 2020 г. — не менее 10 млрд м³, в 2030 г. — 13 млрд м³; сжиженного газа в 2010 г. — 3 млрд м³, в 2020 г. — 5 млрд м³, в 2030 г. — 7 млрд м³.

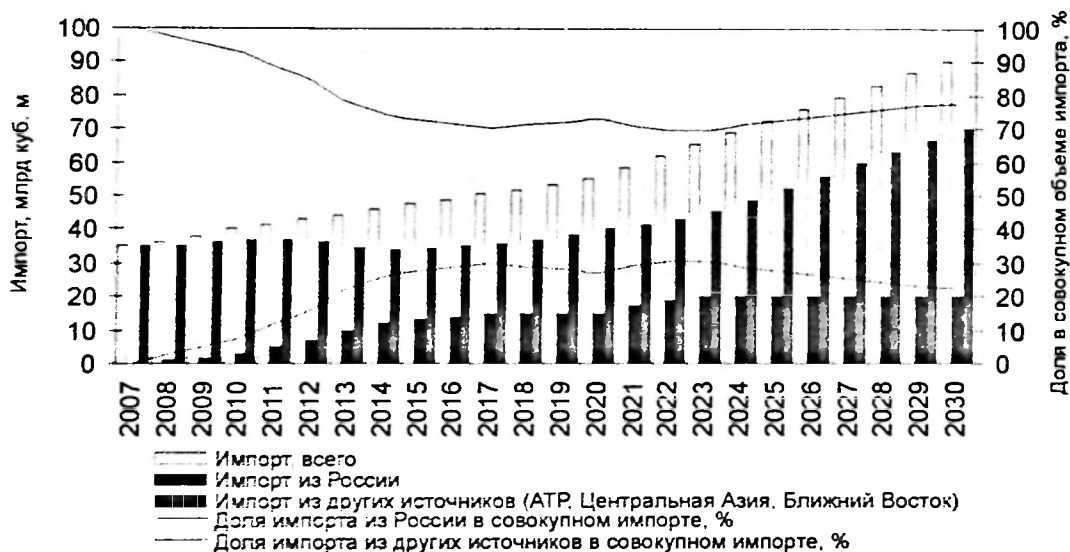

Рис. 5 Прогноз структуры импорта газа в Южной Корее до 2030 г.

Доля России в физических поставках газа на южнокорейский рынок может находиться на уровне 20—30%. Вместе с тем, целесообразно усилить российское влияние на систему энергообеспечения этой страны через участие ОАО "Газпром" в контроле над поставками СПГ из различных регионов мира (как по схеме замещения, так и через участие в добывающих проектах за рубежом), прежде всего из Африки, Ближнего Востока, АТР, Южной Америки. Возможно также участие корейской газовой корпорации KOGAS в проектах Восточной Сибири и на Дальнем Востоке при условии равноценного доступа ОАО "Газпром" к инфраструктуре распределения газа на территории Южной Кореи.

Современное состояние и перспективы развития газового рынка Монголии. В настоящее время Монголия потребляет около 500 тыс. т сжиженного нефтяного газа. Основное количество пропан-бутановых смесей используется в коммунально-бытовом секторе. Небольшие объемы этого топлива потребляются на транспорте. Выработка электроэнергии ведется на основе угольного топлива. Более 80% всей производимой и потребляемой в стране энергии приходится на Улан-Батор.

В настоящее время активизирована программа "Развитие потребления сжиженного газа в Монголии". В рамках программы на сжиженный природный и

углеводородные газы (СПГ и СУГ) в первую очередь будет переведен общественный транспорт и таксопарк страны. Планируется строительство сетей газозаправочных станций в городах Дархан и Эрдэнэт. Сжиженный газ поставляется в основном из России.

Потенциальный объем газа, который может потреблять Монголия, составляет около 2 млрд м³. Этот прогноз может быть реализован в случае, если будут переведены с угля на газ ТЭЦ в Улан-Баторе, газифицированы промышленные предприятия, коммунально-бытовой сектор, жилой фонд. Реализация намеченной программы перевода части моторного парка с нефтепродуктов на сжиженный и сжатый газ повысит спрос на 110 млн м³ (в пересчете на исходное вещество).

Любые проекты в газовой сфере на территории Монголии в силу географических, ресурсных и технологических факторов могут быть реализованы лишь с участием ОАО "Газпром". В этих условиях важно использовать механизм газовой дипломатии для восстановления экономических и политических позиций России в этой стране.

Перспективы добычи природного газа в России, организации поставок на внутренний рынок и экспорта в АТР. Состояние и перспективы увеличения разведанных запасов газа при наличии соответствующих инвестиций и благоприятной ситуации на внутреннем и внешнем рынках газа позволяют довести добычу его в 2010 г. до 681 млрд м³, в 2020 г. — до 890 млрд м³, в 2030 г. — до 910 млрд м³ в год с последующим поддержанием этого уровня благодаря вводу месторождений, прогнозируемых к открытию (табл. 7). Это позволяет удовлетворить внутренние потребности страны, обеспечить увеличение поставок в Европу, сформировать новые крупные экспортные направления — Китай и другие страны АТР, а также США.

Перспективы экспорта газа из России в АТР. Главными источниками поставок газа из России в АТР, прежде всего в Китай, будут месторождения Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнего Востока. При развитии газовой промышленности Восточной Сибири и Республики Саха следует учитывать высокое содержание в природных газах этого региона таких элементов, как этан, пропан, бутаны и конденсат. Ежегодная добыча гелия в Восточной Сибири и Республике Саха может быть доведена к 2020 г. до 135—150 млн м³ в год. При освоении газовых месторождений Лено-Тунгусской провинции необходимо предусмотреть строительство заводов по выделению гелия и его хранилищ.

Таблица 7

Прогноз добычи газа в России до 2030 г. по макрорегионам, млрд м³

Регион / Год	2010	2015	2020	2025	2030
Западная Сибирь	610	630	670	670	670
Европейская часть	40	52	80	88	90
Восточная Сибирь* и Республика Саха	11	85	115	117	120
Дальний Восток (Сахалин)	20	23	25	30	30
Россия, всего	681	790	890	905	910

*включая Норильский промышленный район

Экспорт сжиженного природного газа (СПГ) с месторождений Сахалина в АТР может начаться уже в 2008 г., а в 2010 г. объем добычи и поставок СПГ в рамках проекта "Сахалин-2" может быть доведен до 9,6 млн т, или 13,4 млрд м³ в пересчете на исходное вещество (табл. 8).

Таблица 8

Прогноз экспорта газа из России в АТР до 2030 г., млрд м³

Регион / Год	2010	2015	2020	2025	2030
Западная Сибирь	0	15	30	40	60
Восточная Сибирь и Республика Саха	0	30	60	82	82
Сахалинская область	13,4	13,4	18	20	23
Всего	13,4	58,4	108	142	165
в том числе в Китай	3,5	40	78	102	125
в Японию	5	5	7	10	10
в Южную Корею	3	10	15	20	20
в другие страны АТР и тихоокеанское побережье США	1,9	3,4	8	10	10

Ожидается, что после 2010 г. может быть реализован проект поставок сетевого газа из Ковыктинского месторождения в Китай и Корею, а после 2015 г. может начаться экспорт из других крупнейших месторождений Восточной Сибири и Республики Саха. В это же время возможно начать экспорт сетевого газа в рамках проекта "Сахалин-1" в северо-восточные провинции Китая (Ляонин, Хэйлунцзян, Цзилинь).

К 2012—2015 гг. по мере роста спроса на газ, в том числе в качестве моторного топлива, в Китае, будет организован экспорт газа в восточном направлении из Западной Сибири. Ежегодный объем поставок газа из Западной Сибири в Китай, может быть доведен к 2020 г. до 40 млрд м³, а к 2030 г. — до 60 млрд м³.

После удовлетворения внутренних потребностей и обязательств по поставкам на атлантическом направлении (Европейский Союз, СНГ, Турция) экспорт газа из Западной и Восточной Сибири, Республики Саха и шельфа острова Сахалин в АТР (прежде всего, в Китай, Корею, Японию) может быть доведен к 2020 г. до 108 млрд м³ в год, к 2030 г. — до 165 млрд м³ в год.

Развитие системы газопроводов на востоке России. Фактором, сдерживающим расширение экспорта энергоносителей в Китай и другие страны АТР, является отсутствие эффективной системы транспорта, прежде всего магистральных трубопроводов.

Россия располагает развитой сетью газопроводов в Западной Сибири и Европейской части, однако на востоке страны в настоящее время Единая система газоснабжения ОАО "Газпром" заканчивается в районе Проскоково (Кемеровская область).

Для организации крупных поставок газа российским потребителям и на экспорт в Китай и другие страны АТР, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке необходимы формирование системы сверхдальнего трубопроводного транспорта, строительство заводов по переработке и сжижению природного газа, создание инфраструктуры для отгрузки СПГ и конденсата.

При формировании на востоке России новой системы газопроводов в первую очередь целесообразно провести газификацию юга Восточной Сибири, включая Забайкалье, соединение восточносибирской системы с ЕСГ. Это предполагает строительство газопроводов: Ковыктинское месторождение — Саянск — Ангарск, Иркутск — Улан-Уде — Чита, Чаяндинское месторождение — Ковыктинское месторождение, Ковыктинское месторождение — Иркутск — Проскоково.

На первом этапе при организации экспорта газа в восточном направлении возможно использование БАМа и Транссиба, что предполагает строительство

заводов по сжижению природного и углеводородных газов и ж. д. терминалов по отгрузке СПГ и СУГ в Усть-Куте и Ангарске.

После 2010 г., по мере наращивания объемов добычи газа в Восточной Сибири и Республике Саха, развития инфраструктуры газообеспечения в Восточной Азии, должно быть принято окончательное решение о строительстве экспортных газопроводов. Здесь экономически наиболее эффективным представляется маршрут: Иркутск — Чита — Забайкальск — Харбин — Далянь — Пекин, Пьентек (Pyeongtaek) — Сеул.

В период после 2010 г. будет происходить интенсивное наращивание поставок газа с о-ва Сахалин. На первом этапе не интегрированные в восточносибирскую систему газообеспечения проекты поставок газа с месторождений шельфа о-ва Сахалин должны обеспечивать газификацию Сахалинской области и Хабаровского края, экспортные поставки в АТР. Будут реализованы газопроводные проекты: 1) Северный Сахалин — Южный Сахалин со строительством на юге острова завода по сжижению газа и терминалов по отгрузке СПГ, 2) Комсомольск-на-Амуре — Хабаровск — Владивосток (в настоящее время введен в эксплуатацию участок Комсомольск-на-Амуре — Хабаровск) со строительством отвода на Китай в районе Дальнереченска и терминала СПГ в Находке. В районе Хабаровска этот газопровод будет соединен с системой газопроводов Восточная Сибирь — Дальний Восток.

В перспективе через территорию Восточной Сибири и Дальнего Востока в Японию, Корею, северо-восточные районы Китая, западные районы США могут быть организованы поставки газа из Западной Сибири с отгрузкой СПГ в портах Тихого океана. Экспорт СПГ из месторождений Ямало-Ненецкого автономного округа может проводиться с использованием Северного морского пути.

Еще один важный проект по выходу на энергетические рынки АТР, выдвинутый президентом России, — газопровод “Алтай”, предполагающий крупномасштабные поставки западносибирского газа в западные районы Китая. Поставки трубопроводного газа в Синьцзян-Уйгурский автономный район могут осуществляться уже с 2012—2015 гг. через территорию Алтайского края и Республики Алтай с подключением к транскитайскому газопроводу Запад — Восток. Это предполагает строительство магистрального газопровода в транспортном коридоре “ЯНАО (КС Пурпейская) — Сургут — Кузбасс — Алтай — Китай”. Протяженность трассы до границы с КНР составляет около 2670 км, диаметр трубы — 1420 мм. Впервые этот вариант трассы магистрального газопровода для поставок западносибирского газа в южные районы Сибири и на экспорт в Китай был предложен СО РАН в 1998 г. (академик А.Э. Конторович) в исследовании, проведенном по заказу ОАО “Газпром”, как альтернатива предлагавшемуся тогдашним руководством концерна труднореализуемому северному маршруту “СРТО — Подкаменная Тунгуска — Дальний Восток — Китай”.

Принципиальные условия создания новых крупных центров НГК на востоке России и организации экспорта в страны АТР. Поскольку подавляющее большинство месторождений углеводородов Восточной Сибири нефтегазовые, осваивать ресурсы нефти и газа нужно в рамках единой национальной Программы, предусматривающей развитие глубокой переработки углеводородного сырья, формирование нефте- и газохимических производств, создание гелиевой промышленности.

Целесообразность комплексного освоения нефтяных и газовых запасов и ресурсов обусловлена:

- территориальным распределением и качеством (включая особый состав газов) сырьевой базы;

- высокой капиталоемкостью, социальной и геополитической значимостью проектов;
- размещением центров переработки и потребления, включая внешние рынки;
- необходимостью создания единой транспортной инфраструктуры.

Нужен единый, системно организованный национальный проект формирования Восточно-Сибирского нефтегазового комплекса на основе взаимодействия государства, регионов и бизнеса. Для сбалансированного развития нефтегазового комплекса Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия) требуется:

- одновременное и согласованное развитие систем транспорта — как нефти, так и газа;
- развитие транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры;
- развитие газоперерабатывающей и гелиевой промышленности;
- строительство хранилищ гелиевого концентрата, продуктопроводов и пр.;
- развитие газохимических производств, обеспечивающих крупномасштабный выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью.

Поскольку крупнейшие российские ВИНК позиционируются как транснациональные структурно и территориально диверсифицированные компании важно сформулировать общие принципы внешнеэкономического сотрудничества в газовой сфере. Эти принципы должны быть едины для всех российских компаний, ведущих внешнеэкономическую деятельность в сегменте газового бизнеса. Анализ международных процессов в сфере энергетики, ситуации в газовой промышленности России и стран АТР позволяет определить следующие основные принципы переговорной позиции России по экспорту газа в страны в АТР, прежде всего, в Китай:

1) При формировании экспортных поставок сетевого газа целесообразно организовать максимальное технологически обоснованное и экономически эффективное извлечение из него на российской территории всех ценных и потенциально ценных компонентов, включая этановую и пропан-бутановую фракции, гелия и других элементов в соответствии с их концентрацией.

2) Цены поставок сетевого природного газа в Китай и другие страны АТР должны соответствовать ценам европейского рынка либо несколько превышать их с учетом более высокой стоимости альтернативных поставок СПГ. При наличии единого экспортного канала для поставок газа, добываемого на российской территории, необходима координация сбытовой политики с поставщиками газа из других регионов мира, особенно с компаниями, имеющими производственные активы и экономические интересы в России.

3) При обосновании маршрутов транспорта газа необходимо отдавать приоритет социально-экономическому развитию российских ресурсных и транзитных территорий, газификации восточных регионов России.

4) Целесообразно прямое участие российских компаний — ОАО «Газпром», НК «Роснефть» — в развитии инфраструктуры транспортировки, хранения, распределения и использования газа на территории стран АТР, в первую очередь — КНР, Монголии, КНДР, Республики Корея, Индии, Японии.

5) Необходимо обеспечить политическую и дипломатическую поддержку участия российских компаний в создании либо приобретении объектов добычи газа и газообеспечения в странах — потенциальных потребителях российского сырья, продуктов газопереработки и нефтехимии.

Газовая промышленность России — важнейшая составляющая экономики страны, значимый элемент международной системы энергообеспечения. Наша страна располагает крупнейшими в мире ресурсами и запасами газа, является его самым крупным производителем и экспортером. В этих условиях определение направлений и приоритетов государственного регулирования развития газового комплекса связано с экономической политикой и энергетической дипломатией.

При принятии крупных хозяйственных решений по организации экспорта газа в АТР, обеспечении деятельности российских компаний в энергетической сфере стран региона, необходима единая для всех хозяйственных субъектов, научно обоснованная, в том числе переговорная позиция.

Выполнение российскими компаниями, прежде всего, «Газпромом» набора принципиальных и количественных условий по добыче, переработке и поставкам газа, включая объемы, сроки и цены, на традиционные и новые рынки, с учетом возможностей развития газовой промышленности России, анализа и прогноза ситуации в странах — реципиентах, позволит обеспечить энергетическую безопасность страны, реализовать коммерческие и геополитические интересы России в АТР.

Инновации в транспортной отрасли КНР

© 2008

С. Кузнецов

Начиная со второй половины XIX в., в Китае последовательно формировалась разветвленная транспортная сеть, в основном в приморских районах, где были сосредоточены основные объекты иностранных инвестиций. Важнейшую роль в международной торговле издавна играл и Великий Шелковый путь. Развитие национальной транспортной системы КНР также формируется в рамках трансконтинентальной евразийской парадигмы. Отсюда — акцент на централизованное финансирование государством железнодорожного и автомобильного транспорта, занимающих по объемам грузооборота 3/4 всех грузоперевозок внутри страны¹.

В перспективе железнодорожный транспорт будет по-прежнему играть определяющую роль в перевозках грузов на дальние расстояния по всей территории Китая. Однако при значительной протяженности железных дорог (в эксплуатации — более 70 тыс. км), плотность железнодорожной сети в КНР намного ниже, чем в США или, скажем, Индии. Среди грузов, перевозимых по железной дороге, заметно преобладает уголь, меньшие объемы составляют стройматериалы, руды, нефть и нефтепродукты. Наиболее напряженно функционируют железные дороги восточной, прибрежной части Китая. Максимальная интенсивность грузоперевозок наблюдается между Пекином и Шанхаем, Тяньцзинем и Шанхаем, Пекином и Гуанчжоу.

Быстро растет торговый флот. В структуре морских перевозок КНР представлены универсальные, комбинированные суда, сухогрузы, танкеры. Увеличивается удельный вес контейнеровозов, ролкеров. Динамично растет грузооборот основных китайских морских портов, превысивший к настоящему времени 1,5 млрд т. На внешнеторговые операции ориентированы свыше 110 портов Китая, но 3/4 внешнеторговых грузов проходит через восемь ведущих портов (Шанхай, Циньхуандао, Гуанчжоу, Нинбо, Далянь, Тяньцзинь, Циндао, Чжэньцзян).

Весьма важен для КНР и речной транспорт, которым осуществляются перевозки грузов в широтном направлении. Наиболее интенсивные транспортные потоки наблюдаются по реке Янцзы через крупные порты — Шанхай, Нанкин, Ухань, Чунцин. Среди заметных водных путей в Китае можно назвать древний Великий канал протяженностью около 2000 км, связывающий Пекин и Ханчжоу. Важную роль в КНР играет автомобильный транспорт, особенно в отдаленных и труднодоступных районах, в приморских провинциях. В последнее время в прибрежных районах сооружены скоростные магистральные шоссе международного класса, позволяющие осуществлять интермодальные перевозки. Логистика внутри КНР во многом обеспечивается за счет тесного взаимодействия речного, железнодорожного и автомобильного транспорта. Существенный

вес в общенациональной транспортной системе начинает приобретать авиационный транспорт.

В деле формирования железнодорожных сообщений Китай имеет достижения, *возвышающиеся* (в буквальном смысле слова) над мировым уровнем: недавно вступившая в строй Цинхай-Тибетская железная дорога — самая высокогорная в мире. Один из ее участков — протяженностью 960 км — проложен на высоте более 4 тыс. м над уровнем моря, причем наивысшая его точка проходит через отметку 5072 м, что выше вершины Мон-Блана (!). Магистраль частично проходит через высокогорную тундру, через территорию с крайне хрупкой экосистемой и высокой степенью подвижности земной коры. Строительство потребовало серьезных затрат и научных исследований. Инвестиции превысили 38 млрд юаней. Общая протяженность трассы, прокладывавшейся в основном параллельно Цинхай-Тибетскому шоссе — 1956 км. Ее участок Синин — Голмуд (в пров. Цинхай) был сдан в эксплуатацию в 1984 г. В июне 2001 г. началось строительство участка Голмуд — Лхаса (1142 км). 2 июля 2006 г. в Лхасу прибыл 1-й пассажирский поезд из Пекина².

Налицо несомненное достижение, что, однако, ни в коей мере не умаляет значимость инноваций на транспорте КНР, включая расширение транспортной сети, кардинальное совершенствование инфраструктуры, повышение технической оснащенности подвижного состава.

После азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг. в КНР приступили к созданию национальной системы по управлению научно-техническим прогрессом (НТП). Первоочередное внимание было уделено внедрению системообразующих инноваций в транспортную отрасль. В рамках внешнеполитической стратегии постоянно предпринимались попытки стимулировать прямые инвестиции в технологическое обновление инфраструктуры различных видов транспорта. Такой подход был вынужденным, поскольку при отсутствии способности Китая выработать собственный инновационный потенциал его правительству приходилось искать ответы на нарастающие глобальные технократические вызовы, опираясь исключительно на поддержку из-за рубежа. В рассматриваемый период по данному поводу появилось несколько подробно докладов небезызвестной РЭНД Корпорэйшн, в которых впервые отмечалось появление в КНР исследовательской группы, состоящей из авторитетных в данной области “хуацяо”, занятых разработкой китайской национальной инновационной системы, охватывающей прежде всего инфраструктурные отрасли.

Ситуация в сфере транспорта становится для Китая все более критической, что сегодня особенно хорошо заметно по решениям высшего руководства КНР в разы увеличить финансирование технологической модернизации транспортной инфраструктуры в северо-восточных и западных районах страны. Китай все настойчивее посылает сигналы инновационным секторам зарубежных стран. Однако российская деловая элита до сих пор избегает обсуждения четких технологических приоритетов России в Китае, игнорирует модернизацию советского промышленного наследия (прежде всего, на северо-востоке КНР). Тем не менее, российский венчурный капитал в КНР постепенно консолидируется и уже можно отметить весьма важную, а главное, устойчивую тенденцию, когда китайский малый и средний инновационный бизнес начинает налаживать формализованные технологические связи с российскими отраслевыми лидерами.

Курс на модернизацию национальной экономики проходил в КНР до последнего времени под знаком стремительного наращивания экспортного промышленного потенциала на базе создания в приморских районах элементарных сборочных производств. Сегодня китайское руководство всерьез озабочено перево-

дом народного хозяйства на перспективные инновационные рельсы. В Пекине об этом много говорят, но складывается ощущение, что пока у властей нет окончательной ясности с выработкой реальной инновационной стратегии. Изучая зарубежный опыт управления венчурным бизнесом, правительство КНР все больше склоняется к сингапурской модели, формируя на ее основе в многочисленных китайских свободных экономических зонах отдельные детали будущего национального инновационного механизма.

Сегодня в КНР проще получить государственное финансирование на доводку любого сколько-нибудь привлекательного технологического проекта, даже если речь идет о суммах в миллионы долларов. В последнее время у китайских властей возникла совершенно новая проблема — некоторые получатели господдержки в свободных экономических зонах используют бюджетные деньги не по назначению, приобретая на них дорогое зарубежное комплектное оборудование для организации сборочного производства примитивного ширпотреба на экспорт. В лексиконе специалистов по подобным “инновационным проектам” даже появился особый термин, характеризующий такое производство как “работу по сборке несуществующего автомобиля из несуществующих комплектующих в отсутствие какого бы то ни было будущего водителя”.

Упомянутая тенденция во многом обусловлена сложной проблемой выбора инновационной модели, вставшей перед китайским руководством в связи с присоединением страны к Всемирной торговой организации (ВТО). Заявив стратегический курс на построение “экономики знаний”, власти КНР вынуждены были ради поддержания стабильности развития встать на путь ускоренного создания своеобразного “инновационного ядра”, вокруг которого предполагалось образовать гибкую систему, способную улавливать сигналы мирового инновационного рынка. В условиях отсутствия четко обоснованных технологических приоритетов китайское государство стало замещать собой необходимую в подобных случаях инициативность местного бизнеса, стараясь взять на себя решение задач по развитию научно-технической инфраструктуры в форме смешанных бюджетных средств государственно-частных компаний. Особенно много пришлось вкладывать на лицензионное приобретение технологий для национальных корпораций, работающих в сферах энергетики и транспорта, а также для средних и малых предприятий, действующих на уровне первого и второго промышленного переделов³.

Приступив к созданию собственного “инновационного ядра”, китайское правительство за последние 4 года потратило несколько миллиардов долл. лишь на общее, по сути дела “косметическое”, обновление технологий. Было приобретено более 400 международных патентов, обеспечивающих права использования новейших иностранных научно-технических разработок в области создания скоростного железнодорожного транспорта. В различных районах КНР известным зарубежным машиностроительным концернам китайское правительство специальными постановлениями разрешило участвовать в деятельности крупных совместных предприятий, ранее относившихся к военно-промышленному комплексу. Ряд китайских венчурных фирм, зарегистрированных в Гонконге, стали выкупать контрольные пакеты акций высокотехнологичных компаний, осуществлявших выпуск специальной продукции на рынках США, Канады, Австралии, Турции и Израиля. Особое внимание уделялось альтернативной энергетике железнодорожного базирования, с высоким индексом технологической популярности.

Вызывает интерес деятельность крупнейшего китайского производителя телекоммуникационной аппаратуры, компании “Хуавэй”. Базируясь в Шэньчжэне, она заключила долгосрочные соглашения о совместной инновационной де-

тельности не только с ведущими вузами КНР (Пекинским госуниверситетом, университетом "Цинхуа"), но и создала исследовательские центры при университетах в США, Германии, Бразилии, Индии. В ближайших планах руководства "Хуавэй" открыть подобные центры в России (Калининград), Белоруссии и на Украине. Примеру "Хуавэй" уже следуют другие китайские венчурные предприятия, нацелившиеся на значительные инвестиции за рубежом, особенно в сфере водородных технологий и топливных элементов, и ориентирующиеся на создание научного и технологического потенциала по ключевым, прорывным направлениям энергетики будущего. Финансируя деятельность подобных венчурных фирм из бюджета, китайское правительство ставит перед собой задачу исследовать, разработать и выбрать конкурентоспособные технологии, необходимые для массового производства эффективных топливных элементов, передвижных энергетических установок космического, железнодорожного и морского базирования, портативных источников питания, а также дешевых способов производства, хранения, аккумуляирования и распределения водорода.

На основе приобретенного в различных странах опыта китайские венчурные фирмы отказались от первоначальной ставки на целевое массивное финансирование государственных научно-исследовательских институтов. Постепенно пришло понимание того, что новые прорывные технологии создают отдельные лица, а не научные учреждения. В результате целевого поиска и привлечения к сотрудничеству высоких профессионалов некоторые китайские корпорации уже официально объявили об успешном завершении разработок проектов новых энергетических установок на топливных элементах для электро- и теплоснабжения различных объектов городской и даже железнодорожной инфраструктуры, нефтегазового комплекса, транспортной сферы, а также для систем автономно распределенного энергоснабжения.

По сообщениям некоторых правительственных изданий КНР, растет число инновационных предложений со стороны крупных западных корпораций для транспортной отрасли на уровне местной экономики⁴. Только рынок модернизации железнодорожных локомотивов составит в ближайшие 10 лет более чем 20 млрд долл. В первую очередь речь идет об обновлении дизельных установок для тепловозов, тяговых двигателей для электровозов и электрификации сети основных магистралей, связывающих Китай в широтном и меридиональном направлениях. Пока китайское транспортное машиностроение не выдерживает конкуренции не только с постиндустриальными странами, но и с отдельными производителями оборудования на постсоветском пространстве. Это объясняется тем, что сегодня крупные предприятия в КНР постепенно приближаются к среднеевропейскому уровню оплаты труда рабочих, стоимости сырья и материалов, но существенно отстают по уровню прикладных научных исследований и конструкторских разработок. Последнее является одной из ключевых причин сохранения слабой конкурентоспособности китайского транспортного машиностроения, когда более низкая цена произведенного комплектного оборудования заведомо не сопровождается сопоставимым со среднеевропейским уровнем качества.

Опыт сегодняшнего Китая представляет собой пример государственно-частного сотрудничества при формировании элементов национальной инновационной системы. В рамках тесной кооперации между государственными и корпоративными структурами осуществляется относительно успешная попытка создать в масштабах всей страны крупное специализированное наукоемкое производство современной энергетической и транспортной техники. Уникальной спецификой организации китайского транспортного машиностроения является его глубоко заложенная "советская технологическая философия". Она состоит пре-

жде всего в том, что привилегированные позиции на профильных заводах занимают собственные конструкторские бюро, в которых сложились устойчивые инженерные и научные школы. В КНР подобную систему удалось не только сохранить, но и существенно развить, что привело китайское правительство к необходимости жесткой консолидации всех доказавших свое право на существование коллективов в масштабах единой транспортной отрасли.

Указанная консолидация послужила основой для тесного творческого взаимодействия между государством и крупными промышленными компаниями с преобладанием национального частного капитала. В короткие сроки при технологическом содействии канадского транснационального концерна “Бомбардь” на действующих предприятиях в Чэнду и Чанчуне было начато серийное производство современных магистральных электровозов и пассажирских вагонов для поездов дальнего следования и метро. Примечательная особенность проектов — то, что эти китайские предприятия в свое время были построены и оснащены советскими специалистами Новочеркасского электровозостроительного и Калининского вагоноремонтного заводов. Этому примеру следуют и другие предприятия китайского транспортного машиностроения, оснащая свои производства новейшим зарубежным комплектным оборудованием и привлекая передовой инновационный опыт для реализации собственных технологических разработок международного уровня.

В последние несколько лет китайское правительство ежегодно тратит на техническое перевооружение и НИОКР транспортной отрасли экономики КНР примерно один млрд долл. Сейчас это в основном бюджетные средства, которые позволяют поддерживать лишь текущий уровень конкурентоспособности выпускаемой техники примерно до 2010 г. Но руководству Китая понятно, что такого бюджета явно недостаточно для удержания требуемого технологического уровня и устойчивой конкурентоспособности отрасли в целом после 2010 г. Стратегические НИОКР в западных странах, по данным самих же китайских источников, финансируются в следующей пропорции: 30% за счет госбюджета и 70% за счет привлеченных частных инвестиций. В США государственные инвестиции в НИОКР частных компаний составляли в 1998—1999 гг. 31% от ВВП, или 71 млрд долл., в Японии — 18%, или 16 млрд долл., во Франции — 40%, или 11 млрд долл., в Италии — 51%, или 6,6 млрд долл.⁵

В транспортном машиностроении промышленно развитых стран за счет государственных капиталовложений (прямых и косвенных) реализуется большинство крупных национальных инновационных проектов. Наглядный пример: осуществляемая в США с 1992 г. программа отработки перспективных технологий в области создания современных дизельных двигателей для тепловозов, обеспечивающих КПД до 60% с минимальным экологическим выбросом. В рамках этой программы фирма General Electric получила от Министерства экономики США на НИОКР по данному направлению более 100 млн долл. Совершенно очевидно, что даже крупный бизнес в постиндустриальных странах сам по себе не способен стать локомотивом инновационного роста экономики. Нигде и никогда без активного участия государства инновационные прорывы не осуществлялись. То, что сегодня делают США, Евросоюз и Япония, больше всего похоже на симулирование инновационного процесса. Вместо решения острых проблем, создающих “абсолютную угрозу” земной цивилизации, повсеместно предлагаются маловразумительные технологические коридоры в экологической, транспортной, энерго- и ресурсосберегающих областях, согласованные местными политическими и технократическими элитами с крупными национальными отраслевыми лидерами. Государство просто внимательно прислушивается к хорошо про-

плаченному “объективному” мнению экспертов системообразующих транснациональных корпораций (ТНК). В этой связи, прежде чем приступить к окончательному формулированию собственной национальной инновационной стратегии, правительство КНР, очевидно, решило тщательно изучить внутренний и внешний отраслевой инновационный спрос, делая специальный акцент на исследование потребностей со стороны именно отраслевых ТНК⁶.

Сингапурская модель инновационного бизнеса предполагает именно такой методологический подход к построению национальной инновационной системы (отдавая приоритет смешанным государственно-частным корпорациям). На начальном этапе функционирования национальной инновационной системы крайне важно объективно оценить, какие технологии нереально купить у основных мировых конкурентов, а также, с какими издержками их возможно разработать в условиях существующей (зачастую заметно отставшей) производственной базы. В правительстве КНР понимают, что современный китайский бизнес вряд ли удовлетворится нынешней политикой выращивания “инновационных оазисов” («инкубаторов») на китайской территории. Кроме того, он вряд ли будет в восторге от полной либерализации инфраструктурных отраслей национальной экономики перед лицом надвигающейся инновационной экспансии из-за рубежа. Вместе с тем, жесткие протекционистские действия государства в отношении национальной инновационной системы, скорее всего, встретят понимание и поддержку со стороны китайских отраслевых элит. Нет сомнения, что у них уже есть полный список технологических проблем, которые за бюджетные деньги нужно решать уже сегодня, не дожидаясь прихода более “мудрого иностранного инноватора”⁷.

Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао следующим образом охарактеризовал ситуацию: “В некоторых районах страны местные власти пошли по самому простому пути, реализуя программы по сохранению темпов экономического роста. Они занялись незаконными реквизициями сельскохозяйственных земель без соответствующих компенсаций и утвержденных планов переселения крестьян. Вместо того, чтобы создавать условия для прихода в аграрный сектор национальной экономики современных технологий, повышающих уровень производства, ряд руководителей, напротив, создал здесь серьезную нестабильность, тем самым нанеся значительный ущерб ключевой отрасли народного хозяйства Китая”⁸. По оценкам зарубежных экспертов, 80% незаконных реквизиций земель сельскохозяйственного назначения в КНР пришлось за последние годы прежде всего на масштабные проекты, связанные с созданием локальной транспортной инфраструктуры.

Характерное явление: практически полная закрытость информации по совершенным сделкам. В Китае оказались побиты все мыслимые и немыслимые рекорды по засекречиванию цены произведенных капиталовложений. Например, в 2005 г. при проведении тендера на реконструкцию железной дороги от Шэньчжэня до Гуанчжоу конкурировали два инвестиционных фонда из Сянган, каждый из которых пытался перебить цену конкурента. В результате оценка названного инновационного проекта и сумма сделки возросли почти вдвое по сравнению со стартовым уровнем. Однако местные власти, проводившие тендер, попали под подозрение центрального правительства, отменившего названный конкурс.

Нежелание правительства КНР рисковать на ранней фазе формирования инфраструктурных инновационных проектов во многом связано с боязнью утратить последующий контроль за функционированием базовых отраслей. Такой подход зачастую приводит к вымыванию с китайского рынка конкурентоспособных зарубежных компаний и обеспечивает незаслуженные преимущества местным фирмам, не обладающим достаточным инновационным потенциалом и не

способным обеспечить необходимый технологический прорыв в ключевых отраслях народного хозяйства Китая. Как утверждают международные эксперты, низкое качество инвестиций в инновационном секторе в ближайшие 2-3 года резко ухудшит ситуацию с внедрением наукоемких технологий, а значит, заметно затормозит модернизацию существующей устаревшей инфраструктуры. Особенно негативно подобные административные барьеры скажутся на перетекании (*spin off*) результатов НИОКР из оборонной сферы в традиционное гражданское машиностроение. Последнее, как считают в Пекине, может повлечь нежелательную консервацию устаревших технологий, а главное, способно на многие годы притормозить широкое инновационное обновление массовых видов производства.

Средний годовой оборот китайских компаний, занятых в транспортном бизнесе, не превышает 8 млн долл., при этом у них практически нет серьезного потенциала быстрого роста капитализации. Согласно классическому определению венчурности (рисковости), принятому, например, в Сингапуре, инвестиции в инновационную составляющую стандартного транспортного предприятия должны давать не менее 60% прироста капитализации за первые три года работы на основе новых технологий⁹. Отсутствие внятной национальной инновационной системы в КНР приводит к тому, что годовые темпы капиталовложений в транспортную отрасль росли в последнее время значительно медленнее, чем инвестиции в глобально ориентированную отрасль оффшорного программирования. Открытие более подробной информации о складывающейся ситуации способно побудить зарубежных разработчиков необходимых Китаю высоких технологий запрашивать совершенно нереальные суммы, в результате чего многие действующие в КНР инвестиционные фонды, испытав дефицит возможностей, вынуждаются переориентировать свои инновационные программы с транспорта на более привлекательные сектора экономики.

В конце 2005 г. на китайском рынке появилось три сингапурских инвестиционных фонда, ориентирующихся, в частности, на финансирование инновационных проектов в инфраструктурных отраслях экономики КНР. Некоторые специализированные издания в Сянгане уже сообщают, что упомянутые фонды намереваются приобрести доли в китайских акционерных компаниях, подключенных правительством Китая к модернизации ряда морских портов в юго-восточной части страны, а также к участию в строительных работах по реализации национальной комплексной программы развития в широтном и меридиональном направлениях железнодорожной транспортной сети на западе КНР. Эти инвестиционные фонды позиционируют себя в своих проспектах как "фонды особо рискованных инвестиций".

Возможность создания надежного механизма обеспечения административных гарантий для венчурных вложений отечественным инвесторам обсуждается в правительстве КНР уже несколько лет, но пока безрезультатно. Большинство иностранных экспертов объясняет сложившуюся ситуацию отсутствием у китайских властей вызревшей решимости ясно заявить о готовности приступить к внедрению в повседневную практику норм и принципов национальной инновационной системы¹⁰.

Вместе с тем, некоторые явные признаки инвестиционного бума в транспортной отрасли экономики КНР были уже налицо во второй половине 2005 г. В тот период резко возрос спрос на интермодальные перевозки внутри Китая как в широтном, так и меридиональном направлениях. Ориентируясь на благоприятно складывающуюся конъюнктуру транспортного рынка, крупнейший гонконгский инвестор Ли Кайшен приступил к реализации проекта модернизации одного из крупнейших в мире Шанхайского порта, рассчитывая при этом увеличить собст-

венную долю в его акционерном капитале с 25% до 49%. Для Ли Кайшена эффективный контроль над Шанхайским портом, судя по всему, является лишь начальной стадией реализации более масштабной идеи по созданию скоростной транскитайской железнодорожной магистрали от Шанхая в северо-западном направлении до Урумчи. Активно участвуя в таком национальном инновационном проекте, Ли Кайшен имеет все шансы стать ведущей фигурой формирующегося общекитайского инновационного рынка и для начала получить под свой непосредственный контроль значительную часть бюджетных средств (около 40 млрд долл.), запланированных правительством КНР для создания современной транспортной инфраструктуры в центральных и западных районах страны.

Систематическое венчурное инвестирование в инновации существует в Китае уже несколько лет, но только с 2004 г. занятые в этом бизнесе корпорации стали готовить первые размещения IPO. Это связано с благоприятным инвестиционным климатом на растущем китайском фондовом рынке, а также с заметным увеличением интереса местных и зарубежных инвесторов к технологическому сектору народного хозяйства КНР. Согласно существующему международному прогнозу, именно китайские транспортные компании станут в обозримой перспективе основными претендентами на размещение своих IPO на ведущих биржах мира. Средняя капитализация названных компаний составляет на сегодня от 650 до 780 млн долл. Это свидетельствует об их значительной недооцененности, поскольку, имея огромный пакет стабильных заказов на транспортные услуги, располагая универсальной логистической сетью и системной интеграцией управления бизнесом, названные компании, войдя помимо прочего в будущую китайскую национальную инновационную программу, получат реальный шанс превратиться в крупнейшие ТНК глобального масштаба.

Генеральное развитие транспортной отрасли КНР происходит сегодня в направлении широкого внедрения таких инновационных технологий, как интермодальные (смешанные, с участием различных видов транспорта) международные грузоперевозки, чему способствует повсеместное применение внутри страны контейнеров международного стандарта ISO. В Китае углубляется специализация различных видов транспорта, диверсифицируется грузооборот. За счет электрификации основных железнодорожных магистралей резко нарастают скорости движения товарных и пассажирских поездов. Усиливается роль транспортных услуг в обеспечении высокой эффективности и конкурентоспособности китайского экспорта. Вместе с тем, они постепенно становятся важнейшим для КНР самостоятельным источником валютных поступлений. Последовательное увеличение инновационной и технологической составляющих в транспортной отрасли неуклонно способствует сжатию издержек производства и снижению цен на экспортируемые товары. С начала XX в. транспортные и другие коммуникационные тарифы снизились на китайской территории в сопоставимых ценах более чем в 12 раз.

Накануне сессии ВСНП 2005 г. в правительстве КНР был проведен анализ эффективности различных направлений работы по развитию инноваций в транспортной отрасли. По мнению авторов упомянутого аналитического документа, заметным стимулом для увеличения инвестиций в инновационные проекты, связанные с транспортом, могло бы стать сокращение чрезмерного регулирования китайского транспортного рынка и снижение ограничений для иностранных капиталовложений в отрасль, что позволило бы развивать трансграничный обмен необходимыми знаниями. В обозримом будущем предусматривалось последовательное расширение партнерства между государством и бизнесом в интересах содействия инновационному процессу, в том числе в транспортном секторе экономики КНР¹¹.

Отдельным направлением китайской инновационной политики была названа регионализация научно-технической деятельности. Унитарная модель управления народным хозяйством в Китае сковывает творческий потенциал исследователей на местах. В то же время возникла и другая, прямо противоположная проблема, которую можно охарактеризовать как отсутствие необходимой межотраслевой координации, что затрудняет выработку согласованной национальной научно-технической и инновационной политики, реализуемой на территории всей страны.

Анализ сильных и слабых сторон планируемой национальной инновационной системы в условиях кардинальных глобальных изменений позволил китайскому правительству сформулировать основополагающие принципы, обозначившие путь оптимизации инновационной политики на основе имеющегося практического опыта других постиндустриальных государств, и прежде всего Сингапура. Министерство науки и технологий КНР разработало и представило руководству страны концепцию построения национальной инновационной системы, реализовать которую планируется на основе конкретных государственных приоритетов, а также в ответ на нарастающие глобальные вызовы Китаю со стороны постиндустриального Запада¹².

В 2001 г. КНР была признана страной-наблюдателем в Комитете ОЭСР по научно-технологической политике. В его рамках КНР особое внимание уделила Рабочей группе по технологической и инновационной политике в сфере транспорта. Китайское руководство поставило своим представителям задачу изучить возможные направления и уже имеющийся позитивный и негативный опыт инновационной модернизации на транспорте в странах ОЭСР, основываясь при этом на новом понимании инновационного процесса, как правило, не укладывающегося в формат традиционной линейной модели и в большей степени ориентированного на интерактивную модель. Было установлено, что действующая сегодня линейная модель инновационного процесса в транспортной отрасли характеризуется исключительным упором на роль НИОКР и отношением к окружающему рынку лишь как к потребителю услуг разнообразных видов транспорта. Приходящая на смену этому интерактивная модель инновационного процесса на транспорте характеризуется прежде всего упором на практическое соотнесение в постоянно действующем режиме реальных технологических возможностей в отрасли с такими же реальными потребностями рынка¹³.

Ныне Рабочая группа становится важным механизмом выработки практических рекомендаций, помогающих странам-участникам определять свою инновационную политику в транспортной сфере и строить свои программы, исходя из нового понимания сущности отраслевых инновационных процессов и их ключевой роли в глобальном экономическом развитии. Разработки ОЭСР стали основой текущего проекта в Китае, имеющего своей главной целью прояснение вопроса, насколько способны инновации на китайском транспорте увеличить его производительность, и какие политические решения нужны, чтобы национальная транспортная система стала в существующих институциональных рамках адекватной сегодняшним темпам экономического роста в КНР. Деятельность по реализации данного проекта организована по двум направлениям: внимательно изучаются приоритетные вопросы управления инновациями в транспортной отрасли в целом, а также анализируются приоритетные направления инновационной политики в рамках отдельных видов транспорта. Проект объединяет все экономические районы Китая, включая Сянганский и Аомэньский особые административные районы. Примечательно, что проект предусматривает даже такую гипотетическую программу как: "преодоление возможных трудностей в случае транспортного взаимодействия между материком и Тайванем, поскольку в этом

случае придется в полной мере учитывать существенную разнородность состава населения, влияние на процесс заинтересованных групп, существующие различия в тактике деятельности институтов управления, полное отсутствие на сегодняшний день необходимой сопряженности институциональных ресурсов и механизмов, ориентированных на развитие долгосрочной стратегии качественного роста общей транспортной системы в обозримой перспективе¹⁴.

Китайское правительство решительно настроено при проведении инновационной политики в транспортной отрасли на привлечение максимально возможного международного опыта и знаний, применяя для этого нестандартные стратегические подходы, осуществляя повсеместный мониторинг эффективности создаваемой инновационной системы, четко распределяя структурные полномочия, совершенствуя инструментарий объективной оценки проводимых реформ, создавая максимально благоприятные условия для прагматического взаимодействия государственного и частного секторов. На текущем этапе особенно остро стоит задача формирования механизмов оценки общей эффективности избранного курса инновационной политики на транспорте, а также определение адекватных инструментов для привлечения в транспортную отрасль Китая прямых инвестиций как со стороны национальных коммерческих структур, так и со стороны консервативных инвесторов из-за рубежа¹⁵. Последнее решается в рамках скоординированных усилий КНР и ОЭСР по линии текущего сотрудничества в сфере транспорта и регулируется бюджетом ОЭСР на 2005—2006 гг., предусматривающим выделение крупных средств на решение таких вопросов, как введение экологического мониторинга на китайском транспорте, устойчивое развитие транспортной сети в удаленных районах КНР, защита на территории Китая международных прав на интеллектуальную собственность в сфере транспорта, унификация исследовательских баз данных в транспортном машиностроении, включая независимый государственный контроль за транспортной статистикой и системой финансовых индикаторов для отслеживания ее объективности. Программы перечисленных работ реализуются посредством регулярного проведения многосторонних экспертных встреч, подготовкой аналитических обзоров, а также осуществления межстрановых проектов, нацеленных на выявление наилучшей практики управления инновационным процессом в транспортной отрасли. Международная деятельность КНР по линии ОЭСР в 2005—2006 гг. была ориентирована прежде всего на активное сотрудничество в сфере транспортных инноваций с такими странами, как Сингапур, Россия, Германия, Израиль и ЮАР¹⁶.

В Китае ясно осознают, что обеспечение эффективности управления в области научных исследований есть непростая задача, требующая тщательного учета целей и интересов различных заинтересованных сторон: государства (стремящегося к контролю и прозрачности в вопросах финансирования научных разработок), научного сообщества (стремящегося к максимальному качеству и определенной автономности), а также промышленных кругов, заинтересованных в практической направленности, быстром внедрении и юридически защищенном, широко использовании результатов ведущихся НИОКР. В связи с этим правительство КНР в свое время приняло инициативное предложение правительства Сингапура о проведении осенью 2006 г. в Пекине представительного международного семинара по оценке качества и эффективности в инновационной сфере. По итогам его Рабочая группа ОЭСР по управлению и финансированию исследовательских институтов (SFRI) определила приоритетные направления работ в сфере инноваций для Китая. Со своей стороны Китай наметил для себя очередные направления взаимодействия с ОЭСР, ориентируясь прежде всего на конкретное и плодотворное инновационное сотрудничество с этой меж-

дународной организацией¹⁷. При поддержке США, отвечающих за разработку рекомендаций по оптимизации национальной политики на транспорте, КНР рассчитывает получить готовый механизм реализации сингапурской инновационной модели применительно к нуждам китайской транспортной отрасли. Финляндия, взявшая на себя роль руководителя международного проекта по подготовке кадров для транспорта, уже получила запрос от правительства Китая с пожеланием учесть в запланированных мероприятиях тематику, ориентированную на нужды подготовки и переподготовки женского персонала, работающего в инновационно значимых подразделениях транспортных предприятий. К Японии, получившей в управление весьма крупный проект по повышению привлекательности к исследованиям и стимулированию интереса к научной карьере в транспортной отрасли, КНР обратилась с предложением принять на стационарное обучение и краткосрочные профессиональные стажировки несколько десятков молодых специалистов из ее провинциальных транспортных вузов. Все выше перечисленные отраслевые проекты расцениваются в Китае как хороший дополнительный шанс наладить тесное международное сотрудничество с постиндустриальными странами, продвинутыми в области инноваций на транспорте и связанных с ним секторах национальной экономики.

1. Мишарин А.С., Лapidус Б.М. Железные дороги России: от реформы к реформе. М.: Транспорт, 2005. С. 239—240.
2. По сообщениям агентства Синьхуа от 7 авг. 2004 г. и 1 июля 2006 г., Китайского информационного Интернет-центра (china.org.cn) от 15 июля 2005 г.; веб-сайта «Жэньминь жибао» от 13 декабря 2002 г. (на англ. яз.).
3. Cheng Y.R., Xiao Geng. Global Capital Flows and the Position of China: Structural and Institutional Factors and Their Implications. Asian Development Bank Inst., 2002. P.81.
4. Чжэн Синьли. Чэншихуа бу нэн чанци чжихоу юй гунъехуа [Урбанизация не может долго отставать от индустриализации] // Чжунго цзинци шибао, 2003. 16 сентября.
5. Hu Angong. Zhongguo: xin fazhanguan [Китай: новый взгляд на развитие]. Hanzhou: Zhejiangrenmin chubanshe. 2004. P.10.
6. OECD, China in the World Economy: The Domestic Policy Challenges. Paris, 2002.
7. Ма Кай. Чжунго чжуаньбянь цзинци цзинчжан фанши юэцзи [Смена модели экономического роста в Китае действительно необходима] // Жэньминь Ван. 2004. 22 марта.
8. Medeiros E.S. Chasing the Dragon: Assessing China's System of Export Controls for WMD-Related Goods and Technologies. Rand Corporation. 2005. P. 95.
9. Кузнецов С. В. Сингапурская инновационная модель в экономике КНР // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. М., ИДВ РАН. 2004. С. 153.
10. China Business Weekly. 2005. 21-27 Oct. P. 3.
11. Economist. 2005. P.77. 20 Nov.
12. Кузнецов С. В. Концепция национальной инновационной системы КНР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., ИДВ РАН. 2005. С. 155.
13. Zhongguo Gungye Jingji. 2001. No.3. P. 60.
14. Taiwan Journal. 2004. Dec 3. P. 5.
15. Кузнецов С. В. Роль иностранного капитала в инновационном развитии инфраструктурных отраслей экономики КНР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., ИДВ РАН. 2006. С. 223.
16. The Financial Times. 2005. 8 May.
17. China Daily. 2004. 13 Oct.

Российско-южнокорейское экономическое сотрудничество: перспективы и ограничения

© 2008

Хон Ван Сок, Г. Белокурова

Политическое взаимодействие между РФ и РК и его влияние на экономическое сотрудничество

Значительное влияние на российско-южнокорейское сотрудничество оказывает геополитическая ситуация на Корейском полуострове. РК во внешней политике часто вынуждена проводить компромиссную линию, постоянно находясь под давлением со стороны администрации США, а длительная история противостояния между США и СССР в СВА до сих пор воздействует на отношения между Россией и Южной Кореей.

А.Н. Ланьков еще 10 лет назад отмечал, что в ближайшей перспективе ожидать серьезных прорывов в российско-корейских отношениях не приходится. Это связано прежде всего с неопределенностью вокруг Северной Кореи¹. Директор исследовательских программ Центра изучения современной Кореи при ИМЭМО РАН Георгий Толорая также считает, "что в российско-корейских отношениях так и не сложилось полное взаимопонимание"². В.В. Михеев³ полагает, что Кремль продолжает рассматривать Северную Корею и корейскую ситуацию в контексте глобальных отношений с США и Китаем. Константин Асмолов⁴ отмечает, что "отношение Южной Кореи к России можно назвать словом "тревожность". Присутствие на границах большой державы с относительно неясными целями порождает подсознательный страх агрессии".

Мнения южнокорейских ученых относительно развития российско-южнокорейских отношений также противоречивы. Один из авторов настоящей работы⁵ считает, что российско-южнокорейские отношения в их современном виде вышли на более зрелую стадию развития, однако, потенциал сотрудничества еще далеко не реализован. К негативным факторам, воздействующим на двустороннее сотрудничество, некоторые южнокорейские эксперты относят: (1) взаимное разочарование⁶, возникшее в результате нереалистичных ожиданий обеих сторон; (2) разно-

Хон Ван Сок, профессор университета иностранных языков Ханкук, Сеул, Республика Корея

Белокурова Галина, научный сотрудник ИДВ РАН, преподаватель университета Чосон, Кванчжу, Республика Корея

This research was supported by a grant from HUIFS BRICs Center of Metropolitan University Specializing Program 2006 funded by Ministry of Education and Human Resource Development of Korea.

плановость и разномасштабность геостратегических ориентиров, при которой Россия выстраивает свою политику, исходя из более глобальных, чем у Южной Кореи, представлений о собственной роли в мировой политике; (3) несоответствие внешнеполитических целей двух стран, при котором Россия была заинтересована в привлечении южнокорейского капитала, тогда как РК со своей стороны больше беспокоилась о получении стратегического преимущества над Северной Кореей; (4) и сохраняющийся военный альянс РК с США. К позитивным факторам можно отнести: (1) отсутствие негативного исторического опыта в двусторонних отношениях; (2) поддержку Россией идеи объединения Корейского полуострова; (3) взаимодополняемость интересов двух стран в региональной дипломатии; (4) привлекательность объемного российского рынка для корейских товаров.

Мировое экспертное сообщество в целом⁷ (за исключением российских и южнокорейских ученых, которые, по понятным причинам, более заинтересованы в подробном анализе этой проблематики) редко затрагивает вопросы российско-южнокорейского двустороннего сотрудничества в своих исследованиях. Чаще всего это случается при анализе перспектив многосторонней торгово-экономической интеграции в СВА⁸ и при рассмотрении ситуации вокруг Северной Кореи. Во всех остальных случаях двусторонние связи между нашими странами не рассматриваются как имеющие значительный вес в структуре международных отношений.

Так, Гилберт Розман отмечает, что в конце 1980-х гг. российская политическая элита видела развитие восточно-азиатского регионализма в целом, и российско-южнокорейских отношений в частности, в абсолютно нереалистичном свете⁹. Впрочем, южнокорейская сторона также считала, что этот вектор внешней политики больше важен как средство укрепления национальной идентичности через преодоление чрезмерной зависимости от США и выражение недовольства в отношении планов региональной интеграции, выдвигаемых Токио. Впрочем, к середине 1990-х гг. торговля между РФ и РК начала активно развиваться: уже в 1995 г. объем торговли между РФ и РК стал больше, чем между Россией и Японией¹⁰. Южнокорейский бизнес оставался вовлеченным в различные локальные проекты, в особенности на российском Дальнем Востоке. Однако ни один из них не получал существенного развития в течение длительного времени. Только после 2003 г. начался прогресс: под Москвой в 2006 г. был открыт большой завод компании "LG", закончивается стройка отеля "LOTTE" в столице.

С политической точки зрения, российско-южнокорейские отношения продолжают оставаться в тени американско-южнокорейского военного альянса. Как отмечает Селли Харрисон, директор Азиатской программы Центра международной политики, старший научный сотрудник Международного научного центра имени Вудро Вильсона в Вашингтоне, "фундаментальной причиной тревоги Южной Кореи в связи с перспективой разрыва союза с США <является то, что> американское военное присутствие и приверженность союзническим отношениям обеспечивают... крупные экономические субсидии Югу... <Это дает> возможность оттянуть момент, когда надо будет сделать нелегкий выбор относительно того, с какой скоростью и как далеко продвигаться к национальному воссоединению"¹¹.

Таким образом, неопределенность и сложный внешний контекст политического взаимодействия пока являются скорее препятствием для развития экономического сотрудничества, особенно когда речь заходит о работе над масштабными инфраструктурными проектами.

Сравнительный анализ макроэкономических тенденций в экономиках РК и РФ.

Торговое, и в особенности инвестиционное, сотрудничество между любыми двумя странами определяется следующими факторами: 1) наличием объемного потребительского рынка, по крайней мере в одной из стран, а сбалансированная торговля предполагает растущий потребительский спрос в обеих государствах в сочетании с его неоднородностью по структуре; 2) присутствием стабильной и хорошо функционирующей финансовой системы; 3) разнонаправленной специализацией промышленности двух стран и/или развитием межстранового разделения труда через механизм прямых иностранных инвестиций; 4) наличием дополнительных доходов от экспорта на другие рынки.

Россия — это страна с растущим дефицитом квалифицированной рабочей силы, стареющей инфраструктурой, наличием собственного капитала и богатых природных ресурсов. Южная Корея же обладает излишком капитала, более высоким уровнем развития технологий и практически полным отсутствием собственного сырья. Наиболее перспективным, таким образом, остается простое торговое взаимодействие: продажа природных ресурсов из России в Южную Корею, так как технологический трансферт сталкивается с протекционистскими устремлениями обеих сторон.

Макроэкономическая ситуация в России в 2006—2007 гг.¹²

Экономическая ситуация в России является одним из ключевых факторов, влияющих на российско-южнокорейские торгово-экономические отношения. В 2006 г. в экономике России наблюдалось несколько важных тенденций, способствующих росту двусторонней торговли. К ним следует отнести увеличение капитализации российского внутреннего рынка, расширение потребительского кредитования, устойчивый рост спроса на товары из Южной Кореи среди российского населения, развитие рынка ценных бумаг, значительный приток прямых инвестиций из других стран, способствующий установлению благоприятного инвестиционного климата. Все эти факторы, однако, останутся актуальными только в среднесрочной перспективе, так как за импорт из Южной Кореи российские предприятия расплачиваются доходами от сырьевого экспорта, рост которых зависит от мировой конъюнктуры, а параллельное восстановление отечественного производства наблюдается только в некоторых секторах, обслуживающих внутренний рынок.

Прирост ВВП РФ в 2006 г. по данным Росстата составил 6,7%. Основными источниками роста стали как доходы от экспорта энергоносителей, так и внутренний спрос. В 2006 г. быстро рос объем потребительского кредитования (59%), способствовавший поддержанию и усилению потребительского бума. Во втором полугодии 2006 г. резко увеличился приток в Россию прямых и портфельных иностранных инвестиций. По итогам года частный сектор впервые оказался чистым импортером капитала, ввезя 41 млрд долл. Деньги, пришедшие из-за рубежа, способствовали быстрому развитию финансовых рынков. С помощью IPO было привлечено, по разным оценкам, от 17 до 19 млрд долл., так что Россия вышла по этому показателю на почетное четвертое место в мире после Китая, США и Великобритании. 22 млрд долл. было выплачено досрочно по долгам перед странами Парижского клуба, включая "премию" за досрочное погашение в

размере 1 млрд долл., резервы Банка России выросли еще на 76 млрд долл. Общая сумма золотовалютных резервов денежных властей РФ увеличилась за год на 121 млрд долл. и достигла к концу года 295 млрд долл.¹³, к 1 июня 2007 г. — 400 млрд долл. Россия вышла по этому показателю на третье место в мире после Китая и Японии.

Насколько хватит запаса макроэкономической стабильности? Российская экономика сильно зависит от притока экспортной выручки, получаемой в результате продажи энергоносителей за рубеж. Экспорт на 65% состоит из углеводородов¹⁴. Несмотря на благоприятную внешнюю конъюнктуру, темпы роста ВВП России в 2005—2006 гг. несколько снизились по сравнению с 2003—2004 гг. Свою роль здесь сыграли как обострившиеся инфраструктурные ограничения роста, так и низкий уровень технологической конкурентоспособности экономики, особенно ее обрабатывающих секторов. Кроме того, сверхдоходы от нефти почти на треть (а теперь и более чем наполовину) уходили из экономики и накапливались в Стабилизационном фонде¹⁵.

Темпы роста экспорта из России постепенно снижаются. Объемы добычи сырья сокращаются за счет производственных и правовых трудностей: недополучения нефтяной ренты добывающими компаниями; продолжающимися претензиями со стороны государственных органов в отношении некоторых нефтяных холдингов; неэффективной деятельности “Газпрома” в производственной сфере; наметившемуся переходу к экспорту нефтепродуктов.

Перспективы развития российской экономики оцениваются по-разному. Министр экономического развития и торговли Герман Греф дает очень оптимистичные прогнозы (рост ВВП на 6,5%). МВФ, напротив, понизило свой прогноз по росту экономики России на 2007 г. с 6,5% до 6,4%. В 2008 г., считают в фонде, он составит 5,9%¹⁶. Экономисты Института экономического прогнозирования при издательском доме “Economist” (Economic Intelligence Unit) придерживаются еще более консервативных позиций (см. табл. 2). Их оценка ВВП России на 2008 г. совпадает с взглядами экспертов МВФ, а в 2011 г. они прогнозируют снижение роста ВВП РФ до 4,3%.

Несмотря на столь противоречивые взгляды, в России отмечается приток инвестиций, главным образом за счет зарубежных заимствований российских банков и компаний. По данным ЦБ на 1 января 2006 г. внешний долг составлял 257,2 млрд долл., к началу же этого года он вырос до 309,7 млрд. При этом задолженность государства сократилась с 71,1 до 45,1 млрд долл. Основной прирост внешних задолженностей пришелся на частный сектор. Большинство компаний, которые занимали за рубежом значительные суммы, имеют тесную связь с государством, и это вызывает глубокую озабоченность многих российских экспертов¹⁷. В случае банкротства какой-либо госкорпорации долговое бремя ляжет на налогоплательщиков или повлечет выплаты из стабилизационного фонда¹⁸. Имеет место, однако, и прямо противоположное мнение¹⁹ о том, что при положительной динамике в российской экономике предпосылок для таких глобальных потрясений не существует²⁰.

По прогнозам министра финансов РФ Алексея Кудрина, приток прямых иностранных инвестиций продолжится, и в 2008 г. он может составить 25 млрд долл.²¹ Как было заявлено во время Санкт-Петербургского экономического форума, в 2020 г. Россия войдет в первую пятерку стран по объему ВВП, а валовой внутренний продукт в расчете на “среднего” гражданина составит 30 тыс. долл. в ценах 2005 г. Россия займет первое место в мире по 4—6 позициям, касающимся

высокотехнологичного производства, а доля нашей страны в мировом объеме Hi-Tec будет примерно 5—10%. Этими отраслями могут быть ядерная энергетика, судостроение, авиапром, космическая отрасль, программное обеспечение, нанотехнологии. При этом, по мнению С. Иванова, выступавшего от имени российского правительства на Санкт-Петербургском экономическом форуме, Россия достигнет таких параметров вовсе не за счет усиления роли государства²². Несмотря на столь оптимистичные оценки, механизм преодоления инфраструктурных, институциональных и демографических ограничений роста пока остается неясным.

Таблица 1.

Прогноз основных экономических показателей России на 2006 — 2011 годы

Основные экономические показатели	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Рост ВВП (%)	6,7	6,5	5,9	4,8	4,5	4,3
Инфляция потребительских цен (%)	9,7	7,6	7,7	7,4	7,1	6,5
Бюджет, баланс (% ВВП)	7,4	2,4	0,2	0,0	0,0	0,0
Баланс счета текущих операций (% ВВП)	9,6	7,6	5,1	3,1	2,3	1,2
Ставка рефинансирования ЦБ РФ (%)	11,0	10,5	10,0	9,0	8,0	7,5
Обменный курс рубль доллар (усредненный)	27,2	26,1	25,9	26,4	27,2	27,8
Обменный курс рубль /евро (усредненный)	34,1	35,5	35,8	34,7	34,7	35,0

По версии Economic Intelligence Unit.

ВВП России растет высокими темпами в значительной степени за счет ускорения роста в тех отраслях, которые ориентированы на внутренний рынок, но не конкурируют с импортом (строительство, торговля, финансы). А вот развитие промышленности, особенно ее обрабатывающего сегмента, тормозится укреплением рубля. Говорить об инвестиционном буме пока рано. Во-первых, в России не так много по-настоящему крупных компаний. Если РАО ЕЭС или РЖД, или Газпром по каким-то причинам сократят объем своих инвестиционных проектов, это заметно скажется на общероссийском объеме инвестиций. Во-вторых, в России существует диспропорция между получаемыми прибылями и инвестициями в основной капитал. Прибыль продолжает концентрироваться в трех секторах российской экономики — в энергетическом секторе (добыче, транспортировке и переработке энергоносителей), в обрабатывающих производствах промежуточного и инвестиционного спроса и в торговле. На их долю по итогам трех кварталов 2005—2006 гг. приходилось 77—78% прибыли российской экономики. Вместе с тем их доля в объеме всех инвестиций в основной капитал вдвое меньше — 40—44%. Поэтому в 2007—2009 гг. вполне возможно замедление роста инвестиций²³. На росте инвестиций негативно сказывается и продолжающийся демографический кризис.

Большинство инвесторов, в том числе и из Южной Кореи, оценивают перспективы инвестиционного бума в России позитивно, однако, не исключают при этом, что экономический рост в РФ может оказаться нестабильным в случае падения мировых цен на нефть²⁴.

Макроэкономическая ситуация в Южной Корее в 2006—2007 гг.

В соответствии с прогнозом Института экономических исследований компании LG²⁵ прирост ВВП РК в 2007 г. может составить около 4,2%. В 2006 г. рост

ВВП составил 5% — лучше, чем ожидалось. Факторами риска для долгосрочного развития южнокорейской экономики являются ситуация вокруг КНДР и неопределенность во внутренней политике: на декабрь 2007 г. назначены всеобщие президентские выборы в РК. Основным двигателем южнокорейской экономики остается производство телекоммуникационного оборудования и автомобилей.

Продолжающийся рост новых развивающихся рынков таких стран, как Бразилия, Россия, Индия и Китай — это отличная возможность для южнокорейских компаний диверсифицировать экспорт своей продукции.

В 2006 г. РК экспортировала товаров на общую сумму в 300 млрд долл. Исследователь Института экономического анализа компании “Самсунг” Ким Дык Кап²⁶, например, считает, что сохранение динамичного роста экспорта, несмотря на негативные внешние факторы, говорит о необычайной устойчивости южнокорейских производителей. Это связано с влиянием Азиатского валютно-финансового кризиса. Оптимизация производственных процессов и механизмов управления и контроля привела к повышению общей конкурентоспособности. Успешной оказалась и стратегия диверсификации экспорта, сопровождавшаяся выходом южнокорейских компаний на развивающиеся рынки. Статистика свидетельствует о том, что торговля с традиционными партнерами переживает спад. Ее доля сократилась до 34% в 2006 г. по сравнению с 50% от общего объема в 2000 г. Доля экспорта, приходящаяся на новые развивающиеся рынки, наоборот, превысила 50% от общего объема в 2006 г., тогда как всего несколько лет назад этот показатель составлял всего 36%. Такая стратегия помогает стабилизировать экспорт из РК.

Четвертого января 2007 г. правительство РК опубликовало программу развития экономики страны на следующий год²⁷. В число проблем, которые надо решать, входят необходимость стабилизации рынка недвижимости, а также управление рисками, связанными с ростом курса корейской воны. Правительство РК пытается упорядочить правовое пространство, повысить прозрачность рынка корпоративного контроля и конкурентоспособность сектора услуг. Ожидается, что рост ВВП РК в 2007 г. может составить около 4,5%, объем потребительских расходов возрастет на 4%, а инвестиции в основной капитал увеличатся на 6,5%. Кроме того, будет создано около 300 тысяч новых рабочих мест, и профицит платежного баланса страны составит не менее 1 млрд долл.²⁸

Сравнительный анализ макроэкономической ситуации в России и Республике Корея свидетельствует как о наличии фундаментальных условий для развития двусторонней торговли и инвестиций, так и о присутствии фундаментальных проблем.

Потребительский бум в России набирает обороты, создавая условия для роста импорта из РК. Негативной стороной этого процесса является то, что обе стороны испытывают давление роста курса национальной валюты по отношению к доллару, способного подорвать конкурентоспособность национальной промышленности. И если для Южной Кореи существует возможность вывода производства в страны с более дешевой рабочей силой, для России это означает продолжение стагнации в производственной сфере, снижение доходов населения в долгосрочной перспективе и, как следствие, снижение заинтересованности в импорте. Возможность наращивания импорта энергоносителей из РФ в РК также несет в себе положительный потенциал, однако, только при условии перехода к более стабильному и долгосрочному сотрудничеству.

Таблица 2.

Прогноз основных экономических показателей Южной Кореи на 2006 — 2011 гг.

Основные экономические показатели	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Рост ВВП (%)	5,0	4,2	4,9	4,0	3,8	3,8
Инфляция потребительских цен (%)	2,2	2,4	2,5	2,3	2,4	2,2
Бюджет, баланс (% ВВП)	0,4	0,2	0,5	0,8	0,7	0,7
Баланс счета текущих операций (% ВВП)	0,7	0,4	-0,9	-1,5	-1,9	-2,2
Процентные ставки по коммерческим кредитам (%)	6,0	6,0	5,8	5,7	5,6	5,5
Обменный курс вона/доллар (усредненный)	954,8	917,0	863,0	815,0	780,0	750,0
Обменный курс вона/100 иен (усредненный)	821,5	791,5	825,8	844,6	834,2	817,1

Состояние российско-южнокорейской торговли и инвестиций

В последнее время российско-южнокорейское экономическое сотрудничество переживает период стабилизации и постепенного роста²⁹. Начиная с 1999 г. отмечается ежегодное устойчивое увеличение двустороннего товарооборота. За последние 5 лет он возрос в 2,7 раза и в 2005 г. достиг 7,8 млрд долл., а в 2006 г. — 9,75 млрд долл. США.

Торговые связи между двумя странами стали активно развиваться после установления дипломатических отношений. Можно выделить несколько периодов: 1992—1995 гг., 1996—1998 гг., 1999—2004 гг., 2005—2006 гг.

В первые годы (до 1996 г.) у российской стороны не было в распоряжении достаточных финансовых ресурсов: отсутствовала одна из предпосылок успешного развития двусторонней торговли — наличие растущего потребительского спроса в стране. Капитализация российского потребительского рынка оставалась небольшой достаточно долгое время. Именно поэтому в этот период торговый баланс складывался в пользу России, хотя абсолютное значение товарооборота и оставалось незначительным. В 1996 г. Южная Корея впервые экспортировала в Россию больше, чем импортировала. Это было связано с ростом реального обменного курса рубля, которое было вызвано ограничительной кредитно-денежной политикой, проводимой в соответствии с рекомендациями экспертов Международного валютного фонда. Эта тенденция сохранялась до конца 1998 г., за исключением трех месяцев, последовавших сразу после резкого обесценивания корейской войны во время Азиатского финансового кризиса. В 1999 г. торговый баланс снова стал положительным для российской стороны: начал чувствоваться эффект резкого обесценивания рубля в октябре 1998 г. В 1999—2004 гг. экспорт из России стабильно превышал импорт в Россию из Республики Корея. Ситуация стала меняться в 2005 г. рост российского экспорта в РК заметно замедлился, а в 2006 г. импорт из Южной Кореи снова превысил экспорт в эту страну. Так как в этот период курсы и рубля, и корейской воны по отношению к доллару США стабильно росли, можно заключить, что рост рубля опережал удорожание воны. В целом, однако, двусторонний товарооборот еще далек от своего предельного значения.

Южнокорейские и российские компании продолжают проявлять заметную осторожность в вопросах инвестирования в России и РК³⁰.

Таблица 3

Инвестиционное сотрудничество между РФ и РК (млн долл.)

	Россия	Республика Корея
Инвестиции из Кореи (реальные)	277,3 (184 проекта, 0,45% от общей суммы)	-
Инвестиции из Кореи (заявленные)	537,1	-
Инвестиции из России	-	18.4 (252 проекта)

Перспективными сферами и направлениями российско-южнокорейского сотрудничества на ближайшие годы являются: машиностроение, промышленные технологии, создание новых материалов, автомобилестроение, химическая и нефтехимическая промышленность, энергетика и природные ресурсы, транспорт, рыболовство³¹.

Энергетика и природные ресурсы

Российско-южнокорейское сотрудничество в области разработки и добычи полезных ископаемых выглядит наиболее перспективным. РК потребляет около 10% поступающей на мировой рынок нефти³².

С. Суслина³³ отмечает, что “в Сеуле в принципе заинтересованы в импорте российских энергоносителей. По экономическим соображениям (главным образом транспортная составляющая цены) это относится в первую очередь к газу, несколько в меньшей мере — к сырой нефти, тогда как уголь, электроэнергия пока выглядят гораздо менее “проходными” товарами... При этом они осознают наличие острой конкуренции на этот счет со стороны более мощных потребителей нефти и газа, Японии и Китая, и вынуждены занимать пока в основном выжидательную позицию”.

Заинтересованность Южной Кореи в российских ресурсах нашла отражение и в институциональном оформлении двустороннего сотрудничества. В ходе российско-корейского саммита в Москве в сентябре 2004 г. подписан пакет инвестиционных соглашений на сумму около 4 млрд долл. США, включившего проект строительства нефтеперерабатывающего комплекса в Татарстане (ОАО “Татнефть” — “Эл Джи Инжиниринг энд Констракшн”), модернизацию Хабаровского нефтеперерабатывающего завода (“Альянс” — “Самсунг”), разработку двух нефтеблоков на Камчатке и Сахалине. Корейская сторона также заинтересована в разработке Западно-Камчатского шельфа Охотского моря. 21 сентября подписан Меморандум о взаимопонимании между компаниями “Роснефть” и KNOC³⁴.

Развивается совместное сотрудничество в области разведки и добычи полезных ископаемых. Как сообщили 31 мая 2007 г. в KNOC, консорциум, состоящий из ряда компаний Южной Кореи и российской “Роснефти”, обнаружил очень крупное месторождение нефти на шельфе у западного побережья полуострова Камчатка. Запасы нефти в этом месторождении оцениваются в 10,3 млрд баррелей, чего хватило бы, чтобы обеспечивать экономику Южной Кореи на протяжении целого десятилетия. С южнокорейской стороны в консорциум входят Корейская национальная нефтяная корпорация, которой принадлежат 20% акций, а также корпорации GS-Caltex, SK, Daewoo International,

Kumho Petrochemical и Hyundai, которые в сумме владеют еще 20% совместного предприятия. Оставшиеся 60% акций приходятся на “Роснефть”³⁵.

Весной 2006 г. Россия приняла решение о строительстве нефтепровода протяженностью 4200 км Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО) по маршруту Тайшет (Иркутская область) — Сковородино (Амурская область) — бухта Перевозная (Приморский край) мощностью до 80 млн тонн нефти в год. На пути реализации этого проекта, однако, могут встать серьезные препятствия, такие как недостаточность существующих разведанных запасов углеводородов для обеспечения поставок на рынки Восточной Азии³⁶.

Вопросы разработки газовых месторождений и реализации проектов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, в том числе Ковыктинского, зависят от Программы создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Пока российские власти больше обеспокоены отзывом лицензии на разработку этого месторождения у компании ТНК-ВР³⁷. Тем не менее, перспективы остаются. По подсчетам специалистов, к 2020 г. на страны АТР будет приходиться около четверти экспорта российского природного газа против сегодняшних 5%.

В газовой сфере положение пока менее благоприятное. В ноябре 2005 г. во время саммита АТЭС в Пусане (Республика Корея), российская экономическая дипломатия потерпела серьезную неудачу. Корейская сторона отказалась от уже подготовленного проекта соглашения о сотрудничестве в газовой отрасли, которое предусматривало строительство Транскорейского газопровода³⁸. Согласно стратегии развития газификации Дальнего Востока из 106,4 млрд куб. м газа, добываемого на Ковыктинском месторождении и ряде других месторождений региона, 33,8 млрд куб. м должно потребляться в Восточной Сибири и Дальнем Востоке, 25,6 млрд куб. м передаваться в Единую газопроводную систему, а 47 млрд куб. м экспортироваться в страны АТР. Провал российской инициативы обусловлен двумя причинами. Во-первых, несоответствие инициативы сложившемуся положению в энергетике РК. Трудно было ожидать от руководства РК резких изменений в энергетическом секторе ради принятия российского плана. Во-вторых, решающим обстоятельством стала политика ОАО “Газпром” и его конфликт с Украиной, что вызвало, скорее всего, сильные опасения корейской стороны в своей энергетической безопасности в случае реализации этого проекта. Скорее всего, он реализован не будет.

Автомобилестроение

Взаимодействие в автомобилестроении приобретает все больший удельный вес в российско-южнокорейском промышленном сотрудничестве в целом. Перспективность этого направления определяется заинтересованностью российских автомобилестроительных компаний (“Автотор”, “Донинвест”, “КАМАЗ”, “Ижмаш” и др.) в развитии производственной кооперации и поставок отдельных автокомпонентов. Совместно с фирмами “Хендэ Мотор”, “Киа Моторз” в Таганроге и Калининграде, освоено сборочное производство легковых автомобилей. Российская сторона предлагает также создание совместных центров сервисного обслуживания. Весьма актуальным остается вопрос о привлечении корейских автомобилестроительных компаний к развитию российской автомобилестроительной промышленности, путем создания производственных мощно-

стей на Дальнем Востоке. Пока, однако, южнокорейские инвесторы не проявляют к этому особого интереса. Как было отмечено ранее, для развития межстранового разделения труда необходима взаимодополняемость факторов производства. В этом отношении Дальний Восток представляет собой наименее благоприятную локальность для успешного развития сотрудничества. На этой территории живет менее 4% населения России, самые квалифицированные кадры, в большинстве своем, уже перебрались в Европейскую часть страны, изношенность инфраструктуры близка к катастрофической³⁹.

Транспорт

16—18 марта 2006 г. во Владивостоке состоялась трехсторонняя встреча представителей транспортных и железнодорожных ведомств России, КНДР, Республики Корея и конференция с участием представителей крупных транспортных компаний и грузоотправителей РК, Японии и Германии с организацией демонстрационной поездки по Транссибу.

Роальд Савельев⁴⁰ отмечает, что “из всех известных масштабных корейско-российских проектов, о которых было объявлено в прошлом или которые обсуждаются сейчас, проект соединения железных дорог остается наиболее реальным и взаимовыгодным для его участников”. Однако не удастся решить вопросы политического характера и определиться с загрузкой магистрали грузами. “В РК сложилось влиятельное лобби, представляющее интересы владельцев судоводных компаний и судостроителей. Они без энтузиазма воспринимают разговоры о железнодорожном проекте и хотели бы пресечь любые попытки посягнуть на их монопольное право рулить южнокорейскими грузовыми потоками, отправляемым за границу, и импортными грузами, поступающими в страну”⁴¹.

Впрочем, по мнению некоторых экспертов, с идеей нового азиатско-европейского трансконтинентального транспортного коридора Россия сегодня “сильно запаздывает”. Торговые и финансовые потоки могут пойти и по другому руслу, в обход. Международный транспортный коридор ТРАСЕКА, так называемый “Великий шелковый Трансказахстанский путь”, уже официально признан 14 государствами как один из естественных транзитных мостов между Европой и Азией. В нем задействованы железные дороги Грузии, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана, Киргизии, Казахстана, Китая, а также китайские порты на тихоокеанском побережье. Создание Трансказахстанской железнодорожной магистрали, которая соединит страны Юго-Восточной Азии с Европой, ослабит позиции России, лишит ее глобальных инвестиций. Поэтому вопрос номер один для России и ее азиатских партнеров — способность в скорейшие сроки создать альтернативный, наиболее простой и экономичный транспортный коридор.

Следует отметить и важность политического фактора в развитии российско-корейских транспортных проектов. А.З. Жебин отмечает, что “действия США, вознамерившихся любой ценой сменить режим в Пхеньяне, уже привели к откладыванию работ по соединению корейских железных дорог с Транссибом. Пытаясь расправиться с КНДР, американцы попутно стремятся сорвать и реализацию указанных проектов. При этом решается сразу несколько задач — сохранение ориентации поставок Россией углеводородного сырья на рынки Запада и во все больше возрастающей степени — США, блокирование социально-экономического развития нашего Дальнего Востока и его экономической интеграции в АТР, то есть недопущение усиления позиций России на Тихом океане”⁴². Для

преодоления все возрастающего недоверия российская и южнокорейская стороны должны максимально эффективно координировать совместные усилия.

Итак, анализ экономической структуры двух стран показывает, что взаимодополняемость российской и южнокорейской экономик будет наблюдаться только в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

1. Ланьков А., Северная Корея: вчера и сегодня. М.: Наука, 1995 (с поправками).
2. Толорая Г., Отношения России с РК: как их активизировать? (подготовлено для ИМЭМО РАН, август 2001 г.
3. Михеев В. Выступление на конференции в Московском центре Карнеги, 29 апреля 2004 г.
4. Асмолов К. Основные проблемы российско-корейских взаимоотношений с точки зрения теории конфликтологии (выступление на совместной конференции ученых центра исследований АТР университета Ханъян и Института Дальнего Востока РАН). Цит. по: Сеульский Вестник. 2004. No 87.
5. Хон Ван Сок. Поиск новых возможностей в российско-корейских отношениях в XXI веке: вызовы и шансы (рукопись?).
6. Ким Ю Нам. Самокритика о корейско-российских отношений и их завтрашнем дне // Дипломатия. 1988. No 47, 1998. С. 61.
7. За исключением собственно российских и южнокорейских ученых, которые, по понятным причинам, более заинтересованы в подробном анализе этой проблематики.
8. Rozman G., Northeast Asia's Stunted Regionalism: Bilateral distrust in the Shadow of Globalization. Cambridge University Press. 2004; Buszynski L., Russia and Northeast Asia: Aspirations and Reality // The Pacific Review. 2000. Vol. 13 No. 3: P. 399—420.
9. Rozman G. Northeast Asia's Stunted Regionalism: Bilateral distrust in the Shadow of Globalization. Cambridge University Press. 2004. P. 69--70.
10. I Yun. Hanguk gwa Roshia kan muyok oe tukjing gwa chonmang. Seoul: KIEP, 2002.
11. Харрисон С. Но Му Хен выстраивает баланс национальных приоритетов и военного союза с США // Korea Policy Review. 2006. Febr.
12. Центр развития. Ежемесячный обзор экономики России. -- <http://www.dcenter.ru>.
13. По данным Росстата — 304 млрд долл. Мы придерживаемся более консервативной оценки Economic Intelligence Unit.
14. Economic Intelligence Unit, 2007. — www.eiu.com.
15. Российская газета. 2007. 23 марта.
16. Российская газета. 2007. 13 апр.
17. Интервью с Олегом Замулиным, профессором Российской экономической школы // Российская газета. 2007. 13 апр.
18. Новые известия. 2007. 3 апр.
19. Интервью с Игорем Беляковым, аналитиком Экономической экспертной группы // Новые известия. 2007. 3 апреля.
20. Ibid.
21. Российское Агентство международной информации “Новости”, 7 июня 2006 г.
22. Российская газета. 2007. 11 июня.
23. Центр развития. Ежемесячный обзор экономики России. -- <http://www.dcenter.ru>.
24. Южнокорейские эксперты вполне разделяют эту точку зрения. Так, этого мнения придерживаются Ко Че Хо, специалист экспертной группы “Суын”, а также О Сын Гу и Ким Кен Вон, специалисты по России Института экономических исследований компании “Самсунг”.
25. Korea Economic Research Institute (по сообщению KBS Radio, 09.01.2007).
26. Интервью на KBS Radio от 09.01.2007.
27. По материалам Русской службы KBS Co за 9 января 2007 года (www.kbs.co.kr) и публикациям в газетах “Korea Herald” и “Korea Times” за 2006 — 2007 гг.; Korea Herald. 2007. 5 янв.

28. www.kbs.co.kr.
29. Использованы данные Министерства экономического развития и торговли России за 2006 год. — www.economy.gov.ru, а также материалы www.kita.co.kr.
30. Данные Минэкономразвития РФ.
31. Там же.
32. South Korea energy report. Enerdata, France. 2006. August.
33. *Суслина С.* Перспективы российско-южнокорейского энергетического сотрудничества в XXI веке. Доклад на конференции “Россия и Корейский полуостров: в поисках путей к сосуществованию в XXI веке”, 29 июля 2004 г., Моск. Центр Карнеги. См. также: Белокурова Г.В. Энергетическая безопасность РК. Доклад на семинаре “Энергетическая безопасность США (Япония и Южная Корея), май 2004 г., Моск. Центр Карнеги (в рамках программы “Азиатская безопасность”).
34. Корейская национальная нефтяная корпорация.
35. Сеульский вестник. 2007. 31 мая.
36. “ИА Регнум”, 15 мая 2007 года, Трутнев Ю. Работы по освоению месторождений Восточной Сибири отстают от плана. — www.regnum.ru/news/827906.html; РИА “Сибирь”, “Нефтепровод Восточная Сибирь — Тихий океан к 2014 году будет обеспечен на 50% поставками компании “Роснефть”, Москва, 16 мая 2007 года.
37. BP's Russian venture makes F J3.3bn profit. RBK daily 13/06/2007. -- www.rbcdaily.ru
38. *Верхотуров Д.* Российская энергетическая политика на Корейском полуострове // Сеульский вестник. 2006. No 103, апрель-май.
39. *Бойко И.* Есть ли будущее у российского Дальнего Востока? . -- www.opes.ru, 19 мая, 2004 г. *Дробышева И.* Звезда Приморья. 2006. 26 марта.
40. Выступление Роальда Савельева на конференции “Россия и Корейский полуостров: в поисках путей к сосуществованию в XXI веке”, 29 июля 2004 г., Моск. Центр Карнеги.
41. Ibid.
42. *Жебин А.З.* Момент истины на Корейском полуострове // Независимая газета. 2006. 13 нояб.

Общество

Станет ли "зеленой" Олимпиада в Пекине?

© 2008

Е. Бирюлин

Крупнейшим политическим и организационным мероприятием нынешнего года, к которому готовится весь Китай, является Олимпиада-2008, на организацию которой планируется затратить 37 млрд долл. США. Стратегический план Игр состоит в том, чтобы намного и во всех отношениях превзойти все предыдущие олимпийские соревнования. Предполагаемый бюджет Олимпиады более чем втрое превосходит затраты на проведение игр в Афинах. Китайские СМИ отмечают, что Олимпиада в Пекине станет "огромной уникальной «сценой» познания Китая, «окном» для понимания миром традиционной и современной китайской культуры"¹.

Успешное проведение Игр явится дополнительным стимулом для целого ряда секторов китайской экономики, в первую очередь — сферы туризма. При этом Китай имеет хорошие шансы сохранить привлекательность в этом отношении на протяжении последующих 10 лет. Такое мнение высказал исполнительный директор Ассоциации по изучению экономических проблем пекинской олимпиады Чэнь Цзянь. Согласно его подсчету, в 2008 г. число туристов в Пекине достигнет 4,5 млн чел., а объем инвалютной выручки от туризма составит почти 5 млрд долл. США. Кроме того, в нынешнем году Пекин и близлежащие города примут более 100 млн китайских туристов и выручат за счет них более 140 млрд юаней².

Руководители ряда крупных транснациональных компаний выступили с заявлениями о важности пекинской Олимпиады. Президент корпорации "Фудзицу" Харухито Такэда намерен пригласить клиентов 500 крупнейших корпораций мира в Китай для посещения Олимпийских игр и знакомства с динамичным ростом китайской экономики. Вице-президент компании "Проктер энд Гэмбл" Кристофер Дэсси подчеркнул, что Китай обращает все больше внимания на проблему защиты окружающей среды, поэтому в интересах всех стран мира — всемерно поддержать будущие Игры, которые укрепят политику КНР, направленную на охрану природы. Начальник отдела общественных связей администрации корпорации "Нестле" Сунь Ли отметила, что проведение Олимпиады в Пекине даст возможность развивать передовые экологические технологии производства многих товаров, прежде всего пищевых³.

В середине декабря 2007 г. вице-премьер Государственного Совета КНР У И в ходе встречи с президентом Всемирного банка Робертом Зелликом высоко

оценила результаты сотрудничества Китая со Всемирным банком и выразила признательность за поддержку с его стороны в том числе и мер, направленных на улучшение экологической ситуации в КНР.

В ответ Зеллик подчеркнул, что Всемирный банк стремится укреплять партнерство с Китаем в природоохранной области и готов предоставить значительные средства в целях улучшения экологической ситуации в стране. Важную роль в этом призвана сыграть предстоящая Олимпиада⁴.

Особенностью пекинских Игр является официальное утверждение трех стратегических ориентиров этого всемирного мероприятия, самым важным из которых стала цель проведения «зеленой» (или экологичной) Олимпиады». На экологическое обеспечение Игр была выделена небывалая по размерам сумма — 12 млрд долл. США. Практически все связанные с Олимпиадой мероприятия так или иначе было решено сориентировать на цели охраны природы и, прежде всего, естественной или рукотворной флоры.

Два других стратегических ориентира Олимпиады в конечном счете взаимосвязаны и имеют определяющее значение на новом этапе модернизации КНР. Ориентация, помимо экологичности, на проведение «высокотехнологичной Олимпиады» предполагает использование Игр, во-первых, для радикального технического и инновационно-технологического перевооружения промышленности Пекина и некоторых других индустриальных центров Китая, а, во-вторых, — для мощного продвижения китайской наукоемкой продукции на мировые рынки.

Третий стратегический ориентир — «объединяющая Олимпиада». Здесь задача на первый взгляд простая — поднять международный авторитет Китая, расширить каналы внешних связей, наладить новые контакты и таким образом укрепить основы курса на открытость внешнему миру. Однако сделать это, не улучшив радикально характер государственной экологической политики КНР и сложившуюся с конца 1990-х годов непростую экологическую ситуацию, не представляется возможным.

Главными экологическими и сопутствующими им проблемами Пекина, осложняющими подготовку по программе «зеленой Олимпиады», являются следующие:

- неудовлетворительное состояние атмосферного воздуха в городе;
- недостаточно благоприятная погодно-климатическая обстановка в период проведения Игр;
- дефицит водных источников и невысокое качество питьевой воды;
- необходимость существенного увеличения озелененных территорий в городской черте.

Кроме того, существуют и такие серьезные проблемы, как сложность гарантирования безопасности продуктов питания, ненадлежащее обеспечение экологичности и безопасного качества китайских потребительских товаров, проблема городского мусора, дискомфортная шумовая обстановка во многих местах китайской столицы, широкое распространение курения в общественных местах и т.п. Но они решаются, в основном, вне программы «зеленой Олимпиады».

Состояние атмосферного воздуха в Пекине остается неудовлетворительным уже на протяжении более 30 лет. Однако с конца 1990-х гг. стали отмечаться экстремально высокие уровни загрязнения. В 80-е и 90-е годы прошлого века вследствие загрязнения воздуха из года в год уменьшалось количество солнечных дней, и в 1998 г. было зарегистрировано недопустимо низкое их число — всего 100. Власти города приняли серьезные меры и количество «дней с голубым небом» увеличилось более чем в два раза. Тем не менее, этого недостаточно для

нормальной жизни города, а тем более для 2008 олимпийского года. На 2007—2008 гг. была поставлена задача довести число “дней с голубым небом” до 256, т.е. до 70% всех дней в году. Для 2007 г. была установлена минимальная планка — 245 дней, недостижение которой свидетельствовало бы о наличии серьезных угроз планам проведения Олимпиады. Реально число солнечных дней в 2007 г. составило 246 (в 2006 г. — 241), и хотя планка была превзойдена минимально, возникли основания для беспокойства. Дело в том, что основное число “дней с голубым небом” пришлось на январь, сентябрь, октябрь и ноябрь, но никак не на август. Заместитель директора Городского бюро по охране окружающей среды Ду Шаочжун заявил, что встревожен сложившейся ситуацией и предложил продумать дополнительные меры для ее исправления⁵.

Главным критерием состояния атмосферного воздуха является т.н. “совокупный показатель состояния атмосферного воздуха” — API, который не должен превышать 100, (уровень в 120—150 является уже весьма опасным).

К сожалению, в июне 2007 г. были зарегистрированы очень высокие уровни воздушного загрязнения. В течение почти всего месяца отмечались наихудшие показатели за предыдущие семь лет. Было официально заявлено, что планируются радикальные меры по снижению уровня вредных автомобильных выхлопов, и ситуация обязательно улучшится. Тем не менее, в конце декабря 2007 г., несмотря на все предпринятые в течение многих месяцев меры, состояние воздушного бассейна в Пекине вновь оказалось крайне плохим. Город был окутан туманом и удушливым дымом, видимость упала до 500 м, пекинская метеостанция объявила “желтый” уровень предупреждения. Ситуация ухудшалась каждый день, и 27 декабря API достиг отметки 421. Весной 2008 г., когда до Олимпиады оставалось не так много времени, были вновь зафиксированы очень высокие уровни загрязнения атмосферного бассейна города и пригородов: 10 марта — 238 API, 18 марта — 304 API⁶.

При этом надо учитывать, что общее состояние воздушного бассейна КНР вызывает все возрастающую тревогу: в 2007 г. Китай вышел на 1-е место в мире по выбросам главного источника загрязнения атмосферы и основного фактора парникового эффекта — углекислого газа, обойдя по этому показателю США. Китай на 8,7% обогнал США, которым удалось снизить этот вид газообразных выбросов на 2%. Теперь Китай производит вдвое больше двуокиси углерода, чем третий ее производитель — Евросоюз. Такой резкий скачок исследователи объясняют тем, что в КНР на фоне общего резкого роста экономики дополнительно увеличили потребление угля в электроэнергетике и расширили производство цемента⁷.

Эти данные были обнародованы Агентством экологических оценок Нидерландов на базе специального исследования, проведенного группой специалистов. Ответственный руководитель группы Берт Метц гарантирует достоверность выводов. Компетентные европейские специалисты и сотрудники Международного энергетического агентства согласились с расчетами голландской группы. Китайские специалисты также не опровергают приведенных данных⁸.

По свидетельству газеты “International Herald Tribune”, некоторые экологические станции Пекина фиксировали в конце 2007 г. физически максимальный объем естественного загрязнения в 500 API, и медики не рекомендовали без необходимости выходить из дому. Главную опасность для здоровья представляли мелкие проникающие твердые частицы с диаметром 10 микрон и более (по международной классификации — список PM₁₀), однако заметно увеличилось число еще более опасных твердых аэрозолей с диаметром 2,5-10 микрон (список PM_{2,5}), способных проникать в организм человека через кожу⁹.

О том, насколько это серьезно и в какой степени может угрожать плану проведения Олимпийских игр, свидетельствуют трагические события в Гонконге в феврале 2006 г., когда во время проведения марафонского забега с участием 40 тысяч спортсменов индекс АРІ неожиданно поднялся до показателя 149. В результате один из спортсменов — Цан Каминь скоропостижно скончался во время бега от отравления легких, 20 спортсменов были госпитализированы в довольно тяжелом состоянии, у очень многих обнаружилось серьезные респираторные заболевания¹⁰.

В Пекине теперь каждый день функционируют 27 современных станций экологического мониторинга, но результаты этих исследований далеко не всегда благоприятны, особенно для спортсменов, вид состязаний которых связан с длительными физическими нагрузками. Джон Колб, член Национального олимпийского комитета Канады, эколог и физиолог по специальности, заявил о своей обеспокоенности этим и подчеркнул, что команда Канады, безусловно, надеется на лучшее, но вынуждена, тем не менее, готовиться и к худшему варианту. По его оценкам, концентрация частиц по списку РМ₁₀ в Пекине в четыре раза превышает допустимую норму, установленную Всемирной организацией здравоохранения. Мнение Колба разделяют не все специалисты, но скептицизм в отношении гарантий чистого воздуха и “голубого неба” является общим. В 2007 г. группа китайских и американских ученых подготовила специальный анализ качества воздуха в китайской столице и обнаружила, что в Пекине ежедневная концентрация РМ_{2,5} на 50%—200% выше, чем предельно допустимые концентрации в США¹¹.

В начале января 2008 г. «International Herald Tribune» опубликовала статью своего пекинского корреспондента Джима Ярдли, в которой ставится под сомнение научная база системы измерений воздушного загрязнения в Китае, особенно в Пекине, что ограничивает возможности гарантированного обеспечения хорошего качества воздуха во время проведения Олимпиады. Подобные публикации были и в других газетах, в частности в «Wall Street Journal». Один из американских консультантов-экологов, Стивен Эндрюс, выявил недостатки в системе обработки и анализа данных атмосферного мониторинга, кроме того власти столицы в 2006 г. изменили формулу совокупного показателя загрязнения, исключив из нее информацию от двух метеостанций, расположенных в наиболее загрязненных районах. Параллельно была включена дополнительная информация из вполне благополучных городских кварталов. Компетентные китайские инстанции ответили, что эти обвинения носят надуманный характер, а улучшение состояния атмосферного бассейна в Пекине за последние годы очевидно¹².

Власти Пекина решительно настаивают на том, что несмотря на отдельные кратковременные периоды обострения, обстановка с атмосферным загрязнением столицы постепенно нормализуется. Согласно данным Управления по охране окружающей среды Пекина, в первом квартале 2008 г. число дней, когда качество воздуха соответствовало государственным стандартам, составило 67, что стало рекордом за последние 9 лет. В аналогичный период прошлого года этот показатель составлял лишь 55 дней. Заместитель начальника городского управления по охране окружающей среды Ду Шаочжун подчеркнул, что в последнее десятилетие в Пекине принято более 300 мер для борьбы с загрязнением атмосферы, в результате чего число дней, когда качество воздуха соответствует государственным стандартам, увеличилось на 40%, а содержание загрязнений в атмосфере значительно сократилось, и это заложило прочный фундамент для обеспечения качества воздуха в дни пекинской Олимпиады¹³. Трудно согласиться полностью с утверждением г-на Ду, но возможно на самом деле, начиная с весны 2008 г., предпринимаемые меры дали определенный эффект.

Во всяком случае, в конце 2007 г. на заседании Исполнительного совета МОК китайская сторона выступила с твердыми гарантиями в отношении перспектив хорошего качества воздуха и приемлемых погодных условий. Председатель Организационного комитета Олимпийских игр в Пекине (BOCOG) Лю Ци, признав, что в китайской столице пока еще не завершены все намеченные работы, тем не менее заявил, обращаясь по телевизионному мосту непосредственно к президенту МОК Жаку Рогге: “Мы полны решимости обеспечить в августе 2008 г. надлежащее качество воздуха, отвечающее необходимым стандартам”. Помимо всех существующих гидрометеорологических служб качество воздуха будут отслеживать также специально создаваемые медицинские бригады. Планируется ввести очень жесткие ограничения на пользование во время Олимпиады личными автомобилями, а руководитель ведущей сталелитейной компании «Шоуган» Чжу Цзиминь пообещал, что в течение трех месяцев лета 2008 г. его компания сократит выпуск своей продукции. Если такое действительно произойдет, то это будет беспрецедентный шаг в истории поддержки мирового спорта, который уже начал реально осуществляться. В первых числах января 2008 г. была заглушена доменная печь № 4, в конце марта планировалось заглушить мощную доменную печь № 2 и остановить работу двух агломерационных агрегатов. К 2010 г. намечено полностью свернуть весь базовый сталелитейный выпуск, развив экологически более чистое высокотехнологичное производство¹⁴.

Существенный вклад в загрязнение атмосферного бассейна Пекина вносят выхлопы автомобилей, использующих недостаточно качественный бензин. Поэтому с первых дней 2008 г. в соответствии с расширенным проектом “зеленой Олимпиады” в городе вводятся новые ужесточенные стандарты на бензин и дизельное топливо, которые близки, а по многим важнейшим позициям эквивалентны стандартам Евро-4. Согласно соответствующему положению городской администрации, с 1 января все предприятия оптовой продажи горючего и АЗС перешли на горючее, соответствующее государственному стандарту IV. Предыдущие стандарты, основанные на требованиях Евро-3, были приняты в конце 2005 г. Количество автомобилей на улицах китайской столицы исчисляется в 4,3 млн ед., из них 1,2 млн — приезжие. Предполагается, что новые стандарты позволят сократить массу вредных выбросов в атмосферу Пекина на 1,84 тыс. т.¹⁵

Трудной проблемой, тем не менее, остается использование грузовых автомобилей с дизельным двигателем. Выброс вредных веществ у них очень велик, но главное в том, что вредный выхлоп достигает максимума во время стояния грузовика в пробках, и он мало зависит от качества топлива. Более того, дизельные двигатели как раз ориентированы на низкооктановое и густое топливо. Дизельные грузовики являются основным транспортным средством для доставки потребительских товаров, нужда в которых во время Олимпиады значительно возрастет, а значит, возрастут и объемы вредных выхлопов от этих транспортных средств. Быстрое решение этой проблемы пока не найдено.

Большие усилия власти Пекина предпринимают также в сфере экологизации общественного транспорта. Предполагается, что в 2008 г. Пекин станет лидером среди городов мира по количеству “зеленых” средств общественного транспорта. Более того, Пекин намерен установить еще один мировой рекорд: увеличить число экологически чистых муниципальных автобусов до 20879 единиц, что составит 92,5% от общего числа средств общественного транспорта столицы. “Зеленые” автобусы будут оснащены рядом передовых технологий, которые сделают их более надежными, комфортабельными и экологически чистыми. Уровень загазованности от них будет соответствовать европейскому стандарту и даже ниже¹⁶.

Важной пробной мерой программы улучшения состояния воздушного бассейна Пекина было решение городского правительства об ограничении с 17 по 20 августа 2007 г. поездок автомобилей с четными и нечетными номерами соответственно по четным и нечетным дням. По словам начальника пекинского Управления дорожной полиции Сун Цзяньго, эти пробные меры, нацеленные на подготовку к будущей Олимпиаде, затронули 2,23 млн частных автомобилей. По предварительным данным, в указанный период количество машин на улицах ежедневно уменьшалось примерно на 1,3 млн ед., что составляло свыше трети общего количества автомобилей в Пекине. Как сообщил ранее заведующий отделом транспорта Оргкомитета нынешней Олимпиады Юй Чуньцюань, согласно практике МОК в дни проведения Игр в городе могут быть введены ограничения на движение автотранспорта по ряду улиц с учетом номеров автомобилей¹⁷.

Очень важным аспектом программы “зеленой Олимпиады” является план по обеспечению хорошей погоды на период Игр. Август в Пекине, как правило, сопровождается малоприятными погодными сюрпризами: частые тайфуны приносят мощнейшие ливни. Правительство Китая организовало особые службы, призванные предотвратить дожди во время проведения Олимпиады-2008. На эти цели мобилизовано 37 тыс. крестьян и бывших солдат НОАК. Созданы особые подразделения, в распоряжении которых находятся 4 тыс. пусковых ракетных установок, 7 тыс. артиллерийских орудий и 30 самолетов для обстрела облаков йодистым серебром. Китай с 1958 г. проводит эксперименты по вызыванию искусственного дождя и реализует крупнейшую в мире программу по влиянию на погоду. Директор департамента природонадзора Государственного управления по охране окружающей среды КНР Лу Синъюань 26 апреля 2007 г. на конференции в Москве выразил уверенность в том, что качество воздуха и погодные условия во время Олимпиады в Пекине будут комфортными. В 2007 г. была сформирована и опробована на практике дополнительная линия противодействия грозовым фронтам в провинции Хэбэй на расстоянии от 15 до 120 км к западу и северу от китайской столицы. В районах, где будет проходить линия, уже размещены 84 ракетных пусковых установки, нацеленных против дождевых облаков. В схеме защиты Пекина от дождей задействованы города Чжанцзякоу, Баодин, Чэндэ и Ланфан¹⁸.

Противоливневые системы такого рода были опробованы в ходе подготовки и проведения в 2007 г. специальных всемирных летних Олимпийских игр, или так называемой “второй Паралимпиады”. В отличие от Паралимпийских игр, в них соревнуются не спортсмены с физическими недостатками, а люди с отклонениями в психосоматической области. Игры проходили 2—11 октября в Шанхае и были, по общему признанию, исключительно успешными. Руководство КНР не скрывало, что для Китая это ни что иное, как генеральная репетиция Олимпиады-2008. Имелись серьезные опасения при подготовке к этим Играм с экологической точки зрения, поскольку с августа 2007 г. на восточное побережье Китая обрушивались мощнейшие циклоны, и в то же время восточные провинции страны страдали от продолжительной засухи, возможно, самой жесткой за весь многовековой период климатических наблюдений.

Организаторы специальной Олимпиады гарантировали, что дождя в Шанхае не будет как на церемонии открытия, так и на протяжении всех Игр. Для этого городское метеорологическое управление укрепило сотрудничество с погодными службами соседних провинций. Дождевые тучи на подходе к столице специальной Олимпиады-2007 должны были обстреливаться снарядами с быстродействующими реагентами. По общему признанию, экологическую обстановку в

дни специальной Олимпиады в основном удалось удержать на вполне удовлетворительном уровне. На торжественном закрытии Игр мэр Шанхая, председатель оргкомитета игр Хань Чжэн передал флаг специальных Олимпийских игр представителям американского штата Айдахо и Афин, где пройдут специальная зимняя Олимпиада-2009 и специальные всемирные летние Олимпийские игры-2011¹⁹.

Проблема водных ресурсов, в т.ч. и питьевой воды, стала самой острой для Китая, не исключая и Пекин, где существенная нехватка воды для текущих нужд стала постоянно ощущаться с 1999 г. В столице неоднократно возникали ситуации с дефицитом ресурсов водообеспечения, и власти города были вынуждены перебрасывать воду из соседних провинций. Предполагалось, что к 2008 г. по проекту “Юг—Север” в Пекин придет вода из Янцзы, однако завершение проекта пришлось отложить на два года. Для смягчения напряженности с водоснабжением в Пекине до открытия Олимпийских игр четыре водохранилища соседней провинции Хэбэй будут поставлять около 400 млн кубометров воды через пекинский участок центрального водоканала. Тем не менее, жители практически всех китайских городов, в том числе и Пекина, чрезвычайно обеспокоены качеством используемой ими питьевой воды²⁰.

Местные власти прилагают очень большие усилия для решения водной проблемы города. Выдающимся достижением в этой области стало увеличение коэффициента переработки сточных вод до 90% в 2006 г., что в реальных условиях Китая является чрезвычайно высоким показателем. Количество предприятий, занятых переработкой стоков, было увеличено до девяти общей мощностью 780 млн кубометров. Таким образом, досрочно была достигнута цель заметного улучшения качества воды в реках и водоемах во время Олимпиады-2008²¹.

Тем не менее, намеченный ранее уровень водообеспеченности Пекина по количественным и качественным показателям в 2007 г. достигнут не был. В конце августа 2007 г. премьер Вэнь Цзябао на специальном заседании Госсовета отметил, что в некоторых городах, в т.ч. и в Пекине, по-прежнему существуют актуальные проблемы, касающиеся несоответствия качества питьевой воды установленным нормам, нехватки источников питьевой воды и загрязнения их промышленными выбросами.

На заседании были выдвинуты главные задачи водоснабжения городов на ближайший период, рассмотрены конкретные меры, обеспечивающие выполнение этих задач. Участники заседания также рассмотрели план обеспечения горожан качественной питьевой водой, составленный Госкомитетом КНР по делам развития и реформ, Министерством водного хозяйства и рядом других министерств и ведомств²².

Серьезной неудачей в ходе реализации программы “зеленой Олимпиады” в 2007 г. было неожиданно серьезное ухудшение состояния ресурсов непроточных вод на наиболее населенной части территории страны. Можно сказать, что летом 2007 г. произошла очередная экологическая катастрофа — в силу недопустимо больших объемов промышленных и бытовых стоков, а также экстремально высокой температуры некоторые крупнейшие озера Китая покрылись толстыми слоями ядовитых анаэробных сине-зеленых водорослей. Со второй половины июня особенно ухудшилось состояние трех крупнейших озер — Дяньчи (Дяньчыху), Тайху и Чаоху. Дяньчи по площади занимает 6-е место среди китайских пресноводных озер и является известной туристической зоной, которую предполагалось активно использовать во время Олимпиады. В 1993—2007 гг. на восстановление его экологии было ассигновано 4,7 млрд юаней, т.е. около 610 млн долл. США²³.

Озеро Тайху было покрыто густым слоем сине-зеленых водорослей в течение всего лишь трех дней, когда температура значительно превысила 30°C. Это озеро площадью 2,4 тыс. кв. км является третьим по величине в Китае, расположено на границе провинций Цзянсу и Чжэцзян и подпитывает крупнейший водораспределительный комплекс Гунху — практически единственный современный и относительно надежный источник водоснабжения г. Уси провинции Цзянсу. Город оказался без питьевой воды почти на неделю, и около 2 млн жителей были вынуждены временно покинуть свои жилища. Несколько тысяч человек ежедневно трудились, пытаясь очистить водоем от водорослей. Уси является одним из важнейших туристических центров Китая (на сферу туризма приходится свыше 10% его ВВП), и этот водный кризис нанес большой ущерб всей городской экономике: число туристов сократилось более чем наполовину — с 3 с лишним тыс. человек до менее чем 1,5 тыс. человек.²⁴

Первый секретарь провинциального комитета КПК провинции Цзянсу Ли Юаньчао вынужден был санкционировать принудительное закрытие многих промышленных предприятий, с тем чтобы исправить ситуацию с озером Тайху, которое, в частности, предполагалось использовать как один из самых важных туристических объектов будущей Олимпиады. Эти меры вызвали падение промышленного производства на 15%, но тем не менее, быстрого улучшения положения ждать не приходится. “Это цена, которую нам придется платить, если мы хотим предотвратить значительно больший ущерб для наших будущих поколений”, — заявил Ли Юньчао²⁵.

Загрязнение этих озер нанесло большой, но косвенный ущерб программе подготовки к “зеленой Олимпиаде”, но есть факты и прямого ущерба. Так, деградация озера Байяндянь в провинции Хэбэй, которое является резервом для водохранилищ, обеспечивающих водоснабжение Пекина, привела к необходимости экстренной переброски в него вод р. Хуанхэ. Байяндянь является крупнейшим пресноводным озером в Северном Китае. Во второй половине 2007 г. количество осадков в провинции Хэбэй оказалось значительно меньше нормы, что привело к резкому сокращению площади зеркала озера, водоснабжение живущих в его окрестностях 230 тыс. человек также было поставлено под угрозу²⁶.

Крупнейшее в стране озеро с пресной водой — Поянху сильно обмелело и в самое ближайшее время может высохнуть совсем. Площадь водоема за последнее время катастрофически уменьшилась: сейчас она составляет 50 кв. км, в то время как раньше достигала 4350 кв. километров. Уровень воды упал с 20 м до отметки в 7,37 м, а общий объем воды при этом сократился в тысячу раз — с более чем 100 млрд куб. м до 100 млн куб. метров²⁷.

Компетентные центральные ведомства были вынуждены принять дополнительные, очень жесткие и болезненные решения в сфере охраны водных ресурсов. Начальник Главного государственного управления по охране окружающей среды Чжоу Шэнсянь сделал заявление о том, что в 2007 г. природоохранные структуры приняли решение “без всяких колебаний” ликвидировать сооружения для неочищенного сброса сточных вод и других загрязняющих веществ, созданные начиная с 2000 г. в зонах источников питьевой воды²⁸.

Все это заставило и власти Пекина предусмотреть экстраординарные меры для контроля за водоснабжением города и надежного водоотвода во время Олимпиады. Решено создать особые оперативные специальные группы для проведения проверок безопасности работы водопроводной сети. Группы будут состоять из более чем 300 сотрудников патрульных подразделений и 400 обслуживающих работников. В их задачу будет входить круглосуточный контроль и об-

служивание системы водопроводов и подземных водных систем столицы. Кроме того, во изменение действующего водного законодательства разрешено налагать на хозяйствующие субъекты, допустившие загрязнение водных источников и резервуаров, исключительно большие штрафы, превышающие одну треть от суммы нанесенного ущерба²⁹.

В работе по решению проблемы достижения необходимого уровня водобеспечения китайской столицы активное участие приняли неправительственные экологические организации и различные объединения граждан. Благодаря содействию неформальных организаций и энтузиастов-общественников в Пекине были разработаны и опробованы современные установки для утилизации дождевой воды. Самая крупная такого рода система, которая позволяет перерабатывать до 100 т дождевой воды в час, была введена в действие на территории Пекинского национального олимпийского стадиона³⁰.

Очень важным направлением программы “зеленой Олимпиады” является задача комплексного озеленения китайской столицы. Нынешний Пекин можно считать довольно зеленым городом: на конец 2007 г. озелененная площадь в китайской столице достигла 51,6%, увеличившись более чем на треть по сравнению с 1980 г., а именно на 47 тыс. га. Примерно за этот период было высажено 168 млн саженцев. Тем не менее, вскоре после решения МОК о проведении Олимпиады в Пекине столичные власти приняли план по озеленению, который был по основным направлениям выполнен, и расчетная площадь озелененных территорий на одного жителя достигла 48 кв. м, что больше, чем во многих столицах, считающихся хорошо озелененными. Кроме того, было решено озеленить в предместьях Пекина 100 тыс. га горных склонов и посадить вдоль дорог 23 тыс. га лесных полос. Также в соседней с Пекином провинции Хэбэй создается защитная лесополоса для предстоящей Олимпиады, где в ударном порядке были проведены лесопосадки на площади более 20 млн му (1,2 млн га). В результате этого площадь опустыненных земель в прилегающих к Пекину районах сократилась на 2,87 млн му³¹.

Впечатляет, что даже в декабре 2007 г. продолжалось озеленение китайской столицы, хотя на этот момент работа, намеченная в этой области, была выполнена уже на 85%. За оставшееся с этого срока примерно полугодие было запланировано создание тематического лесопарка Олимпиады, посадка деревьев на площади в 200 тыс. кв. м в Олимпийской деревне, озеленение 120 тыс. кв. м площади в деревне для журналистов. На выполнение оставшихся проектов направлено 4,5 тысячи специалистов-озеленителей и озеленителей низшего звена. Особое внимание уделяется посадкам таких ценных и декоративных деревьев как гинко (в переводе с японского — “серебряный абрикос”, кит. — инсин) и оригинальная восточная акация³².

Тем не менее, предпринимаются дополнительные меры. В частности, в феврале 2008 г. в северном пригороде Пекина Хуайжоу был открыт самый крупный в столице специальный олимпийский национальный лесной парк «Лабагоу» площадью 10 тыс. га. Знаменательной вехой подготовки к “зеленой Олимпиаде” стали массовые посадки в Пекине деревьев и кустарников в день лесонасаждения 5 апреля 2008 г. В этом мероприятии приняли участие 2 млн жителей китайской столицы, высшие руководители государства — Ху Цзиньтао, Вэнь Цзябао, У Банго и др., а также руководители города — секретарь пекинского комитета КПК Лю Ци, мэр Пекина Го Цзиньлун и др. Состоялась также церемония сбора подписей на специальном полотнище с лозунгами “Совместные усилия — на проведение зеленой Олимпиады, общее стремление — к созданию природоохранной культуры”³³.

В 2007 г. в процессе подготовки к Олимпийским играм Китай, с одной стороны, добился впечатляющих успехов, с другой — столкнулся с серьезными трудностями. Большие проблемы возникли в ходе выполнения программы “зеленой Олимпиады”. Руководство страны прилагает беспрецедентные усилия для решения этих проблем, и есть все основания надеяться, что поставленные цели будут достигнуты. Успех Олимпийских игр 2008 г. в Пекине послужит укреплению духа взаимопонимания и добрососедства в Азии, откроет новые возможности многостороннего гуманитарного и хозяйственного сотрудничества и станет важным фактором построения более совершенной архитектуры международных отношений в XXI веке.

1. Синьхуа. 01.01.2008.
2. <http://russian.people.com.cn/31518/6333526.html>.
3. <http://russian.people.com.cn/31518/6371876.html>.
4. Синьхуа. 19.12.2007.
5. Синьхуа. 01.01.2008.
6. Синьхуа. 30.06.2007, 27.12.2007; <http://www.sepa.gov.cn> (за 24—27 декабря 2007); <http://www.sepa.gov.cn/quality/air.php3>.
7. Boston Globe — AP. 21.06.2007; The Guardian 2007. 30 июня.
8. RedOrbit. 20.06.2007; Правда.Ру. 20.06.2007.
9. International Herald Tribune. 2007. 29 дек.
10. BIOoutput Blog. 2007. 12 янв.
11. International Herald Tribune. 2007. 29 дек.
12. International Herald Tribune. 2008. 10 янв.
13. <http://russian.people.com.cn/31516/6385797.html>.
14. China Daily. 2007; 21 дек. Синьхуа. 2008. 6 янв.
15. Синьхуа. 01.01.2008.
16. Синьхуа. 30.12.2007.
17. Синьхуа. 17.08.2007.
18. Newsru. 07.11.2006; Правда.Ру. 28.12.2007; <http://russian.people.com.cn/31519/5681072.html>.
19. Международное радио Китая. 26.09.2007; Синьхуа. 12.10.2007.
20. <http://russian.people.com.cn/31521/5495004.html>; Синьхуа. 08.01.2008.
21. <http://russian.people.com.cn/31516/5370245.html>.
22. Синьхуа. 23.08.2007.
23. Синьхуа. 26.06.2007.
24. China Daily. 2007. 22 июня; Синьхуа. 06.07.2007, 23.07.2007.
25. China Daily. 2007. 9 авг.
26. Синьхуа. 05.01.2008.
27. <http://www.utro.ru/articles/2007/12/24/704306.shtml>.
28. Синьхуа. 20.02.2007; <http://russian.people.com.cn/31516/5295132.html>.
29. Синьхуа. 05.02.2008; China Daily. 2008. 27 февр.
30. <http://russian.people.com.cn/31516/5813431.html>; ChinaCSR.com: Environment. 2007. 17 авг.
31. <http://russian.people.com.cn/31516/6372927.html>; Синьхуа. 04.12.2007.
32. <http://russian.people.com.cn/31514/6327100.html>.
33. Синьхуа. 28.02.2008; <http://russian.people.com.cn/31516/6372927.html>.

“Лас-Вегас” в Юго-Восточной Азии

© 2008

Л. Ходов

Страсть к азартным играм свойственна определенной части человечества, вероятно, на всем протяжении его истории. Именно этой страсти обязаны своим существованием казино в Баден-Бадене и Монте-Карло, фантастический город в пустыне штата Невада в США — Лас-Вегас и сотни подпольных миллиардеров в России. Об этой страсти писали Ф. Достоевский, С. Цвейг и десятки других писателей.

Игорный бизнес во многих странах играет заметную и противоречивую роль. С одной стороны, он способствует притоку средств в отдельные регионы и их экономическому процветанию, как это имеет место в Лас-Вегасе в США, а налоги на него служат пополнению местных и центрального бюджетов. В некоторых случаях он привлекает значительные средства, если среди посетителей игорных заведений много иностранцев, как это имеет место в Монте-Карло (Монако) и в Баден-Бадене (ФРГ). С другой стороны, чрезмерное распространение азартных игр порождает нездоровые явления в социальной жизни, способствует развитию вредных привычек у части населения, особенно у молодежи, ухудшает криминогенную обстановку.

Государство вынуждено проводить по отношению к азартным играм политику регулирования, ограничивая их отрицательное влияние на общественную жизнь и в то же время не запрещая их полностью, иначе они уйдут в подполье со всеми вытекающими из этого криминальными последствиями.

Опыт государственного регулирования игорного бизнеса особенно там, где он традиционно распространен, интересен и важен для нашей страны, где правительство принимает меры по установлению более четкого контроля над игорным бизнесом, по локализации его. Одной из стран, где власти проводят целенаправленную политику локализации азартных игр, ограничения доступа к ним своих граждан и создания международного центра, аналогичного Лас-Вегасу, является Китайская Народная Республика. Опыту реорганизации, а по существу, формирования международной зоны азартных игр в бывшей португальской колонии на территории Южного Китая, г. Макао, и постепенному преобразованию его в мировой туристско-игорно-развлекательный и выставочно-культурный центр Юго-Восточной Азии и посвящается эта статья.

1. Португальская колония, известная игорными притонами и контрабандой.

Судьба этого города необычна. Португальские мореплаватели высадились на двух островах у китайского побережья в 1516 г., основали опорный пункт для торговли с Китаем, построили крепость и порт, признавая суверенитет Поднебесной империи над этой территорией. В 1887 г., в период ослабления китайской монархии и интенсивной экспансии европейских держав и США с целью приобретения сфер влияния в Китае, Португалия отказалась признавать верховную власть китайского правительства над островами и объявила Макао португальской колонией.

К концу XIX в. Португалия была, вероятно, самой слабой колониальной державой. Потеряв “жемчужину португальской короны” — Бразилию, она сохранила за собой, кроме островов в Атлантическом океане, три колонии в Африке — Анголу, Мозамбик и Кабинду, а также анклав на побережье Индии и Макао. После обретения Индией независимости португальские территории на западном и восточном берегу Индостана вошли в состав Индии, в Анголе и Мозамбике началась длительная война за независимость. Позднее Великобритания и Китайская Народная Республика договорилась о возвращении Китаю Гонконга. Стало ясно, что Макао Португалии не удержать, и между Лиссабоном и Пекином была достигнута договоренность о превращении Макао во вторую, после Гонконга, особую административную зону Китая с начала 1999 г.

В отличие от Гонконга, который за время нахождения в Британском содружестве наций, особенно в течение последней четверти XX в., превратился в один из важнейших торгово-финансовых и транспортных центров, Макао из-за военно-финансовой слабости Португалии и очевидного отсутствия будущего у этой территории как части европейской метрополии оставался заштатным азиатским городом без развитой промышленности. Ни португальское правительство, ни частный капитал средств в колонию не вкладывали. Территория существовала за счет посреднической торговли с Китаем, особенно во время эмбарго на торговлю с КНР, объявленного западными державами, контрабанды, незначительного по масштабам туризма и игорного бизнеса. Контрабанда процветала потому, что португальские власти не так строго соблюдали предписания на запрет торговли с Китаем, как это делали англичане в Гонконге.

Игорный бизнес носил специфический характер. Игра шла не в игорных домах-клубах, как в Европе или США, а в сомнительных припортовых заведениях, где малайские и филиппинские моряки могли проиграть 30—50 долларов за вечер и выпить местных спиртных напитков еще на столько же.

2. Что приобрел Китай от присоединения Макао?

С точки зрения природных ресурсов: полезных ископаемых, сельскохозяйственных угодий, лесов — никаких выгод у КНР не оказалось. Однако, наряду с политическим успехом, присоединение бывшей португальской колонии имело ряд положительных экономических последствий.

Во-первых, удобный порт в 60 км от Гонконга в самом экономически быстро развивающемся регионе мира площадью в 26,8 кв. км с населением немногим менее полумиллиона человек. По плотности населения присоединенная территория занимает одно из первых мест в мире — более 1800 чел. на кв. км.

Во-вторых, население территории имеет целый ряд особенностей. 96% населения — китайцы по происхождению, кроме них более 10 000 происходят от смешанных браков, 1000 португальцев, около 45% жителей считают себя буддистами. Заметно влияние католической церкви. Население исключительно городское, по существу все владеют португальским и английским языками, а многие еще и малайским. Во время португальского господства из-за перенаселенности и отсутствия рабочих мест в промышленности и на транспорте определенная часть экономически активных жителей уезжала на заработки в Португалию, Бразилию, африканские колонии Португалии, формируя там среднюю буржуазию в сфере торговли и финансов. Эта часть осевших за границей китайцев — хуацяо распространилась по всему миру. Китайские эмигранты из Макао не имели проблем с выездом в португалоговорящие страны. Эта часть хуацяо тесно связана с жителями Макао.

В-третьих, задолго до вхождения Макао в КНР экономически активная часть населения получила португальское гражданство. Около 2/3 населения Макао — граждане КНР. Таким образом, в отличие от других китайцев, значительная часть жителей Макао может без визы выезжать в объединенную Европу, наниматься там на работу, учиться, заниматься предпринимательской деятельностью, так как Португалия — член ЕС. Более того, эти жители в связи с заключенными ЕС соглашениями могут по облегченной процедуре въезжать в США, Канаду, Японию, Австралию и ряд других стран.

В-четвертых, за Макао утвердилось слава города игорного бизнеса, хотя и невысокого класса, но таких игорных домов не было в соседних странах — ни в Японии, ни на Филиппинах, ни в Малайзии.

Пока большинство стран Юго-Восточной Азии находилось в неблагоприятной экономической ситуации слава Макао как игорного центра не приносила ему особых выгод. Понемногу играли моряки, туристы и местные жители, но богатые игроки приезжали редко, их было мало. Как золотого дождя ожидали игорные дома Макао туристских пароходов из Японии, Тайваня, Южной Кореи.

Однако положение начало меняться. Экономический подъем в Китае, Таиланде, Вьетнаме, на Филиппинах, превращение Индонезии и Малайзии в экспортеров нефти, газа и цветных металлов, а также изделий обрабатывающей промышленности, в том числе бытовой электроники привели к образованию обеспеченных средних слоев населения, удовлетворивших свои первичные социальные потребности в удобной городской квартире и автомобиле. К этим слоям населения непосредственно примыкают обслуживающие их социальные группы — адвокаты, архитекторы, дизайнеры, работники сервисных служб, консультанты и значительная категория государственных чиновников.

Новые богатые хотели не только квартир и машин, но и красивой жизни, которую они видели в американских кинофильмах. Эта роскошь далеко — в США и в Европе, но оказывается здесь рядом есть сильно уцененный вариант этой роскоши с латинским оттенком, с южноевропейско-латиноамериканской музыкой, с персоналом, воспитанным в Португалии или Бразилии и тем не менее говорящим по-китайски. В радиусе двух часов летного времени от Макао живет примерно 1 млрд человек, благосостояние которых за последние 15—20 лет существенно улучшилось и которые еще недостаточно освоились с этим благосостоянием, не выработали традиционных западных стереотипов поведения, также как и “новые русские”.

Первыми на нарастающий спрос на игры и развлечения отреагировали хозяева традиционного игорного бизнеса Макао. Еще во времена португальского господства весь игорный бизнес с разрешения колониальной администрации был монополизирован кланом Стенли Хо. Клан контролирует в Макао не только игорные дома, но и судоходные, строительные компании, торговлю недвижимостью.

3. Правительство КНР делает ставку на игорный бизнес за счет притока американского капитала.

Китайское правительство не могло упустить из своих рук контроля над таким мощным денежным потоком, как поступления от игорного бизнеса и избрало главным инструментом государственного регулирования этого потока выдачу лицензий на игорный бизнес и строительство новых туристических объектов. Этот инструмент оказался чрезвычайно эффективным.

Прежде всего китайское правительство отменило монополию клана Хо на игорные дома, выразив этому клану глубокую благодарность за вклад в хозяйственное развитие Макао. Однако клан не был устранен из игорного бизнеса. Глава клана Хо, которому более 80 лет, получил лицензии на своего сына и дочь и поставил во главе разветвленной компании своего племянника М. Сван. Племянник заявил, что главная цель компании — привлечение инвестиций и начал перестраивать традиционные притоны на американский лад.

Наряду с лучшим в Макао в 2000 г. отелем — игорным домом “Отель Лиссабон” был выстроен новый отель “Новый Лиссабон” с башнями, подземными этажами, помещенными в аквариумы, фитнес-центром и концертным залом. Американские специалисты считают, что “Новый Лиссабон” нисколько не уступает лучшим отелям Лас-Вегаса. Он по виду представляет собой цветок лотоса, вознесшийся более чем на 4 десятка этажей над городом.

В отличие от Лас-Вегаса в “Новом Лиссабоне” ставки не ограничены, основная часть клиентов играет в баккара и зал замирает, когда ведущий игру служащий казино открывает решающую карту в партии, где ставки достигают 200 000 долларов США. Такие ставки не допускаются ни в одном казино мира.

Еще одна особенность новых роскошных казино Макао: в них не предлагают алкогольных напитков, официанты разносят изысканные сорта чая и фруктовых коктейлей. В американских и европейских игорных домах, игорных залах пьют шампанское и виски с содовой. Безалкогольными назвать казино в бывшей португальской колонии на юге Китая никак нельзя, но роскошные застолья происходят в многочисленных ресторанах, а не в залах казино. Торговля и употребление наркотиков караются самыми жестокими мерами вплоть до смертной казни.

Элитные игорные дома организуют выставки и аукционы произведений искусства, демонстрации моды, концерты, соревнования по национальным видам спорта. Все это позволяет рекламировать казино в Макао как морально и этически выдержанные международные центры отдыха, соблюдающие национальные культурные традиции.

“Конкуренция усиливается, но мы готовы к ней, — говорит М. Сван. — Наши постоянные клиенты — это богатая публика, которая знает нас в течение десятилетий, а иногда и нескольких поколений. Они прилетают сюда из разных мест в пределах двух часов полета. На этой территории проживает 1 млрд человек. Наша задача — привлечь сливки общества в радиусе 5 часов самолетного

времени, с пространства, где население составляет 3 млрд человек — почти половину жителей земли”¹.

Заявление представителя мощного игорно-торгово-судоходного клана, входящего в число 50 самых богатых китайских семей, не кажется необоснованным. Оно опирается на оценку платежеспособности стремительно растущей новой буржуазии и коррумпированного чиновничества стран Юго-Восточной Азии, их стремления попробовать “сладкой жизни” в духе кинофильмов об американских миллиардерах и европейской аристократии.

В то же время существуют и некоторые сомнения относительно масштаба востребованности игорного бизнеса.

Во-первых, неясно, насколько долго продолжится экономический подъем в восточно-азиатском регионе. Известно, что кризис 1929—1933 гг. нанес сильный ущерб американскому и европейскому игорному бизнесу.

Во-вторых, неясно также, насколько велика у новой буржуазии региона склонность тратить деньги на непроизводительное потребление в условиях высокой рентабельности новых инвестиций.

В-третьих, неизвестно, как отнесутся правительства соседних с Китаем государств к долгосрочному массовому неэффективному оттоку средств за рубеж.

В-четвертых, у богатых азиатских любителей острых ощущений может возникнуть желание попробовать счастья в других центрах развлечений за пределами Макао, и подобные новые центры могут возникнуть на волне высокой конъюнктуры в ожидании монопольных прибылей в соседних странах.

Контраргументом приведенным выше сомнениям является долгосрочная целенаправленная государственная политика правительства КНР, направленная на превращение Макао в “золотой источник” для китайской экономики и регион, способствующий притоку капитала в Юго-Восточный Китай.

На страницах журнала “Фар-Истерн Ревью” неоднократно обсуждался вопрос, участвует ли китайское правительство своими капиталами в сверхприбыльном игорном бизнесе Макао. Эксперты считают, что непосредственно не участвует, но центральные и местные власти делают крупные капиталовложения в инфраструктуру: в перестройку аэропорта, морского порта и пассажирского терминала, электро и водоснабжения. Однако внутренняя перестройка города, не говоря уже об игорных домах, остается целиком в руках местного и иностранного частного капитала. Правительство довольствуется огромными платежами за лицензии и налогами.

Главная цель государственной политики по отношению к Макао — создание крупного международного центра развлекательных, игровых и выставочных услуг. Хозяйственный комплекс Макао уже сейчас приносит значительные прибыли за счет налогов, привлекает иностранный капитал и способствует росту занятости.

На первом этапе преобразований в Макао были сделаны шаги по поощрению конкуренции в игорном бизнесе. Выше уже было сказано об отмене монополии бывшего единственного хозяина казино — клана Хо. После этого были выданы десятки лицензий, и самые крупные лицензии получили миллиардеры из американского игорного бизнеса Е. Винн и Ш. Эдельсон. Фактически закончено строительство развлекательно-игорного комплекса Е. Вина и начато строительство еще трех отелей-казино в районе пассажирского морского порта.

Один из королей Лас-Вегаса Ш. Эдельсон известен тем, что в 1999 г. построил в столице азартных игр США самый большой и многоотраслевой комплекс “Венетиян Лас-Вегас” ставший эталоном для игорно-развлекательного

бизнеса в мире. “Венетиян Лас-Вегас” — это не отель с игорными залами, а город, в котором есть магазины, оздоровительные центры, сады и парки, кинотеатры, стадион, бассейны, концертные залы, больница, часовни, множество самых разных ресторанов. Посетив Макао, он заявил: “У меня появилась мечта о цветущем городе, и я ее осуществляю”.

В 2004 г. на американские деньги в городе было завершено строительство небоскреба — игорного дома-казино Ш. Эдельсона “Сэндс”. За игорные столы в “Сэндсе” ежедневно садится до 5000 посетителей. В основном играют в баккара. Расцвеченный прожекторами и светящийся изнутри комплекс господствует над городом. В нем семь ресторанов с разными национальными кухнями и лучший в Макао театр-варьете.

4. От казино к международному развлекательно-выставочному и туристско-игровому центру.

Начинается новый этап в лицензионной политике китайского правительства. Власти считают нецелесообразными точечную застройку города и строительство исключительно игорных домов, отелей и ресторанов. Принята программа реконструкции города за счет иностранного и отечественного частного капитала, превращения его в развлекательно-выставочный, торговый центр, место проведения фестивалей, конференций, деловых встреч, международных выставок.

Новации в лицензионной политике были обусловлены следующими обстоятельствами.

Во-первых, число посадочных мест за игорными столами и у игровых автоматов в существующих и строящихся казино достигло уровня, удовлетворяющего текущий спрос. Газета “Вельт ам зоннтаг” сообщила, что оборот игорного бизнеса в Макао в 2006 г. достигнет уровня Лас-Вегаса². Встал вопрос о путях и возможностях привлечения дополнительной клиентуры.

Во-вторых, оказалось, что хотя игорный бизнес имеет ограниченные пределы роста, услуги, связанные с ним, также могут представлять собой источник серьезных доходов. Американская налоговая статистика свидетельствует, что рулетка, блэк-джек и игровые автоматы обеспечивают менее половины доходов Лас-Вегаса. Остальные поступления идут от концертов, конкурсов, конференций, демонстраций моды, шоу под открытым небом, ресторанов, гостиниц, так что, несмотря на примерно равные доходы игорных заведений в Лас-Вегасе и в Макао, доход сферы услуг, сопровождающих игорный бизнес в американской столице азартных игр, не менее чем в 2,5 раза превышает соответствующий показатель в Макао.

Люди, обладающие лишними деньгами и приверженные к азартной игре, хотят не только выигрывать или проигрывать их, но и получать за них самые разнообразные удовольствия.

В-третьих, оказалось необходимым перестроить весь регион Макао, превратить его в приморский город-сад, центр отдыха и развлечений, создать современную инфраструктуру и подготовить кадры.

В-четвертых, необходимо было развеять устоявшееся представление о Макао как о городе, где сосредоточены все человеческие пороки.

Перечисленные обстоятельства потребовали, чтобы в городе было покончено с преступностью и в игорных заведениях поддерживался четкий порядок. Если раньше в течение многих лет в сообщениях о скандалах и разоблачениях в

китайской печати часто писалось о том, что проворовавшийся государственный служащий или чиновник-взяточник проиграл присвоенные деньги в казино в Макао, то сейчас государственные служащие имеют право делать ставки в казино только в течение нескольких дней в году во время новогодних праздников. Главный менеджер концерна Хо — М. Сван говорил, что в его игорных залах постоянно дежурят агенты в штатском.

Порядок выдачи лицензий также способствовал снижению преступности. Лицензии перестали выдаваться держателям мелких игорных притонов, где собирались сомнительные личности из местного преступного мира. Действуют жесточайшие наказания за торговлю и употребление наркотиков. Компании-получатели лицензий на крупные игорно-развлекательные комплексы, как правило, имеют собственные службы безопасности, которые обеспечивают порядок.

Получить лицензию стало сложнее еще и потому, что разрешения только на открытие игорного заведения выдаваться перестали. В современных условиях лицензия обязывает предпринимателя обустроить прилегающую территорию, разбить сад или парк, оборудовать пляж, построить демонстрационный и концертный зал, фитнес-центр, детские аттракционы, придать объектам оттенок китайской или португальской экзотики.

Старый игорный клан Хо и американские миллиардеры из Лас-Вегаса приняли новые правила игры и, по-существу, начали перестраивать весь город. Между двумя островами насыпается земля, чтобы отвоевать у моря участок под строительство нового массива зданий, которые бы затмили Лас-Вегас стрит — главную улицу американского чуда в пустыне Невада. У этой улицы в Макао есть уже название — Котай стрит. Корпорация “Эдельсон Сэндс” заканчивает строительство комплекса “Венетиян Макао”, где будет 3000 номеров-сьюит, 350 магазинов и огромный выставочно-ярмарочный центр, подобного которому нет в соседнем Гонконге. На этой же улице, заранее называемой “Золотой милей”, корпорация построит еще шесть дворцов-отелей-казино разных архитектурных стилей. Центр “Венетиян” будет официально открыт в 2007 г. Основная часть Котай стрит будет отстроена в 2008 г.

По сравнению с отелями на Котай стрит, родоначальники европейского игорного бизнеса-казино Баден-Бадена и Монте-Карло, описанные в мировой литературе, будут выглядеть как памятники архитектуры и быта середины XIX в.

“Наши совокупные капиталовложения составят в целом до 8 млрд долларов США”, — заявил Ф. МакФадден, генеральный управляющий “Эдельсон Сэндс Корп.” в Макао³. Размеры этих инвестиций примерно равны совокупным вложениям частного германского капитала в экономику Китая за последние семь лет. Для сравнения, проектная стоимость строительства первой очереди Северо-Европейского газопровода, который соединит российские месторождения газа в Сибири с импортерами в ФРГ, Нидерландах и Великобритании, составит 5,7 млрд долл.⁴

Вместе с “Эдельсон Сэндс” значительные вложения в строительство дворцов делают всемирно известные компании гостиничного бизнеса Хилтон, Шангри-Ла, Фур Сезон, Кемпински; открываются отделения туристических фирм, пароходных и авиакомпаний. В старом городе идет масштабное строительство. Вероятно, в скором времени характерные китайские дома, пагоды, здания в португальском колониальном стиле и католические церкви превратят в музейные экспонаты. Несколько отреставрированных старых притонов с актерами, переодетыми контрабандистами, торговцами жемчугом и нарко-

тиками будут функционировать в порту для американских и японских туристов, точно так же как специальные кафе в Париже, где якобы собираются апаши или клошары.

Предприняты шаги по решению кадровой проблемы. Полумиллионного населения бывшей колонии оказалось совершенно недостаточно для массового строительства и найма обслуживающего персонала. В КНР существует отработанная система отбора кадров для свободных и особых экономических зон из внутренних районов страны с высоким уровнем безработицы. Были организованы курсы подготовки сотрудников, несколько тысяч проверенных служащих получили государственные стипендии для изучения за рубежом гостинично-ресторанного и туристского бизнеса.

Роль определенного кадрового резервуара сыграли и коренные жители Макао, 18 000 из которых являются гражданами Португалии и других европейских стран. Многие из них имеют опыт работы в Бразилии и Западной Европе. Определенная часть местных жителей, уехавших на заработки за границу, возвращается домой, привлеченная возможностью хорошего трудоустройства и карьеры. Однако главную роль в обеспечении нового международного центра Макао квалифицированными кадрами сыграли сами инвесторы. Они стали посылать на стажировку в Лас-Вегас управляющих высшего и среднего звена, приглашать из Европы и США лучших поваров, специалистов по логистике, менеджеров. Концерн Хо пригласил на должность главного менеджера по выставкам и ярмаркам известного немецкого специалиста В. Динера.

Много делается для обеспечения притока туристов в Макао. Среди них можно выделить следующие группы:

1. Представители высших и средних слоев китайского частного капитала. Несмотря на ограничения в перемещении людей между основной частью Китая и особыми экономическими зонами, именно эта социальная группа представляет собой потенциальных участников конференций, съездов, курсов повышения квалификации, выставок, ярмарок, посетителей игорных залов. Если они приедут с семьей, семьям предлагают специальные программы.

Чтобы сделать пребывание в Макао более привлекательным, гостям предлагают морские круизы, посещения Гонконга, Гуанчжоу, национального парка на о. Хайнань, Вьетнама.

2. Второй группой гостей по-прежнему остаются представители 100-миллионной китайской диаспоры за рубежом, чрезвычайно заинтересованные в установлении более прочных связей с процветающей китайской экономикой. К ним относятся и обеспеченные жители Тайваня. Возможность принять участие в полезной деловой встрече, а заодно отдохнуть и развлечься на исторической родине — аргумент для посещения Макао зарубежными китайцами.

3. Для жителей многомиллионного богатого мирового торгово-финансового и транспортного центра — Гонконга Макао является экзотической развлекательно зоной, до которой на морском катере регулярного сообщения можно добраться за час. Сюда приезжают отдохнуть и поиграть в казино, попробовать португальскую кухню на выходные, праздники. Между ценами на гостиничные и ресторанные услуги в Гонконге и Макао существует конкуренция, так что если не считать денег, проигранных в казино (или считать их платой за удовольствие), то пребывание в выходные или праздничные дни в Макао может оказаться вполне доступным.

4. Для Макао принципиально важным является массовый приезд обеспеченных иностранцев. Компании-владельцы развлекательно-игровых центров через собственные и договорные сети туристических агентств стремятся продавать в США, Канаде, Австралии, Японии и Западной Европе маршруты с обязательным посещением Макао. Особенно это относится к пароходным круизам. Часть маршрутов предполагает проживание в течение всего срока в Макао с выездами в китайские крупные города, посещением исторических и культурных достопримечательностей КНР. На эту группу клиентов владельцы развлекательно-игровых центров Макао возлагают особые надежды.

5. Небольшую роль пока играет поток обеспеченной новой буржуазии из соседних стран Юго-Восточной Азии, желающей приобщиться к “красивой жизни”. По мере продолжения экономического подъема в регионе этот поток, вероятно, будет нарастать.

6. За последние 10—12 лет в Юго-Восточной Азии появилась специфическая категория западноевропейских и американских граждан, численность которых с семьями, по оценкам, составляет около 4 млн. Это представители иностранных фирм и банков, сотрудники совместных предприятий, международных организаций, наемные специалисты и управляющие в странах Юго-Восточной Азии. Для них краткосрочный, интересный, соответствующий уровню их требований и возможностей отдых мыслим только в Сингапуре, на Хайнани, Бали или в Макао.

* * *

Перспективы развития развлекательно-игрового и выставочного бизнеса в Макао зависят от многих факторов, их трудно количественно оценить. Но с точки зрения мирохозяйственных процессов, очевидно, что к 2007--2008 гг. в Южном Китае закончится формирование нового центра развлекательных услуг, не уступающего по своим масштабам Лас-Вегасу. Этот центр может оказать значительное влияние на развитие туризма и на направления денежных потоков в Юго-Восточной Азии.

1. Macaj Review. 2006. № 7.

2. Welt am Sonntag. 2006. 16 Juli.

3. Welt am Sonntag. 2006. 16 Juli.

4. Ходов Л.Г. Проблемы и перспективы экспорта российского газа в Германию. М.: Огни ТД. 2005. С. 33.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЗНАКОМЫЕ ПОНЯТИЯ (К вопросу о сочетании терминов "гражданское общество" и "социалистическое гармоничное общество" в условиях Китая)

© 2008

В. Ганшин, Г. Торгейрсдоттир

Построение гармоничного социалистического общества — одна из важнейших задач, решению которой предполагается посвятить деятельность партии китайских коммунистов и государства в долгосрочной перспективе. Значение, придаваемое этому начинанию, трудно переоценить. По словам "Жэньминь жибао", "теория построения социалистического гармоничного общества является важной теоретической инновацией, которую можно сравнить с теорией начальной стадии социализма и теорией социалистической рыночной экономики"¹. По сути, продолжает газета, теория построения социалистического гармоничного общества определяет общую ориентацию социального строительства с китайской спецификой. "Только в социализме, — указывал в докладе на XVII съезде КПК председатель партии Ху Цзиньтао, — только реформа и открытость обеспечивают развитие как Китаю, так и социализму и марксизму"². Иначе говоря, КПК и государственная власть предлагают обществу и гарантируют в перспективе решение самых насущных вопросов социального развития страны в новых условиях.

Структура и принципы взаимоотношений между отдельными людьми, группами населения, стратами, между государством и личностью во многих странах Старого Света и индустриальных державах Америки и Азии формируются и "работают" в условиях гражданского общества. То есть в обществе, "характеризуемом сферой спонтанного самопроявления индивидов и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций граждан, которая защищена от прямого вмешательства и произвольной регламентации деятельности граждан со стороны органов государственной власти"³. В гражданском обществе существует многопартийная парламентская система, свобода личности, многообразие отношений собственности, правовое государство.

Перечисленные определения и характеристики, утвердившиеся сегодня среди большинства политологов, социологов и историков, занимающихся проблемами современных общественных отношений, прошли сложную и долгую эволюцию. Понятие "гражданское общество" было известно еще с древних времен из работ Платона, Аристотеля, других мыслителей древности. Более или менее современное звучание оно приобрело, благодаря исследованиям и сочинениям Дж. Локка, Г. Гегеля, К. Маркса, А. Грамши. В нынешнем виде это понятие фор-

Ганшин Владимир Георгиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель научно-издательского отдела ИДВ РАН.

Торгейрсдоттир Гудрун, кандидат исторических наук, сотрудник МИД Исландии.

мировалось под влиянием борьбы нарождавшегося класса буржуазии с феодальными порядками средневековой Европы. Усиление амбиций и реальных возможностей торгово-промышленного капитала требовало самостоятельности и известной независимости во внутригосударственных делах, разграничения полномочий верховной власти и частных, корпоративных экономических и социальных интересов. Такие отношения складывались в большинстве стран Европы и Северной Америки, поэтому современные гражданские общества, сложившиеся в этих государствах, называют иногда обществами англо-саксонского типа.

Иную картину мы наблюдаем в странах Азиатского континента, в ряде латиноамериканских государств, в Африке. Там взаимоотношения личности и государства носили несколько иной характер, формировался отличный от уже известного тип социального устройства. Хотя многие элементы гражданского общества в его классическом понимании присутствуют и там (наличие добровольных гражданских неправительственных объединений, большая или меньшая степень экономического либерализма) социальная картина в этих регионах резко отличается от англо-саксонской модели.

Вступив на новый путь развития в конце 1970-х гг., открывшись миру, Китай вольно или невольно оказался в сфере влияния западных концепций и практических воплощений экономического либерализма, социально-политических и морально-нравственных ценностей, правовых нормативов. Впрочем, не только Китай. Почти все страны, переживающие переходный период, ищущие пути развития в условиях рыночной экономики, вынуждены, теоретически осмысливая свои будущие шаги в политике, экономике, социальных отношениях, опираться на опыт развитых индустриальных держав с их пониманием сути гражданского общества. Развивающиеся страны при формировании самостоятельных доктрин развития наряду со своими оригинальными подходами, уникальными наработками вынуждены пользоваться явно не по ним шитыми одедами англо-саксонского покроя.

При анализе процесса формирования основ гражданского общества в Китае, приходится сталкиваться с весьма странным, на первый взгляд, явлением. В стране существует довольно обширная литература по теории и практическому развитию элементов гражданского общества в КНР. Справедливости ради, надо отметить, что известна она весьма узкому кругу специалистов, сосредоточенных в столичном университете Цинхуа, высших учебных заведениях Нанкина и Ухани. Несмотря на это сам термин "гражданское общество" крайне редко употребляется в официальных документах. Более того, даже в Академии общественных наук Китая, издательство которой выпускает книги и брошюры по данной теме, доводилось слышать мнение ответственных работников о том, что понятие "гражданское общество" в Китае не существует.

Читая фундаментальные работы китайских ученых по теме взаимодействия общества и государства, государства и личности, формирования элементов гражданского общества в стране (Ван Мина, Ван Сюэбина, Ван Шигана, Ма Цюша, Юй Кэпина, Ху Цзяюна, и др.), можно видеть широкую эрудицию и диапазон их исследовательского интереса. Им знакомы сочинения древних философов, труды средневековых мыслителей, работы современных авторов. Но эти знания китайские ученые используют прежде всего для теоретического осмысления феномена гражданского общества, анализа и выявления общезначимых черт и особенностей этого явления. Особый интерес проявляется в этой связи к теории и практике функционирования неправительственных общественных организаций граждан, добровольных объединений, ассоциаций. Опыт создания и деятельности таких формирований в Китае известен еще с древних времен.

Китайские НГО, по мнению ученых КНР, имеют довольно долгую историю. Даже в древние века существовали прототипы современных общественных объединений. Неправительственные организации были очень популярны в период “Весны-осени” (Чуньцю) и “Сражающихся государств” (Чжаньго). Политические общественные объединения получили широкое развитие в послеханьский период и в годы правления Сунской династии (благотворительные организации Хэцзюэ и Шаньхуэ). Юаньский император Чжу Юаньчжан был низложен в значительной степени в результате деятельности “Общества Белого лотоса” (Байляньцзяо). И в годы правления династии Мин широко были распространены различные тайные религиозные общества и организации, игравшие заметную роль в общественно-политической жизни страны. В дальнейшем они делились на шесть основных типов организаций:

- объединения ремесленников и представителей среднего бизнеса с целью защиты своих интересов и торговых привилегий в рамках коммерческих обществ и гильдий;

- благотворительные организации типа Ху чжухуэ (Общество взаимопомощи), Хэцзохуэ (Общество сотрудничества), Цишаньхуэ (Благотворительное общество) и другие. Некоторые из этих организаций являлись последователями древних китайских обществ благотворительности и взаимопомощи, другие были созданы иностранными миссионерами;

- научные организации — академии, научные сообщества, ассоциации ученых. В большинстве своем они появились в стране под влиянием “вестернизации”, охватившей китайское общество в последние годы правления династии Цин;

- политические объединения, как например, научные союзы, профессиональные союзы, федерации женщин, молодежная лига и другие. К ним можно также отнести различные вспомогательные военные организации, Общество по спасению нации, возникшее в период антивоенной борьбы;

- литературно-культурные организации, в частности, объединения драматургов, любителей оперы, ассоциации шахматистов и художников;

- тайные, мистические организации. Почти все они имели ярко выраженную антиправительственную направленность⁴.

Сегодняшние гражданские объединения появляются не только благодаря инициативе снизу. Партия и государство, стремясь развивать новые институты формирующегося рыночного общества, активно содействуют организации, становлению различных форм объединений граждан. Прежде всего, путем их материальной и финансовой поддержки, хотя и не все НГО спонсируются одинаково. Степень и доля участия государства в финансировании существующих НГО во многом зависит от сферы деятельности той или иной общественной организации. Так, например, финансировалась (согласно данным за 1999 г.) Китайская ассоциация юных добровольцев (КАЮД): большая часть (58%) — доходы от реализации проектов, 15% средств поступало за счет членских взносов самой ассоциации и лишь 9% — доля участия правительства. По-иному складывался бюджет Фонда для слаборазвитых районов Китая (ФСРК): большая его часть — почти 60% формировалась за счет взносов частных корпораций, около 20% предоставило правительство, почти 17% приносила собственная деятельность фонда и еще примерно 5% поступало из-за границы. Свыше 80% средств в виде общественных пожертвований и около 20% за счет собственной деятельности — такова структура наполнения бюджета Китайского фонда социальной помощи населению. Наконец, Китайская ассоциация планирования семьи (КАРС) в 1998 г. получила от государства 40% денежных взносов, 4% за счет общественных и частных взносов и членского участия, 56% за предоставленные услуги и публикации⁵.

Нам представляется, что термин “гражданское общество” не вошел в лексикон официальной литературы по той причине, что толкование нового для данной страны явления невозможно с использованием старых понятий, пригодных для совершенно иных условий. Суть гражданского общества — не только в (формальной, часто лишь продекларированной) свободе личности, свободе экономического выбора, политическом плюрализме и правовом равенстве, но и в возможности этой личности реально воздействовать на политику власти, реально участвовать в определении этой политики, возможности контролировать государственный аппарат и его представителей. Следует признать: Китай, его руководители видят отличное от установившегося понятия гражданское общество. “Трезво оценивая свои силы, власть отдает себе отчет в том, что центр не в состоянии решать многие вопросы, требующие специальных знаний, навыков. Даже очень богатое государство не всегда может одинаково успешно одновременно решать вопросы здравоохранения, образования, социальной помощи, экологии и т.д. Между тем, заявив о строительстве социализма, пусть и с национальной спецификой, Пекин понимает свою ответственность за осуществление социальной политики, уменьшение неизбежного неравенства между гражданами страны до разумных показателей. (Они выработаны на практике и реально существуют в некоторых странах). По словам видного китайского экономиста и политолога Ху Аньгана, мы являемся свидетелями перехода от “теории опережающего обогащения”, когда выгоду от реформ получает часть общества, к “теории совместного обогащения”, когда выгоды получают все⁶. В новых условиях руководство страны считает, что постепенная передача некоторых функций с государственного уровня на уровень общественный должна, по идее, позволить более гармонично и справедливо решить вопросы социального развития.

Предложенная китайскому обществу идея основывается на стратегическом значении институционального строительства в процессе ее реализации. По словам председателя правления Китайского форума по реформам и открытости Чжэн Бицзяня, “ЦК партии во главе с товарищем Ху Цзиньтао в более широком, усовершенствованном и целостном виде обобщил практику социализма с китайской спецификой с учетом экономики, политики, культуры и других областей, включая даже отношения между человеком и природой. Наряду с этим подчеркнута необходимость всестороннего подхода к общественным отношениям, усилено институциональное строительство, активизированы познание и практика в деле строительства социализма с китайской спецификой”⁷.

В ходе решения этой задачи предполагается превратить Китай в “богатое, демократическое, культурное и гармоничное социалистическое современное государство”. В “Разъяснениях по ключевым словосочетаниям решения 6-го пленума ЦК КПК 16-го созыва” указывается: “Перед словосочетанием “социалистическая современная держава” добавлено определяющее слово “гармоничная” — это новый важный прорыв нашей партии в общей схеме становления социалистической модернизации. Это свидетельствует о том, что общая схема осуществления социалистической модернизации в нашей стране, ранее состоявшей из трех компонентов — социалистическое экономическое, политическое и культурное строительство, сейчас включает уже четыре компонента — социалистическое экономическое, политическое, культурное строительство и создание гармоничного общества”⁸.

Одним из важнейших условий социальной гармонии должны служить социальная беспристрастность и справедливость. Беспристрастность и справедливость в обществе, по мнению руководства страны, являются основными требованиями социальной гармонии. В построении такой системы особая роль отводится

государству, его институтам. Именно они призваны осуществлять регулируемую функцию в улучшении работы финансовой системы, в том числе, в структуре доходов и расходов. Предполагается, что центр в ближайшие годы увеличит инвестиции в сферу общественного сервиса, в дело образования, здравоохранения, культуры, трудоустройства и повторного трудоустройства, социально-обеспечения, улучшения экологической обстановки, социальной инфраструктуры, общественной безопасности.

По уже сложившейся практике власть при осуществлении социальных проектов намерена и впредь опираться на общественные организации, добровольные союзы и объединения граждан. Так, еще в мае 2001 г. ЦК КПК и Госсовет КНР провели совместную рабочую конференцию на тему борьбы с бедностью. На заседаниях было представлено несколько обзоров, на основании которых власти предложили новую стратегию борьбы с бедностью и нищетой, получившую статус общенациональной. Она определила цели, задачи и конкретные совместные шаги по реализации принятой программы на ближайшие 10 лет. Пожалуй, впервые правительство ясно и недвусмысленно заявило о своем намерении оказать содействие неправительственным организациям в реализации правительственной программы⁹. Эта практика была продолжена в 2004 г., когда о своей готовности активизировать обмены и сотрудничество с неправительственными организациями в профилактике и контроле за распространением СПИДа высказались представители Министерства здравоохранения КНР. При этом было заявлено: китайское правительство в дальнейшем окажет финансовую поддержку неправительственным организациям в деле борьбы со СПИДом¹⁰.

Не оказались забытыми и другие важнейшие проблемы страны: оптимизация размещения общественных ресурсов с приоритетом потребностей деревни, низовых организаций и слаборазвитых районов.

Приступая к созданию нового общества, партия не могла не коснуться проблем взаимоотношений личности и коллектива, власти и индивида, интересов общих и частных, справедливо полагая, что система обеспечения демократических прав является важным содержанием институционального строительства социалистического гармоничного общества. Повторив уже известные директивы относительно обеспечения гарантий прав народа как хозяина страны и управления государством в соответствии с законом, осуществления демократических выборов, демократической выработки решений, демократического управления и контроля, КПК в своем решении, как представляется, внесла и некоторые инновации в хорошо известные тезисы. Так, если учесть общий дух решения и выработанную стратегическую линию, по-новому следует воспринимать призывы реформировать политическую систему, оздоровлять демократические институты, разнообразить формы демократии, осуществлять институционализацию, правовое регулирование и процедурное оформление политического строя социалистической демократии, обеспечивать для народа возможности пользования широкими демократическими правами. Для этого предполагается совершенствовать институт собраний народных представителей, институт многопартийного сотрудничества и политических консультаций, систему районной национальной автономии. Необходимо также "гарантировать народу управление государственным делами, расширять демократию на низовом уровне".

Возвращаясь к теме гражданского общества в Китае, мы отмечаем: основным полем деятельности национальных НГО являются социальные программы — служение простым людям, в особенности тем, кто оказался в сложных жизненных условиях.

На пекинских развалах для туристов, где торгуют всякой всячиной типа зажигалок, дешевых часов, маек с олимпийской символикой и другими предметами, более года назад появились холщовые сумки с надписью “вэй жэньминь сфу”у” — “служить народу”. Может быть, и это не случайно, что вдруг вспомнили старый маоистский лозунг времен “культурной революции?”. Эта идея получила развитие в ходе работы XVII съезда КПК. В докладе Ху Цзиньтао подчеркивалось, что “необходимо по-прежнему видеть в человеке основу основ. Беззаветное служение народу — коренное предназначение нашей партии, всю свою борьбу и работу она ведет исключительно на благо народа”¹¹.

Государству, как показывает практика, сложно выявить всех нуждающихся, довести адресно материальную или финансовую помощь, оказать содействие в получении медикаментов. Поэтому большая надежда в этом вопросе возлагается на неправительственные организации. Если государство берет на себя решение общих проблем: макростроительство институтов гармоничного общества, выделение необходимых средств для помощи нуждающимся, то задача НГО заключается в непосредственной организации и деятельности этих институтов как своего рода моста между властью и гражданами страны. Как полагают китайские исследователи Лю Чжунци и Пань Хунянь¹², “гражданское общество будет больше внимания уделять строительству гармоничного общества. Организация, система и идеи гражданского общества необходимы для построения гармонии в обществе, они окажут позитивное влияние на этот процесс. НГО как атомы гражданского общества могут сыграть важную роль в строительстве гармоничного общества”.

Один из авторов этой концепции доктор социологии, профессор Ли Пэйлинь считает надлежащее налаживание внутриобщественных отношений важным направлением строительства гармоничного общества. «Нам предстоит много работы в этой сфере. Необходимо наладить отношения по распределению доходов, совершенствовать систему социального обеспечения, упорядочить общественные противоречия, создать социальный механизм макроконтроля с целью содействия трудоустройству, обеспечения социального равенства и ликвидации социальных рисков. Ключевым моментом в этом плане должно стать осознание необходимости изменения методов общественного управления по мере изменения социальной структуры. Эмпирическим путем нам уже удалось построить надлежащую модель между правительством и рынком. На очереди — построение надлежащей модели отношений между обществом и правительством в совершенно новых социальных условиях”¹³.

Практическое решение этой задачи вносит свои нюансы в классические взаимоотношения гражданских институтов и власти. В значительной степени китайский сценарий развития НГО и их будущего взаимодействия с властью основывается на некоторых положениях теории Ю. Хабермаса об оздоровлении социального организма путем развития автономных и неполитизированных социальных организмов в современных капиталистических государствах. Построение гражданского общества в КНР — это следствие взаимодействия государства и общества. С одной стороны, государство должно минимизировать свое участие в экономике и общественной жизни, сосредоточив усилия на продвижении вперед идеи модернизации. С другой же стороны, общественным акторам следует проникнуться ответственностью за проведение реформ, создание неправительственных организаций и возглавить процесс строительства гражданского общества “снизу”.

По мнению г-жи Цзян Ли, зам. министра гражданской администрации, общественные организации являются мостом между правительством и общест-

вом. По ее словам, “общественные организации с их уникальными возможностями способны решать политические, экономические задачи, вопросы образования, культуры, спорта, оказания социальной помощи, охраны окружающей среды и безработицы... Общественные организации в состоянии привлекать огромное число талантливых и хорошо известных в стране людей, которые могут действовать в качестве координаторов между различными группами. Общественные организации объединяют людей из разных социальных групп и потому могут представлять общие интересы большинства слоев населения”¹⁴.

Таким образом, Китай сможет воспользоваться и опытом западных стран и внести свой вклад в теорию и практику развития гражданского общества¹⁵. Как видим, по многим параметрам термин “гражданское общество” сопоставим с новым термином китайских коммунистов “социалистическое гармоничное общество”. Но есть и принципиальные отличия, хотя цель достижения общества социальной гармонии является нормативной базой для обоих определений. Разница в том, что благие пожелания преодоления кризиса капиталистических стран по рецепту Ю. Хабермаса неизбежно ведут к конфронтации общества с властью, корпоративных интересов с государственными, личности и правящей системы. В Китае же при наличии народных правительств всех ступеней, местных органов исполнительной власти, формируемых из представителей разных социальных слоев, задача максимального участия граждан в решении государственных дел становится реально разрешимой. Именно на это нацеливает народ Китая инициатива КПК по построению социалистического гармоничного общества.

-
1. Жэньминь жибао. 2006. 27 окт.
 2. Жэньминь жибао. 2007. 25 окт.
 3. Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 87.
 4. Более подробно см.: *Костяева А.С.* Тайные общества Китая первой четверти XX века. М.: Вост. лит., 1995; *Тайные общества в старом Китае*/ Отв. ред. В.П. Илюшечкин. М.: Наука, 1970.
 5. *The NGO Community in China.* Beijing, 2002. P. 7.
 6. Время новостей. 2007. 9 июля.
 7. Жэньминь жибао. 2006. 27 окт.
 8. Линдао цзюецэ синьси. 2006. 14 апр.
 9. Материалы международной конференции по политике НГО в области сокращения бедности. Пекин, 2001.
 10. Жэньминь жибао. 2004. 14 апр.
 11. Жэньминь жибао. 2007. 25 окт.
 12. *Li Zhongqi, Pan Hongyan.* NGOs and Civil Society under the Context of Harmonious Community Construction: Practice and Review of China. — www.peasfromharmony.org.
 13. Жэньминь жибао. 2005. 11 марта.
 14. Из выступления на международной конференции по политике НГО в области сокращения бедности. Пекин, 2001.
 15. *Zhang Lirong, Jin Honglei.* Incentives to the Vitalization of the NGOs // *A Bi-dimensional Perspective: Journal of Hubei Administrative College.* 2003. April.

История

Помощь Советского Союза национальным армиям в Северном Китае в 1925 — 1927 гг.

© 2008

С. Александров

Национальные армии (Гоминьцзюнь — это название ранее переводилось как "народные армии Гоминьдана") появились на военно-политической арене Китая осенью 1924 г. в результате откола от группировки генерала У Пэйфу, контролировавшего центральный Китай, части войск под командованием генерала Фэн Юйсяна¹. Совершив переворот в Пекине 23 октября 1924 г., Фэн Юйсян переименовал свои войска в национальные армии и в качестве командующего 1-й Национальной армией занял столичный округ с Пекином и Внутреннюю Монголию. Другая группа войск, по преимуществу выходцы из провинции Шэньси, под командованием генерала Ху Цзинъи продолжала наступление на юг, изгнала остатки войск У Пэйфу из провинции Хэнань и осела там, приняв название 2-й Национальной армии. Ху стал дубанем (военным губернатором) этой провинции. Часть войск под командованием генерала Сунь Юэ повернула на запад, окончательно вытеснила войска У Пэйфу из провинции Шэньси и стала 3-й Национальной армией. Сунь Юэ сделался дубанем провинции Шэньси. Уже к концу 1924 г. численность национальных армий стала расти. Армия Фэн Юйсяна с 35 тыс. в сентябре 1924 г. выросла до более 100 тыс. чел. к концу лета 1925 г.; в армии Ху Цзинъи к лету 1925 г. насчитывалось до 250 тыс. солдат; армия Сунь Юэ выросла с 5 тыс. (октябрь 1924 г.) до 30 тыс. к лету 1925 г.² Национальные армии остро нуждались в поставках вооружения, обучении и боевой подготовке своего состава. В подконтрольных им районах не было arsenалов, а разрыв с У Пэйфу и обострение отношений с Чжан Цзолинем сделали невозможным получение англо-американского и японского оружия. В такой ситуации в начале 1925 г. национальные армии обратились в СССР за помощью оружием и советниками. "Обращение Фэна к нам за материальной помощью, — отмечал в своих воспоминаниях бывший советник Фэн Юйсяна А.В.Благодатов, — объяснялось его положением. Приглашение в войска советских советников по-видимому тоже было вынужденным"³.

Первым из руководителей национальных армий за помощью к СССР обратился командующий 2-й армией Ху Цзинъи. В конце декабря 1924 г. он пригласил Л.М. Карахана приехать в его резиденцию — Кайфэн. Затем 29 января 1925 г. Ху Цзинъи направил официальную делегацию к послу для переговоров. Делегация от имени Ху просила СССР о помощи 2-й армии, включая помощь со-

ветниками. Вслед за Ху Цзинъи, на этот раз уже прямо в Москву, обратился командующий 1-й армией Фэн Юйсян. Он также просил о помощи оружием и советниками.

Еще в первой половине 1923 г. приехавший в Китай в качестве полпреда А.А. Иоффе вступил в контакт с Фэн Юйсяном. Затем с Фэном познакомился прибывший в Пекин советский посол Л.М. Карахан. В то время Ли Дачжао настойчиво убеждал Л. Карахана и М.М. Бородина оказать помощь национальным армиям в целях борьбы с Чжан Цзолинем⁴.

Политбюро ЦК РКП(б) 13.03. 1925 г. рассмотрело предложение Л. Карахана об оказании помощи национальным армиям и признало “целесообразным” создание “за наш счет” двух военных школ в Калгане и Лояне, на что отпускалось на год 1 млн руб., а также “желательным” снабжение “сочувствующих Гоминьдану китайских войск” оружием советского образца за плату. Военное имущество отпускалось национальным армиям и Гоминьдану в кредит под векселя со сроком платежа через 2 года. Но эти векселя, как считают авторы сборника “ВКП(б), Коминтерн и национально-освободительное движение в Китае”, вряд ли были оплачены⁵. Часть помощи предоставлялась на условиях компенсации или полностью деньгами, или частично деньгами, частично сырьем (хлопок, чай и пр.)⁶.

Итак, советское правительство в марте 1925 г. приняло ряд решений об оказании национальным армиям помощи оружием и боеприпасами, а также о направлении советников и инструкторов.

С апреля по октябрь 1925 г. для войск Гоминьдана и Фэн Юйсяна было поставлено оружия на 4,6 млн руб. В 1925/1926 бюджетном году планировалось довести поставку оружия до 11 млн руб.⁷ По данным П. Балакшина, только на вооружение армии Фэн Юйсяна за один год было израсходовано свыше 6 млн руб.⁸

Вооружение для национальных армий поставлялось через Монголию по следующей схеме: Иркутск — Верхне-Удинск — Урга (ныне Улан-Батор) — Пинцзоань, откуда оно распределялось по национальным армиям⁹. Всеми вопросами, связанными с доставкой военных грузов, ведал уполномоченный РВС — Шиганов. Все имущество посылалось новое (за исключением отправленных двух первых партий японских винтовок)¹⁰.

Согласно донесению советнику в Калганской группе В.Е. Гореву о поставке оружия из Верхне-Удинска в Ургу от 23.07. 1925 г., всего национальным армиям предполагалось отправить 100 легких 3-х дюймовых пушек, 500 пулеметов “Максим”, 50 000 русских винтовок, соответствующее количество снарядов, ружейно-пулеметных патронов, амуниции и запасных частей для винтовок, пулеметов и пушек¹¹.

В донесении говорилось: “...Все грузы поступают в адрес Косича¹², который и направляет их далее по назначению, причем никакого распределения имущества между находящимися в Урге представителями от 1-й, 2-й и 3-й Народных армий нет. Само распределение производится в Пинцзоане, куда все грузы доставляются за счет самих представителей народных армий на их же автомобилях.

Косич из Пекина имеет указание в первую очередь из военного имущества направлять пушки и зарядные ящики, как грузы, требующие большего времени на доставку в Пинцзоань. Между тем, представители народных армий в первую очередь настоятельно требуют отправки винтовок и патронов, что Косичем не делается”¹³.

Автор донесения предлагал для большего упорядочения транспортировки военных грузов не стеснять Шиганова в средствах и регулярно снабжать его ими, а также просил более четких указаний из Пекина или из Москвы для Д.И.

Косича и сменившего его В.А. Кангелари¹⁴ по вопросам, связанным со снабжением военным имуществом народных армий. Во избежание задержек в поставках грузов из Урги в Пинцюань рекомендовалось увеличить количество автомобилей, занимающихся перевозкой¹⁵.

В северные армии по просьбе китайской стороны были также направлены две группы военных советников — калганская (основная) и кайфэнская, координировавшая работу с первой группой. Впоследствии, в сентябре 1926 г., на севере Китая была создана единая группа советников.

Калганская группа советников начала работать в 1-й Национальной армии Фэн Юйсяна весной 1925 г. В Москве ее готовили В.К. Путна, который с апреля по июль 1925 г. являлся начальником группы военных советников в Китае, и А.Я. Лапин, выполнявший функции начальника штаба¹⁶.

“Эта группа... была укомплектована при непосредственном участии тов. Фрунзе и на основе личного подбора, исходя из расчета на напряженную, но кратковременную боевую работу. Исходя из этой работы ее подбирали с личного согласия каждого, не из числа лиц, стремящихся посвятить себя продолжительной работе в Китае, связать свою жизнь с Китаем, подбирались лица, способные на напряженную работу с определенным подчеркнутым условием о службе в Китае сроком не свыше года, условием, освещенным авторитетом тов. Фрунзе”¹⁷, — сообщал в своем донесении от 15 января 1926 г. Македонский.

Подготовка к поездке в Китай группы заняла несколько месяцев. Из Москвы группа Путны отправилась двумя партиями. Одна партия уехала в Маньчжурию, а другая должна была ехать через Улан-Батор¹⁸.

О подготовке группы впоследствии писал в своем докладе начальник штаба Иван Корнеев: “За спешностью подбора последовала спешность подготовки. Не только подавляющее большинство группы не было знакомо с техникой конспирации, но и посылающие органы ее не соблюдали и не знали не только условий проезда по чужой территории, но и техники получения виз в Китпосольстве в Москве. Следствием этого явилась массовая явка новоиспеченных “коммерсантов” безо всяких деловых документов в Китпосольство в Москве, отказы в визах, новая явка с “документами”, поездка в специально прикрепленных вместо вагон-ресторана (для двух десятков “коммерсантов”!) спальных вагонах, штамп “Н.К.И.Д.” на проездных билетах “коммерсантов”, неловкости на границе и т.д. Москве совершенно не были известны условия поездки через Монголию, не требующие строгих формальностей, и т.п. В результате поездка группы через Манчжурию ни коим образом не могла укрыться от Чжановского (Чжан Цзолия — С.А.) и Японского сыска в Манчжурии”¹⁹.

Сам В.К. Путна инструкции о своей работе у Фэн Юйсяна получил от М.М. Бородина, Л.М. Карахана и А.И. Геккера “только на словах”. После ознакомления с положением на северо-западе Китая, настроениями в армии и военным потенциалом Фэн Юйсяна Путна уже сам представил свои соображения в докладе Л. Карахану. В докладе он охарактеризовал Фэн Юйсяна как милитариста, которого можно использовать в своих целях. Для этого автор предлагал поставить Фэна в зависимость от поставок советского вооружения и ограничить подготовку кадров для армии Фэн Юйсяна, а именно: “только подготовить кадры младших командиров и солдат для выполнения наших приказов, совершенно обойдя старший командный состав и оставив его на таком уровне неподготовленности, что он без нашей помощи не будет в состоянии управлять армией”²⁰.

В ответ Л.М. Карахан сообщал В.К. Путне о том, что Фэн Юйсян “уже полностью зависит от нас, поскольку у него нет, и не может быть, другого источника снабжения”²¹.

Группа состояла в апреле 1925 г. из 29 военных советников, двух политических работников, одного врача и четырех переводчиков²². К сентябрю число советников увеличилось до 35, в январе — феврале 1926 г. в Калганской группе работало уже 36 советников, в марте 1926 г. число советников уменьшилось до 27 чел. Кроме того, в группе работали прибывшие из СССР технические работники²³. Согласно докладу Македонского Карахану от 15.01.1926 г., к концу апреля 1926 г. планировалось заменить практически весь кадровый состав Калганской группы.

Такая потребность в личном составе определялась организационной схемой развития работы Калганской группы.

По предложению советников было решено вести работу по следующим направлениям: начать подготовку офицеров в специальных школах, помочь в создании мастерских по производству оружия и боеприпасов. Реализуя эти предложения, командование организовало школы: артиллерийскую (училось 114 чел.), пулеметную (180 слушателей), высшую пехотную, кавалерийскую (240 чел.), школу связи и инженерную (40 чел.)²⁴, командирскую школу в Пекине²⁵.

Из “Стенограммы беседы с т. Примаковым 15 февраля 1926 года” Ивановского (А.С. Бубнова) следует, что в Калгане была также создана школа контрразведывательной службы²⁶. Одновременно строились три бронепоезда, а их личный состав обучался стрельбе и боевым действиям на рельсах.

Советники составили программы, подготовили пособия, руководили учебным процессом. Первый выпуск офицеров (240 кавалеристов, 114 артиллеристов), был проведен в конце сентября 1925 г., 70 курсантов окончили инженерную школу, 38 генералов и офицеров окончили высшую пехотную школу и т. д. В результате деятельности советников в армии была создана кавалерия как особый род войск.

5 июня 1925 г. Китайская комиссия (Фрунзе, Чичерин, Сокольников, Уншлихт, Лонгва) приняла решение о формировании интернационального отряда на территории Монголии для оказания помощи Фэн Юйсяну. Отряд должен был включать кавалерийский полк, взвод конной артиллерии и отряд из 3-х бронемашин. На создание отряда отпускался срок в 2—3 месяца. Формирование отряда и обеспечение его военным имуществом и лошадьми должно было происходить за счет СССР, а с момента ввода в действие он должен был перейти на содержание Фэн Юйсяна. Расходы на формирование отряда не должны были превышать 1,5 млн руб. и производиться за счет имеющегося у Дальревкома опийного фонда²⁷.

Командиром отряда был А.Ф. Гушин. К марту 1926 г. “отряд ничего не получил и отношение к нему со стороны китайского командования неважное. Денег не дают. Лошадей наметили таких, которые годятся вряд ли в обоз”²⁸. Такую характеристику давал отряду некто Гриша (вероятно Х.И. Салнын — С.А.) в своем донесении А. Лапину от 2.03. 1926 г.

В целом А.В. Благодатов отмечает низкую эффективность использования советских советников в Национальной армии Фэн Юйсяна, что было связано с политикой Фэна и его опасениями потерять контроль над ней.

Если услугами советских связистов, артиллеристов, пехотинцев, кавалеристов, инженеров в национальных армиях пользовались, то было откровенно заявлено, что в услугах политработников там не нуждаются. Зачастую с нашими советниками в армии Фэна не считались, использовали их как инструкторов, “разъясняющих смысл уставов”.

Хотя советские специалисты в 1-й армии проделали большую работу в школах и в войсках, отношение к ним со стороны командования с изменением военно-политической обстановки становилось, по меньшей мере, осторожным. Так советник Л. Тонких, который после работы в Кайфэнской группе был отправлен в Пекин, писал оттуда Карахану об отношении к оперативным советникам по опыту Южной группы 1-й армии в марте 1926 г.: "Отношение к нам, как к советникам, со стороны командования группы было весьма сдержанным. Никаких забот, вызываемых обычным гостеприимством, проявлено не было. Довольно недвусмысленно показывалось, что мы не вполне желанные гости. При всех передвижениях штаба мы ни разу не были предупреждены; узнавали, когда переезд штаба уже начинался. Информировал нас штаб не вполне; многое скрывалось или сообщалось тогда, когда уже было проведено в жизнь"²⁹.

Единственная и несомненная польза от командирования советника в какую-либо войсковую группу, по мнению Тонких, "его разведывательная работа, т.е. работа по изучению во всех отношениях группы, к которой он прикомандирован. Если этой цели не преследуется, то командирование советников, по меньшей мере, бесполезно"³⁰.

Среди причин, повлиявших на нормальный ход развития инструкторской работы в армии Фэн Юйсяна, помимо настороженного отношения командования армии к советским советникам, можно отметить и характер задачи, поставленной Москвой перед группой. По словам начальника штаба группы Ивана Корнеева, "Москва представляла обстановку так, что военные действия — выступления национально-революционной армии с национально-революционными целями должно произойти в ближайший месяц-два, и соответственно, рисовала задачу группы как руководство национально-освободительной борьбой армии. При этом исходили из кратковременности войн в Китае и определили срок работы от 6 месяцев до одного года"³¹.

Как уже отмечалось выше, подбор личного состава группы предопределял, что долго проработать в Китае она не способна. Опасения, что "отсутствие своевременной замены не замедлит вызвать упадок настроения, апатию к работе и разногласия сначала у наименее стойких элементов группы, а затем и у большинства" побудили руководство группы указать на необходимость присылки свежих работников³².

2-я и 3-я Национальные армии формально были самостоятельными, но фактически подчинялись Фэн Юйсяну, в группу войск которого входили. Штаб их командования находился в Кайфэне, главном городе Хэнани. 3-я армия не имела определенного местопребывания, и штаб ее путешествовал из Баодинфу (провинция Чжили) в Кайфэн, оттуда в провинцию Шэньси, затем опять в Баодинфу и т. д. В Кайфэне же находилась группа советских специалистов. Инструкторская группа во 2-й армии прибыла в Кайфэн двумя частями 21 и 28 июня 1925 г. в составе 44 человек, из которых 34 были военно-техническими работниками, причем десять из них имели высшее военное образование, шесть окончили школу "Выстрел", в ней также имелись врач, два инженера (специалисты по боеприпасам), шесть политработников и 4 переводчика, (два из них студенты-практиканты младшего курса востоковедческих вузов едва могли объясняться по-китайски в бытовом обиходе и всерьез приниматься за переводчиков для инструкторской работы не могли)³³. Приведенные цифры отличаются от цифр, указанных Благодатовым, который пишет, что инструкторская группа состояла из 43 человек, среди которых было семь политработников и пять переводчиков³⁴. Число советни-

ков в группе со временем уменьшалось. Так в сентябре 1925 г. в ней было 30 человек, в ноябре 1925 г. — 22³⁵, а в середине января 1926 г. уже 18³⁶.

Инструкторы из России не встретили в Кайфэне почти никакой поддержки ни со стороны Юэ Вэйцзюня — дубаня провинции Хэнань и начальника 2-й армии, ни со стороны окружавших его генералов. Это объяснялось во многом тем, что изначально советническую помощь запрашивал бывший дубань провинции и начальник 2-й армии — Ху Цзинъи. Однако его ближайшие помощники не разделяли его взглядов в отношении реорганизации армии с помощью советских советников и воспринимали инструкторскую помощь в качестве неизбежного приложения к материальной помощи. Пример подобного отношения к советникам из России приводит советник Никулин: «Перед Юэ встал вопрос: порвать ли окончательно всякую связь с русскими, которых пригласил Ху, или же формально допустить к работе, но ни в коем случае не давать распространения своего влияния на войска, всякие же попытки влезания внутрь, которые неизбежны даже при формальной работе — нейтрализовать какими бы то ни было способами. До тех пор, пока в Кайфэне находилось только наше представительство, Юэ поддерживал с нашими товарищами более менее тесную связь /дело доходило до того, что он начал изучать политэкономия/. Но как только почувствовал приближение грозы, т.е. получил сведения о том, что на днях в армию прибудет ок. 30 человек русских инструкторов, срочно начал бить отбой... Видя не материальную помощь, а людскую, он срочно прекратил свои поездки на изучение политэкономии»³⁷.

В начале июля 1925 г. советники выработали план работы, по которому нужно было организовать инструкторскую работу в штабе 2-й армии, в частности, отмечалась необходимость участия наших инструкторов в организации и работе оперативного и разведывательного отделений. Исходя из оценки военно-политической ситуации на Севере Китая, а именно, учитывая возможность близкого наступления войны, в плане делался упор на создание краткосрочных, 3-месячных, курсов для переподготовки старшего комсостава: комполков и по возможности комбригов. Помимо старшего командного состава внимание уделялось также подготовке среднего комсостава. Для этой цели предполагалось создать полугодичную школу для ротных и батальонных командиров, занятия у которых должны были вестись с таким расчетом, чтобы в случае наступления войны даже через 3 месяца курсанты уже могли бы практически применить наиболее необходимые полученные в школе знания на практике. Планировалось также создать при школе образцовый отряд в 1 — 5 тыс. чел. (пехота, артиллерия и кавалерия), который являлся бы и учебным для школы и мог бы в случае войны быть ударным отрядом армии.

План этот был составлен применительно к устным указаниям, данным военным атташе Н.М. Ворониным при отъезде группы из Пекина начальнику группы и его заместителю и помощнику по военным делам³⁸. План Юэ Вэйцзюнь одобрил, но этим дело и кончилось.

Согласно докладу начальника Кайфэнской группы советников Г.Б. Скалова (Синани) Л.М. Карахану от 4. 04.1926 г., в период с июля по конец октября 1925 г. группой советников было сделано следующее: прочитан ряд лекций в военной школе, проведены 6-недельные стрелковые курсы для 46-ти комвзводов в 7-й дивизии и затем организованы курсы «по полевой и строевой службе», но работа их прекратилась вследствие начавшейся войны. Кроме вышеназванных курсов группой т. Зимина был проинструктирован штаб 7-й дивизии и по ее же указаниям прошла организация саперной роты и артиллерийской батареи. Кроме того, велись несистемные занятия в 1-й бригаде 1-й дивизии, и в весьма не-

большом размере велась инструкторская работа по стрелковому делу и по тактике в 1-й кавалерийской бригаде³⁹.

Одной из причин, не позволявших вести нормальную работу, было отсутствие должного количества переводчиков.

В июле отдельные наши советники получили приглашения в некоторые части и соединения 2-й Национальной армии. В Лоян отправилась группа В.М. Акимова, в дивизию генерала Дэн Баошаня — Зимин со своей группой, в которую входили Силин, Махочкеев и Валин⁴⁰, в кавалерийскую бригаду близ Кайфэна — Никулин и в Кайфэн, в военную школу — группа Лубе (Никулин). Эта школа на 2400 курсантов, организованная наподобие школы Вампу в Гуанчжоу, должна была сыграть большую роль в повышении боевой выучки Национальной армии. Она состояла из 18-ти отделений: 4 артиллерийских, 27 кавалерийских, 2 инженерных, 1 связи, 9 пехотных. Для школы советники составили учебную программу, приложив к ней объяснительную записку, и подали ее дубаню, но он отверг ее.

В начале ноября было уже около 2800 слушателей, сведенных в 18 отделений: 2 артиллерийских, 2 кавалерийских, 1 инженерное, 13 пехотных. С началом военных действий около 1000 слушателей было отправлено на фронт, а остальные сведены в 11 отделений: 8 пехотных, 1 артиллерийское, 1 кавалерийское, 1 инженерное⁴¹.

К декабрю 1925 г. работа советников в военной школе состояла в следующем: а) в чтении лекций по тактике мелких конных частей т. Лубе в кавалерийском отделении, б) в чтении лекций о стрельбе с закрытых позиций т. Роланом (Благодатовым. — Авт.) в арт. группе, в) в чтении лекций т. Рудневым по артиллерии (общие сведения) в пехотных группах школы и г) в оборудовании в школе ящика с песком (т. Васин)⁴².

Благодатов подчеркивает, что советникам удалось убедить школьное начальство в том, что они действительно военные работники, а не агитаторы⁴³.

Фэн Юйсян и командование армии высоко оценили работу советников по подготовке и переподготовке офицерского состава.

За время работы советских инструкторов в учебных центрах по подготовке командных кадров при 1-й и 2-й Национальных армиях, в них прошло обучение в общей сложности около 4200 человек⁴⁴.

Важнейшим направлением деятельности советских специалистов была помощь в создании мастерских по производству оружия, боеприпасов и т. п.

СССР оказывал северным армиям и прямую военную помощь. За время работы группы во 2-й армии ей было передано 2000 винтовок и 3 000 000 патронов.

Содержание самой группы с июня 1925 г. по март 1926 г. обошлось в сумму около 70 000 американских долларов.

Всего в северные армии с марта 1925 г. по июль 1926 г. было поставлено более 40 тыс. винтовок, около 75 млн винтовочных патронов, 60 орудий, 12 горных пушек, более 10 тыс. ручных гранат, 230 пулеметов с патронами к ним, 18 бомбометов, медикаменты, три самолета⁴⁵. К октябрю 1926 г. поставили еще 3,5 тыс. винтовок, 11,5 млн патронов, 4 тыс. шашек, 10 огнеметов и т.д.⁴⁶

Помощь СССР и присутствие военных советников оказывали положительное влияние на политическую обстановку, создавали благоприятные условия для дальнейшего подъема освободительной борьбы. Определенное значение в этом плане имела попытка организации политической работы в национальных армиях. Инициаторами в этом вопросе были Гомиьндан и КПК, которые через Ли Дачжао обратились к советникам с просьбой наладить политработу в нацио-

нальных армиях. На самом деле в национальных армиях ощущалась необходимость в советниках-связистах, артиллеристах, пехотинцах и т.д., но не в политработниках. Так, С.Н. Наумов пишет, что “в армии Фэн Юйсяна никакой политической работы не ведется, кроме пропаганды христианства, приверженцем которого был сам маршал”⁴⁷. Всей “политработой” занимались пасторы. Тем не менее, Путна договорился, что в некоторых наиболее крупных соединениях 1-й Национальной армии будут организованы гарнизонные клубы, в которых будет осуществляться “дополнительная” политработа. В этих клубах вели активную деятельность китайские коммунисты, хотя они и скрывали свою принадлежность к КПК. В них около месяца работал С.Н. Наумов вместе с другим советником Десятченко. “В конце концов, — пишет Наумов, — В. К. Путна, убедившись в фактической бесполезности нашего пребывания в 1-й Национальной армии, рекомендовал нам уехать в Пекин”⁴⁸. Это был один из примеров отношения к советским политработникам в национальных армиях.

Тем не менее, Фэн Юйсян задумал организовать в Пекине специальную школу, где бы студентов превращали в командиров. Это была командирская школа по подготовке офицерских кадров для его армии. В ней активную работу вел В.М. Примаков. Затем ему на помощь были посланы и другие политработники, а сам он выступал в качестве общей советника. Были у него помощники по разным родам войск — артиллеристы и связисты, которые в это время находились в Пекине. Также Примакову в этой школе помогали С.Н. Наумов, О. Тарханов (Эрдберг) и А.Б. Бакулин.

Несмотря на все усилия советников, к осени 1925 г. армия Фэн Юйсяна не была готова к борьбе с хорошо вооруженной и дисциплинированной армией Чжан Цзолия. Война началась в ноябре 1925 г. Национальные армии, координируя свои действия с восставшим против Чжан Цзолия Го Сунлином, начали наступление на позиции фэнтяньцев (мукденцев). Эта операция ставила своей целью разгром фэнтяньской клики, создание в Пекине национального правительства, дружественного революционному Югу.

К концу 1925 г. национальные армии втянулись в военные действия и к ноябрю сражались фактически на трех фронтах — против войск Чжан Цзолия, армии У Пэйфу, а также шаньдунских милитаристов.

Центральное место в этой военной кампании заняла Тяньцзиньская операция. Фэн Юйсян предложил Примакову представить свои соображения о наступлении на Тяньцзинь. В разработанном плане операции основная роль отводилась вновь созданному конному корпусу и артиллерии. Фэн Юйсян предложил также группе советников составить план развертывания тылов, эвакуации больных и раненых, устройства госпиталей, что и было сделано. Советником по тылу был Н.Т. Рогов (И. Лодзинский). Командование Тяньцзиньской операцией было возложено на Чжан Цзицзяна. Но тот, пользуясь отсутствием Фэн Юйсяна, отказался от предложений советских специалистов, затянул сроки наступления, упустил время, позволив противнику разделаться с Го Сунлином. Только 24 декабря Тяньцзинь был взят. В боях участвовала артиллерия, действовавшая под руководством советников, и советские летчики-добровольцы Степанов, Пятницкий, Шестаков. Бои под Тяньцзинем показали, что войска мукденской группировки гораздо лучше подготовлены, чем войска национальных армий, особенно 2-й и 3-й (советником при ней был В.Н. Львов).

Работу советских инструкторов во время Тяньцзиньской операции следующим образом охарактеризовал Македонский в донесении от 15.01.1926 г.: “...Они смогли оказать весьма малое влияние на ход операции. Только на броне-

поезде, построенном под руководством наших работников, последние пользовались большим влиянием, мы даже оказывали фактическое командование поездами. Последнее обстоятельство отчасти объясняется и персональными качествами полковника Чжана — командира бронепоезда.

В общем, роль наших работников в армии больше сводилась к роли наблюдателей. ...Генералы армии Фэна не только не соглашались с советами наших работников, но часто избегали их выслушивать и затрудняли осведомление об обстановке. Тем не менее, авторитет наших военных работников во время Тяньцзиньской операции усилился, особенно среди солдат и младшего офицерского состава"⁴⁹.

Слабую подготовку войск национальных армий А.Я. Лапин, замещавший в апреле 1926 г. военного атташе, объяснял во многом отсутствием прослойки среднего офицерского состава, "на которую можно бы было опереться в деле поднятия тактико-боевого уровня и политического воспитания Народной армии"⁵⁰. Понимая важность создания такой прослойки и отмечая, что неполноценность военной работы советских инструкторов, в значительной мере была следствием отсутствия таких кадров, Лапин написал докладную записку от 16.04.1926 начальнику комиссии, работавшей в Китае, А.С. Бубнову, а также Карахану о необходимости создания школы на территории СССР. В этой записке он определил основные цели создания школы, и привел отправные данные для организации школы⁵¹.

В связи с обострением военно-политической ситуации на севере Китая и перенесением своего внимания полностью на южную революционную базу в Гуандуне, московское руководство так и не пошло на создание такой школы.

Тяньцзиньская операция, а точнее — вся кампания, прервала нормальную работу инструкторского состава. Это касается плановой работы (главным образом, в 1-й армии), рассчитанной еще на несколько месяцев и долженствовавшей дать законченные результаты. Во 2-й армии "Тяньцзиньская операция" застала наших инструкторов все еще за "завоеванием доверия и попытками внедриться" и сорвала с таким трудом налаживаемую работу в школе. В 3-й армии инструкторская работа вообще налажена не была.

В январе 1926 г. Фэн Юйсян пригласил к себе своего военного советника (Примакова) и сообщил ему, что в сложной обстановке он не хочет идти на соглашение с японцами и не может продолжать борьбу. Он предпочитает "уйти от дел" и поехать на учебу в СССР. Беседа состоялась 2 января. Фэн Юйсян назвал причины, по которым, как он считает, народные армии "спасти государство не могут":

а) Нет достаточной любви к народу. Где ни проходят народные армии, они притесняют народ. А я, главнокомандующий, оказываюсь разбойником; б) Не хватает вооружения: нет патронов, снарядов, нет аэропланов, оружие негодно к употреблению; в) Неподчинение приказаниям⁵².

На вопрос Примакова, окончательное ли это решение, Фэн ответил: "...я могу и не поехать, если мне смогут помочь в достаточной мере"⁵³.

Фэн Юйсян намеревался приобрести в СССР следующее вооружение: аэропланов 100 шт., но никак не меньше 50 шт.; пулеметов 400 шт., но никак не меньше 300 шт.; танков 100 шт., но никак не меньше 50 шт.; полевых орудий 100 шт., но никак не меньше 80 шт.; винтовок не меньше 30.000; патронов калибра 7,9 — 100.000.000; патронов калибра 6,5 — 100.000.000; снарядов к пушкам "Круппа", "Шкода" и "Арисака". Все это должно быть доставлено морем до Тяньцзиня. Фэн также пожелал установить сроки доставки и посетовал на то, что аэропланы через Ургу идут уже полгода⁵⁴. На вопрос об условиях оплаты и сроках внесения денег Фэн ответил, что может сделать первый взнос в 300—400 тыс., а ос-

тальное вносить в установленные сроки⁵⁵. Ключевым моментом в этом разговоре явился вопрос Примакова о том, что “можно ли сообщить Карахану, что Ваш отъезд окончательно не решен и зависит от быстроты помощи Вам?” Фэн ответил: “Да”⁵⁶.

Интересно, что после разговора с Фэн Юйсяном у Примакова создалось впечатление, что он никуда не уедет, просто, “пользуясь случаем, не прочь нас пошантажировать”⁵⁷.

9 мая в сопровождении Примакова Фэн приехал в Москву, где встречался и беседовал с Чичериним, Калининим, Троцким, Луначарским и Крупской. И. Сталин в это время был на юге и прислал ему привет. Фэн выступил с речью перед студентами МГУ, посетил фабрики, школы, библиотеки, музеи, воинские части, санатории. Увиденное в СССР произвело на него большое впечатление. Под этим впечатлением 23 июля 1926 г. Фэн Юйсян составил план социально-политических реформ в Китае⁵⁸.

В середине августа Фэн Юйсян подписал документы об оплате военных поставок, полученных до 1 июня 1926 г., на общую сумму 6 млн руб. и 4, 5 млн руб. — за будущие поставки⁵⁹.

В начале сентября в сопровождении советника Усманова (М.В.Сангурский) Фэн Юйсян возвратился в Китай. К этому времени Национально-революционная армия, начавшая Северный поход, одерживая одну победу за другой, вступила в провинции Центрального Китая. Фэн Юйсян просил Москву направить к нему главным военным советником Примакова или Путну. Но тот и другой уже получили новые назначения. Советником Фэн Юйсяна был назначен М.В. Сангурский. В период Северного похода национальные армии по-прежнему согласовывали планы военных операций с командованием НРА, оказывая тем самым немалую поддержку Югу.

Довольно объективные общие и частные выводы о работе советских советников в национальных армиях Северного Китая, с которыми вполне можно согласиться, приводит в докладе военный референт при полномочном представителе СССР в Китае⁶⁰ от 12.02. 1926 г: “Ошибки были с одной стороны организационного порядка, с другой — технического. Ошибками а) организационными, общими надо считать:

- 1) недостаточное выяснение сущности и природы нынешней “народной армии” и одинаковая оценка величин имевших переменный характер; 2) искусственность насаждения инструкторской “группы” без учета и согласования с действительной необходимостью; 3) недостаточная политическая подготовка почвы для внедрения инструкторства и несогласование последнего с моментами китайской материальной заинтересованности (оружие). Примечание: принцип договора в тогдашних условиях инициативности и только начинающегося завоевания доверия, конечно, едва ли мог быть проведен; здесь просто оружие всякий раз должно было предшествовать инструкторскому нажиму, а не наоборот. 4) ранний допуск “самостоятельности” военного инструкторства без согласования с развитием работы Гоминьдана. Инструкторство от этого утрачивало известную долю политической базы. Примечание: положительный пример — Кантон, где Гоминьдан являлся надежным контрфорсом нашего инструкторства; 5) несоответствие политических требований к армиям с размерами оказываемой им “помощи”. Отсутствие маскировки военной помощи другими видами (сельскохозяйственной, технической, научной, медицинской и т.п.); 7) отсутствие фактического направления работы “групп”.

б) Организационные, частные: 1) Случайный подбор сотрудников “групп”, качественно и количественно не соответствующий первоначальным требованиям надобности; 2) Неправильный подбор “возглавляющей” группы... то сильные политические работники и слабые военные специалисты, то при сильном военном специалисте слабый политический помощник. Слабые начальники штабов не поставившие (или может быть не имевшие возможности поставить) учет и изучение обстановки. Острый недостаток переводчиков, часто парализовавший работу; 3) Не установленные четкие взаимоотношения между начальниками и подчиненными в группе — то “панибратство”, то “командирство”. Образование внутригрупповых группировок — “избранных”, “вьючных”, “нежелательных” и т.п.; 4) Неясность и условность взаимоотношений “групп” и Пекина; 5) Путаность в вопросе “политработы”.

Технические: а) общие: 1) Предвзятый, теоретический подход к работе, искусственность “планов”, с постепенным уже вынужденным корректированием на действительность; 2) Несогласование принятых программ и методов работ с имеющимися средствами (перегрузка и вынужденная специализация); 3) слабое руководство отдельными “подгруппами”, разбросанными по разным стоянкам, неуделение внимания их нуждам.

б) частные: — в большинстве являются производными от общих.

Переходя к выводам, надо сказать, что в общем наша инструкторская работа при устранении отмеченных ошибок вполне возможна, но размеры и ход ее должны быть согласованы с условиями обстановки... Затем, вообще должны быть пересмотрены и объем и порядок нашей работы; введены поправки на согласование военной и политической стороны. Относительно советников при маршалах и генералах надо сказать, что до сих пор их не было, подавать совет — еще не значит стать советником. Этот вопрос трудно рассматривать самостоятельно, ибо он неразрывно связан с целым рядом условий уже отмеченных в докладе⁶¹.

1. Подробнее о Фэн Юйсяне и его деятельности см.: Каретина Г.С. Военно-политические группировки Северного Китая (эволюция китайского милитаризма в 20-30-е годы XX в.). Владивосток: Дальнаука. 2001.
2. Новейшая история Китая, 1917—1927. М.: Наука, 1983. С. 190.
3. Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925—1927 гг. М.: Наука, 1970. С. 39.
4. Каретина Г.С. Указ. соч. С. 91.
5. ВКП(б), Коминтерн и национально освободительное движение в Китае: Документы: 1920—1925 / М.Л. Титаренко, Го Хэнъюй и др. М., Буклет: 1994. С. 494.
6. Там же. С. 547.
7. Там же. С. 494.
8. Балакшин П. Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Сан Франциско; Париж; Нью Йорк: Сириус, 1958. С. 35; Усов В.Н. Советская разведка в Китае, 20-е годы XX в. М.: Олма-пресс. 2002. С. 232.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 627, Оп. 1, Д. 17, Л. 4.
10. Там же.
11. Там же. Л. 4—5.
12. Косич Д.И. (1886—1937) — в 1923—1925 гг. — начальник штаба Монгольской народной армии. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.
13. РГАСПИ. Ф. 627, оп. 1, л. 17, л. 6-7.
14. Кангслари В.А. (?-?) — в 1925—1927 гг. начальник штаба Монгольской народной армии. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.
15. РГАСПИ. Ф. 627, оп. 1, л. 17, л. 7.

16. *Наумов С. Н.* В армии Фэн Юй-сяна // На китайской земле: Воспоминания советских добровольцев 1925 — 1945. М.: Наука, 1974. С. 23.
17. РГАСПИ. Ф. 627, оп. 1, л. 15, л. 8 — 9.
18. *Наумов С. Н.* Указ. соч. С. 23.
19. РГАСПИ. Ф. 627, оп. 1, л. 17, л. 208, 209; Цит. по: *Линдер И.Б., Чуркин С. А.* Красная паутина: Тайны разведки Коминтерна. М.: РИПОЛ классик, 2005. С. 320—321.
20. *Балакшин П.* Ук. соч. С. 37.
21. Там же.
22. *Балакшин П.* Указ. соч. С. 35.
23. *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. С. 230.
24. *Благодатов А.В.* Указ. соч. 42-43.
25. *Наумов С.Н.* Указ. соч. С. 27.
26. *Примаков В.М.* Записки волонтера. М.: Наука, 1967. С. 202.
27. *Линдер И.Б., Чуркин С. А.* Красная паутина: Тайны разведки Коминтерна, 1919—1943. С. 322.
28. РГАСПИ. Ф. 627, оп. 1, л. 17, л. 59.
29. РГАСПИ. Ф. 627, оп. 1, л. 17, л. 131.
30. Там же.
31. Там же. Л. 208.
32. Там же. Ф. 627, оп. 1, л. 15, л. 9.
33. РГАСПИ. Ф. 627, оп.1, д.1 8, л. 230.
34. *Благодатов А.В.* Указ. соч. С. 58.
35. *Усов В.Н.* Указ. соч. С. 234.
36. РГАСПИ. Ф. 627, оп.1, д.1 5, л. 25—26.
37. РГАСПИ. Ф. 627, оп.1, д.1 8, л. 76, 82.
38. Там же. Л. 230—231.
39. Там же. Л. 232—235.
40. Там же. Л. 1.
41. Там же. Л. 102.
42. Там же. Л. 1.
43. Там же. Л. 107.
44. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа/ Под ред. К.П. Агеенко. М.: Наука, 1975. С. 26.
45. Новейшая история, 1917—1927. С. 190.
46. *Каретина Г.С.* Указ. соч. С. 93.
47. *Наумов С. Н.* Указ. соч. С. 24.
48. Там же.
49. РГАСПИ. Ф. 627, оп.1, л. 15, л. 5.
50. Там же. Л. 99.
51. РГАСПИ. Там же. Л. 99—105.
52. РГАСПИ. Ф. 627, оп.1, л. 17, л. 28.
53. Там же. Л. 31.
54. Там же.
55. Там же.
56. Там же.
57. РГАСПИ. Ф. 627, оп.1, л. 17, л. 32.
58. *Каретина Г.С.* Указ. соч. С. 99.
59. Там же.
60. Вероятно, П.П. Каратьгин (Рагон), инспектирующий деятельность военных советников.
61. РГАСПИ. Ф. 627, оп.1, л. 15, л. 56—81.

Политические результаты географических экспедиций в Приамурский пограничный регион в середине XIX в.

© 2008

И. Захаренко

До середины XIX в. Дальневосточное пограничное пространство находилось в известной степени в стороне от геополитических и экономических интересов Российской империи и Цинского Китая и поэтому происходившим на его территории событиям мало уделялось внимания правительствами как в Санкт-Петербурге, так и в Пекине. Фактически регион был нейтральной зоной между двумя империями. Маньчжурские купцы, встреченные русскими в селении Горин в низовьях Амура, свидетельствовали, что "все население этого края, лежащего между Буреинским хребтом и морем, не платит ясак китайцам, так как Китай считает этот край находящимся в неопределенном положении (то есть, как выражались маньчжуры, как бы не китайским и не вашим), потому что, говорили они, давно были заключены русскими с Китаем какие-то условия"¹.

Но в середине XIX в. геополитическая обстановка изменилась и прямая угроза военного конфликта с Англией и Францией и появление в северной части Тихого океана английских и французских военных кораблей повлияли на активизацию действий России на Дальнем Востоке. Англо-китайская (первая "опиумная") война 1840—1842 гг. пробила брешь в системе самоизоляции Китая, способствуя не только его втягиванию в отношения мирового рынка, но и постепенному подчинению этой страны политическому диктату европейских держав, прежде всего Великобритании.

Англо-китайская война значительно активизировала дальневосточную политику России. Как только стали известны в Санкт-Петербурге ее результаты, российским правительством были обозначены задачи следующего характера:

Организовать и провести географическое изучение дальневосточного трансграничного региона на предмет его геополитической, стратегической и экономической "полезности";

Определить стратегическую направленность колониальной деятельности Англии в Северной и Восточной Азии и возможность захвата амурских территорий;

Установить, как традиционная структура этой обширной империи с ее тысячелетними традициями будет реагировать на колониальную европейскую экспансию и сможет ли выдержать ее давление;

Наметить способы действий России в ответ на колониальный захват Китая европейскими государствами и дальнейшие действия на случай раздела Китая и свержение цинской династии.

Сибирская экспедиция А.Ф. Миддендорфа

В истории присоединения Амурской страны к России основополагающую роль сыграли пять выдающихся деятелей: ученые — А.Ф. Миддендорф и Л.Э. Шварц, морской и сухопутный офицеры — Г.И. Невельской и Н.Х. Агте, администратор — Генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-адъютант Н.Н. Муравьев. Именно благодаря их решительности, целеустремленности и патриотизму стало возможным проведение исследования и последующего освоения Дальневосточного трансграничного региона. Заслуги Г.И. Невельского и Н.Н. Муравьева неоспоримы. Но сам «амурский вопрос» в 40-х гг. XIX в. привлек к себе внимание и Николая I, и его министров, прежде всего благодаря сведениям, собранным А.Ф. Миддендорфом во время Сибирской экспедиции, которые «совершенно изменили существующий в России взгляд на Амурский край и послужили поводом к тем мерам, которые привели к включению этого края в пределы империи»².

По рекомендации К. Бэра в 1842 г. Петербургская Академия наук поручила доктору медицины, натуралисту и географу А.Ф. Миддендорфу организовать экспедицию в Северную и Восточную Сибирь. Пространства, исследованные А.Ф. Миддендорфом, простирались от Таймырского полуострова до побережья Охотского моря, Станового хребта — горной страны, лежащей между бассейнами рек Лены и Амура.

20 сентября (4 октября) 1844 г. от устья Тугура А.Ф. Миддендорф и военный топограф В.В. Ваганов в сопровождении якутских проводников отправились к западу вдоль южного склона Станового хребта — через горы и «дремучие девственные леса». Двигаясь по маршруту, Миддендорф собирал сведения о народах, живущих между Становым хребтом, Охотским морем и Амуром. Необходимо было выяснить их государственную принадлежность, численность и племенной состав. Было установлено, что народности натку и независимые гиляки — «одноплеменцы жителей островов Курильских»; тунгусы считают себя подданными российского императора, а нигидальцы, шамауги, гурауги, манегирей и догурцы — подданными Китая.

8 (20) октября, после шестидневной стоянки в Бурукане путешественники перешли на р. Нимелен (система Амгуни), а оттуда по одному из его западных притоков достигли северного продолжения Буреинского хребта — название, впервые предложенное Миддендорфом. Перевалив в долину Буреи, члены экспедиции спустились по ней до устья Нимана, а по нему и его притокам прошли в бассейн Селемджи. На всем протяжении пути Ваганов производил съемку, а Миддендорф с помощью компаса определял направление рек и хребтов, изучал рельеф местности. Все это позволило «тщательно занося на бумагу наш маршрут и проверяя, сколько было возможно критически, множество показаний на мои расспросы, составить картину Амурского края, которая бросала новый свет на эту страну»³.

Из Инкани экспедиция направилась к Зее, но не вниз по Селемдже, а на северо-запад, пересекая Нору, Дугду, Тукси, Дел, Сирик, Тымну (у Миддендорфа Тымгу). Можно полагать, что ученый спустился к Зее по долине небольшого ее притока Алгая (у Миддендорфа Эльге). По льду Зеи Миддендорф поднялся до устья Гилюя и по нему пошел на запад. Долина Гилюя в нижнем течении врезана глубоко, склоны ее крутые и высокие. Это заставило экспедицию следовать всем изгибам долины. Через 93 версты (102 км) путешествен-

ник свернул на запад. На этом участке Гилюя есть только одно удобное место для подъема на коренной берег — по долине реки Аргаскит, впадающей в Гилюю.

Повернув от устья Гилюя к юго-западу, и 12 (24) января отряд вышел на Амур в 1 км ниже устья р. Омутной (Обкани). В Усть-Стрелку Миддендорф прибыл 14 (26) января, а затем почтовым трактом через Нерчинск и Кяхту Миддендорф и Ваганов 3 февраля приехали в Иркутск. Ваганов остался в Иркутске, а Миддендорф вернулся в Петербург.

Сибирское путешествие А.Ф. Миддендорфа длилось 841 день, при этом было пройдено на лошадах, собаках, оленях, на лодках и пешком около 30 тысяч километров. И это по труднодоступным тундрам Таймыра, по таежно-горным дебрям Якутии, Приохотья и Приамурья. А.Ф. Миддендорф был первым из ученых, побывавших на склонах Станового хребта. Он обнаружил, что эта горная страна, известная еще со времен первых русских землепроходцев, не составляет единого хребта.

По своей значимости научная экспедиция А.Ф. Миддендорфа в заключительной своей стадии перешла из положения географической в разряд политической. В своем последнем отчете об экспедиции ученый сообщал, что на южном склоне Станового хребта живут тунгусы, которые платят ясак в Якутск, а не китайскому императору. Южнее он встречал гиляков — народ, тогда еще неизвестный ученым и независимый ни от китайского, ни от российского императоров. Судя по наблюдениям и собранным ученым сведениям, граница никем не охранялась. Он сам видел пограничный знак, поставленный китайцами к югу от Станового хребта, а местные тунгусы рассказали ему о двух других знаках. Поэтому А.Ф. Миддендорф пришел к выводу, что китайское правительство считает, что граница находится южнее этой горной цепи и тем самым “увеличивает” пространство России.

Результаты экспедиции А.Ф. Миддендорфа произвели в Петербурге большой политический и научный резонанс. Особое внимание к открытиям естествоиспытателя проявили три ведомства — Петербургская академия наук, Министерство иностранных дел и Военное министерство. Сразу после прибытия из экспедиции А.Ф. Миддендорф имел встречу с Генерал-квартирмейстером Главного штаба и начальником Корпуса топографов Ф.Ф. Бергом. Высокопоставленного генерала, непосредственно отвечавшего за производство рекогносцировочных работ по всему пограничному пространству России, интересовали сведения об обстановке на российско-китайской границе и практические вопросы реализации пограничной политики России на дальневосточных ее рубежах.

Стараясь опередить военное ведомство, 25 марта 1845 г. Президент Петербургской Академии наук и Министр народного просвещения С.С. Уваров докладывал об окончании Сибирской экспедиции Николаю I. Причиной такой поспешности были представленные сведения Миддендорфа о государственной границе с Китаем. Срочным порядком 29 марта Директор канцелярии министра народного просвещения В.Д. Комовский затребовал от секретаря Петербургской Академии наук П.Н. Фуса информацию о российско-китайской границе для доклада министру народного просвещения. П.Н. Фус на следующий день представил В.Д. Комовскому информацию, полученную от Миддендорфа: “Официальная граница между русскими и китайскими владениями на юго-востоке Сибири должна пролегать по Яблонному-Становому хребту, который на картах наших показан неверно, именно — несколькими градусами на север от настоящего своего положения. Сами же китайцы, судя по пограничным своим столбам, считают эту

границу еще южнее. На этом пространстве живут оседлые тунгусы в числе до 2000 душ, платящие нашему правительству ясак”⁴.

Здесь важно подчеркнуть — географический поиск путей разрешения “Амурского вопроса” привел к его решению геополитическому. Миддендорф, понимая свою роль в “Амурском вопросе” и не преувеличивая своего вклада в решение политической проблемы, писал: “К исполнению двух главных задач, назначенных мне Академией, я по собственному побуждению присовокупил попытку обновить известия о забывшемся почти Приамурском крае. Попытка эта удалась свыше всякого ожидания: моей спешной поездке суждено было послужить первым поводом к политическому преобразованию, которое несравненно звучнее тихих успехов науки”⁵.

Геополитическое пространство Восточной Азии стремительно раздвигалось в середине XIX в. до масштабов мировой политики. Обострившиеся в связи с этим проблемы закрепления российского присутствия на отдаленных восточных окраинах Империи потребовали совершенно новых подходов к международной политике, которая формировалась со значительными трудностями и противоречиями. Из информации о событиях в Китае от архимандрита Палладия, возглавлявшего русскую православную миссию в Пекине, было отчетливо видно, что наступает пора принятия ответственных и продуманных геополитических государственных решений.

Многолетнее состояние неразграниченности, удовлетворявшее Россию и Китай в прошлом по дипломатическим соображениям, теперь явно противоречило складывающейся геополитической ситуации в Приамурье и Приморье. Англия явно обнаружила “желание завладеть устьем Амура и местами от оною к югу вдоль морского берега лежащими”. Реально воспрепятствовать захвату пограничных территорий было возможно “только в случае, если на основании заключенного договора мы можем показать означенные места нам принадлежащими”⁶.

Таким образом, можно констатировать, что в середине XIX в. произошел важный перелом в геополитическом равновесии в дальневосточном трансграничном регионе. Вновь, как и в середине XVII в. — времени проникновения России в Даурию, в первой половине XVIII в. — период установления границы в Забайкалье интегрируются новые факторы, которые в значительной степени определяли изменение баланса сил в Приамурье и Приморье:

- общее ослабление китайского геополитического “ядра” в результате внутренних неурядиц и интервенции европейских держав;
- укрепление позиций Великобритании, Франции и США при дворе богдыхана;
- усиление европейской и русской активности в северной части Тихого океана и Маньчжурии;
- активизация географического изучения дальневосточного трансграничного региона;
- присутствие у тихоокеанского побережья России и последующее заметное усиление внимания европейских держав и США к Дальнему Востоку;
- выдвижение талантливых и решительных политических военных и гражданских деятелей, способных адекватно анализировать обстановку и предлагать конкретные меры для соблюдения национальных интересов.

Для государственных деятелей России наконец пришло время осознания того, что обстановка позволяет поставить вопрос о пересмотре разграничительных статей Нерчинского договора. Сложность практической реализации этой по-

эзии России заключалась в том, что маньчжурское правительство, “вследствие внутренних смут и бедственной войны, обессилившей и изнурившей его до крайности”, естественно, опасается как распада империи, так и ее утраты. Сложившуюся политическую ситуацию сами китайцы равнодушно, но с убеждением, называли “окончанием судьбы династии, по непреложным законам Неба”. Поэтому в данных обстоятельствах всякая активность в действиях иностранных держав на границах Китайской Империи представлялась маньчжурскому правительству, как “начало раздела его владений, в ожидании конечного переворота”⁷.

При этом российским правительством выстраивалась система геостратегических принципов разрешения “амурской” проблемы:

- Нельзя допустить, чтобы устье Амура, верховья которого находятся в пределах русских владений, могло быть захвачено иностранной державой;

- Пока русские суда не смогут свободно ходить по Амуру, нельзя будет “удержать за собой укрепленное положение в устье его”, в результате чего последние могут быть захвачены англичанами;

- Амур — удобнейший путь до Камчатки, Америки и островов Океании, с Амуром связан о-в Сахалин, богатый каменным углем и рыбой, и без него “никогда не разовьются промышленные силы Сибири”;

- Возможно вторжение европейских воинских формирований в глубь Маньчжурии после того, как будут заняты удобные морские гавани Приморья, которые пока безлюдны и никому не принадлежат;

- Россия, принимая на себя защиту Амурской страны с моря, должна иметь в своем владении часть Приморья, должна основать свои поселения по берегу Амура, самого удобного водного пути с запада на восток;

- Целесообразно определить границу между Китаем и Россией по Амуру и Уссури, являющимся естественным и удобным рубежом между обеими странами;

- На расширение торговли в Кяхте рассчитывать нельзя, и реально увеличить доходы можно только за счет договора с Китаем об открытии торговли по всей сухопутной границе;

- “Камчатка с Петропавловским портом, а так же Амур с николаевским портом не могли удовлетворить государственным и политическим нуждам Империи. Явилась неотложная надобность приблизиться к Китайскому морю — импульсу всей тихоокеанской коммерческой деятельности.

- Явилась потребность в аванпосте, удобном для наблюдения за быстро развивающейся политической жизнью азиатских держав крайнего востока.

- Приобретя Уссурийский край с превосходными бухтами и гаванями, мы овладеем, наконец, богатой окраиной, прилежащей к не замкнутому Японскому морю⁸.

Вопрос о Приамурье стал первостепенным в условиях осложнившейся международной обстановки во время опиумных войн в Китае и обострения восточного вопроса. “Могу сказать, — писал в 1849 г. Н.Н. Муравьев, — что кто будет владеть устьями Амура, тот будет владеть и Сибирью, по крайней мере, до Байкала, и владеть прочно: достаточно иметь устье этой реки и плавание оной под ключом, чтобы Сибирь, и более населенная и цветущая земледелием и промышленностью, оставалась неизменной данницею и подданною той державы у которой будет этот ключ”⁹.

Исследование устья и лимана реки Амура Г.И. Невельским

Только настойчивые предостережения Генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева о возможности появления англичан или американцев в устье Амура убедили царя 29 января 1849 в. назначить Особый комитет для обсуждения амурского вопроса и выработки предложений по исследованию восточной части русско-китайской границы и мер “для предупреждения всяких со стороны иностранцев происков в местах, прилегающих к устью Амура”. Комитет рассмотрел следующие предложения:

1. Об отправке экспедиции от реки Горбицы к Охотскому морю.
2. О произведении рекогносцировки реки Амур — вниз до Охотского моря.
3. Об установлении связи с гиляками, живущими близ устья Амура.
4. Об учреждении крейсерства русских военных кораблей у берегов острова Сахалина и устья Амура.

Комитет решил, что “главное и существенное для нас дело есть предупреждение всяких покушений иностранцев к занятию местности близ устья Амура”. Поэтому первостепенными мерами были признаны: установление связи с гиляками, которая поручалась Российско-Американской компании, и осмотр устья Амура для отыскания места, удобного для военно-морской базы.

Таким образом, с целью предотвращения захвата иностранными державами устья Амура, верховья которого находились в пределах России, русское правительство приняло соответствующие меры по исследованию и укреплению амурских берегов. Особое значение в деле воссоединения Приамурья и присоединения Уссурийского края к России имела экспедиция Г.И. Невельского. Уже летом 1849 г. Г. И. Невельской и морские офицеры, ему подчиненные, при изучении берегов Сахалина, Амурского лимана, Татарского пролива и других близлежащих районов смогли добиться весьма значительных научных результатов.

Информация Г. И. Невельского была прямо противоположна тому, что писал И. Ф. Крузенштерн, утверждавший, что на северном Сахалине он и его спутники “видели даже и нивы, обрабатывание которых доказывало, что здесь живет народ, успевший в образе жизни более, нежели айны”, а северный Сахалин заселяют “татары, вытеснившие, или может быть, и истребившие айнов”. Г. И. Невельской указывал, что этот район заселен жителями, которые “ни о хлебопашестве, ни о скотоводстве, ни об огородничестве не имеют никакого понятия...”, а на северном Сахалине не было никаких “татар”, а в прошлом и айнов: “я достоверно убедился, что народонаселение этой части острова составляют гиляки”¹⁰.

Собранная в ходе экспедиции информация свидетельствовала, что “не только китайской силы, но и малейшего китайского правительственного влияния там не существует”. Было еще раз доказано, что население нижнего Амура и в середине XIX в. оставалось независимым. Более того, Г. И. Невельской и его спутники многократно убеждались, что местные жители (нивхи-гиляки) не только не считали себя данниками маньчжуров, но и относились к последним крайне враждебно¹¹.

Важной была информация, что местные жители “о Китае и китайцах не имеют никакого понятия и утвердительно можно сказать, что влияния над ними китайского правительства не существует”¹².

Предстояло детально изучить лиман Амура с его фарватерами, ведущими в устье реки, составить подробную карту низовьев Амура и острова Сахалина. На экспедицию возлагались и стратегические задачи: поиск гаваней в Татар-

ском проливе, установление возможных путей сообщения между побережьем Татарского пролива и рекой Амуром, определение направления Хинганского хребта и сбор информации о возможном прохождении государственной границы.

С целью установления направления Хинганского хребта и сбора информации о прохождении государственной границы штурман Д.И. Орлов в ноябре 1851 г. исследовал низовья Амура и бассейн нижней Амгуни и открыл ряд озер — Чля, Орель и Удыль. Объехав озеро с юга и перевалив через небольшие горы, Орлов достиг озера Нейдадь. Отсюда по впадающей в это озеро реке того же названия он проехал 25 верст, расспрашивая местных жителей о направлении горных хребтов и наносил их на карту. Двигаясь вдоль верховьев реки, Д.И. Орлов достиг хребта Хинга, (Хингана), или Буреинского, и астрономически определил положение истоков рек Тугура, Керби и Немилена. Таким образом было еще раз, после экспедиции А.Ф. Миддендорфа, определено направление Буреинского хребта. Определив направление Хинганского хребта, принятого по Нерчинскому трактату за границу между Китаем и Россией. Орлов доказал, что направление его не к северо-востоку, а к юго-западу. Кроме того, после тщательных расспросов туземцев он узнал, что в этой местности никогда не было никаких пограничных столбов. Донесения Орлова были весьма важны в выяснении пограничного вопроса.

В январе — феврале следующего года он снова отправился в Удский край на поиски пограничных знаков. По р. Тугур и притоку Муникан Орлов перевалил высокие горы и вышел в верховья р. Уды. Затем он прошел на юго-восток по сравнительно невысокой гористой местности к истокам р. Селемджи, перевалил в верховья р. Керби и по ней и по Аргуни вернулся в Петровский пост.

Блистательным открытием Н.К. Бошняком Императорской Гавани завершился “героический” период важнейших исследований Амурской экспедиции. Топографическая съемка Попова, рекогносцировки Д.И. Орлова, Н.М. Чихачева, Г.Д. Разградского, А.И. Петрова, А.И. Воронина, А.П. Березина и Н.К. Бошняка позволили составить подробное географическое описание северной части Приморского плацдарма. В ходе проведения Амурской экспедиции был решен ряд важных геополитических и колонизационных вопросов, в результате чего создались реальные возможности закрепления Приморского района в составе России.

Забайкальская экспедиция Н.Х. Агте

Амурской экспедицией Г.И. Невельского была проделана труднейшая предварительная работа, на основе которой можно было принимать дальнейшие решения. Сведения, полученные от Миддендорфа, Берг использовал в особом докладе о российско-китайской границе, составленном в Генеральном штабе в конце 1848 г. по распоряжению Военного министра. В докладе сообщалось, что “часть границы от реки Горбицы до Охотского моря остается неизвестной, ибо о ней никаких положительных топографических сведений вовсе не имеется, и все, показанное на картах в этом пространстве, не заслуживает никакого доверия”. Упоминались в докладе и пограничные знаки, обнаруженные Миддендорфом к югу от Станового хребта. “Что же касается до сведений, доставленных г. Миддендорфом о том, что река Амур отлично способна к пароходству, не имеет нигде порогов и отмелей и массу своих вод равняется самым значительным рекам Соединенных штатов, то для удостоверения в этом департамент Генерального штаба предлагал произвести особую рекогносцировку всего течения Амура...”¹³.

В конце 1848 г. доклад был одобрен Николаем I. Перед экспедицией была поставлена задача “собрания точнейших сведений, дабы на основании оных можно было ясно определить, по какому именно направлению гор должна следовать наша с Китаем граница на основании Нерчинского трактата”¹⁴.

Подполковнику Генерального штаба Агте было поручено осмотреть пограничную линию с Китаем на всем протяжении и сравнить два противоположных мнения: проект Генерал-лейтенанта Руперта и замечания Любимова. Статский советник Любимов, бывший пристав миссии, осмотрел в 1840 г. большую часть пограничной линии и представил МИДу особое донесение. В 1844 г. Генерального Штаба капитаном Агте был составлен “Обзор пограничной линии с Китайскими владениями”¹⁵, который был посвящен специальному географическому описанию границы в Забайкалье. Н.Х. Агте было поручено “осмотреть пограничную линию с Китаем на всем протяжении ныне охраняемых нашими караулами”¹⁶.

К отчету приложен “Свод маршрутов Забайкалья, снятых в 1843-45 гг.”, которые были использованы при составлении карты в 1849 г. в проекции Бонна на 5 листах. Исходя из того, что “часть границы от Окинского караула до р. Горбицы известна и по ней имеются довольно подробные топографические сведения”, Забайкальской экспедиции ставилась задача картографирования дальневосточного трансграничного региона и устранения положения, когда “об остальной части границы от Горбицы до Охотского моря нет никаких положительных топографических сведений и все показанное по картам на этом пространстве не заслуживает никакого доверия”¹⁷.

Общая направленность рекогносцировочных работ определялась выходом с топографической съемкой пограничного пространства от Удского острога к предполагаемому району границы, в дальнейшем продвижением от торгового пути между тремя часовнями далее к югу “к племенам независимым, о коих носились среди тунгусов самые темные и сбивчивые рассказы”. Задача ставилась “разведать о черте их частных рубежей, куда китайские офицеры могут периодически приезжать для осмотра предполагаемой линии границы”¹⁸.

В конце 1852 г. Н.Х. Агте вернулся в Петербург, и после обработки всех материалов экспедиции 22 апреля 1853 г. представил на доклад Российскому Императору все топографические и геологические съемки и составленные карты пограничных территорий Забайкалья и Приамурья:

“Свод маршрутов и рекогносцировок Забайкальской экспедиции на северной полосе наших владений, прилегающих к неопределенной границе с Китаем и составляющих ближайшую часть Якутской области”.

“Свод маршрутов и рекогносцировок экспедиции на юго-восточной полосе неопределенной границы с Китайскими владениями и прилегающими к течению реки Сунгари (нижнего Амура)”.

“Пояснительная карта к своду маршрутов и рекогносцировок Забайкальской экспедиции” в масштабе 25 в.д.

“Общая геогностическая карта пространств, исследованных горными чинами Забайкальской экспедиции”.

“Генеральная карта Амурской области, юго-восточной части Якутской области и Удского края”¹⁹.

Маршруты Забайкальской экспедиции охватили огромные пространства от Байкала до Охотского моря и от Верхоянского хребта и Алдана до Амура. Произведены полуинструментальные и глазомерные съемки всего района, прилегающего к границе. Основным объемом астрономических наблюдений был выпол-

нен Л. Э. Шварцем в течение почти четырех лет. Им было определено положение 42 пунктов.

По съемкам топографов экспедиции и многочисленным астрономическим пунктам, определенным Шварцем, Меглицкий и Карликов составили первую топографическую карту Амурского края, в которой Становой хребет, тянущийся от р. Горбица до Охотского моря и далее вдоль побережья на северо-восток, представлялся сложной горной страной с "главной осью поднятия".

Во время экспедиции в 1849—1852 гг. были детально обследованы четыре китайских амбона на левобережье Амура и на южном склоне Станового хребта. Они были показаны на съемочных материалах экспедиции, которые являются наиболее достоверными и точными источниками для локализации этих объектов на местности. Надписи на маньчжурских пограничных знаках были скопированы и вместе с переводами с маньчжурского языка на русский были помещены в отчете экспедиции.

Забайкальская экспедиция отражала усилившийся интерес России к своим дальневосточным окраинам. Это был естественный процесс защиты интересов России на Дальнем Востоке, упрочения ее стратегических позиций на Тихом океане. Прделанная экспедицией грандиозная работа по описанию пограничного пространства позволила сделать ряд географических и геополитических выводов в отношении прохождения границы:

“1. Яблоновый хребет идет от Горбицы одним рукавом только до верховьев Олдоя, далее он разделяется на три отдельные значительные хребты: Становой, Тукурингра (с горой Джакду) и Нюкжа из коих каждый по буквальному смыслу трактата может удовлетворять условиям 1 статьи.

2. По точному выражению маньчжурского экземпляра Нерчинского трактата умственная демаркационная линия обоих государств на крайнем не разграниченном отделе, должна направляться от вершин реки Уди не на восток к Охотскому морю, а на юг к Амуру и по всей вероятности по горному хребту называемому на наших географических картах Гинкан, а на Китайских — Янь-Шань.

3. Уверенность китайцев, что не разграниченная с нами черта от реки Уди должна направляться не на восток к Тугуру, а на юг к среднему Амуру, одна может объяснить молчание их по предмету занятия нами устьев нижнего Амура, что конечно давно известно маньчжурским властям и не может более составлять тайны для Пекинского кабинета”²⁰.

Сибирская экспедиция Л.Э. Шварца

Согласно “Плану ученой экспедиции, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом для исследования Восточной Сибири”, который был рассмотрен российским Императором 26 мая 1854 г., экспедиция направлялась для продолжения изучения пограничной территории “на пространстве, лежащем между Иркутском, Леной и Витимом, частью Яблонового хребта, в южной пограничной линией страны, обнимающей западную часть Забайкальской области и восточную Иркутской губернии и, сверх того, распространить предполагаемые исследования, если возможно, на Даурию и... Амурский край”. Выбор данного пространства был согласован Географическим Обществом с Генерал-губернатором Восточной Сибири и “основан на малой известности означенного края и на важности изучения для целей правительственных”²¹.

В феврале 1855 г. Л.Э. Шварц выехал из Петербурга и 20 марта прибыл в Иркутск. На следующий день он явился с докладом к Генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву. После уточнения задач экспедиции было принято решение разделить математический отдел на три отряда. Первый отряд должен отправиться из Нерчинска к истокам р. Нерчи, пересечь Яблоновый хребет и выйти к Витиму. Второй отряд под руководством штабс-капитана И.В. Орлова должен пройти от верховьев р. Баргузин до устья р. Цыпы и от устья р. Верхней Ангары до ее истоков. Сделать точное определение долготы устья р. Цыпы было поручено А.Я. Смирягину. Третий отряд должен был обследовать р. Амур от Шилкинского завода до Николаевска.

С третьим отрядом должна была следовать ученая экспедиция Сибирского отдела РГО под руководством Р. Маака. Для решения пограничных вопросов "ученая экспедиция" должна была изучить трансграничный район: "От устья Буреи, смотря по обстоятельствам, экспедиция или поплывет на лодках вверх по р. Бурее или по долине левого берега ея будет следовать на лошадях. Достигши Буриной часовни — пункта астрономически определенного, который будет служить основным знаком для правильного положения маршрута на карту, путешественники должны непременно отыскать так называемых рыбных тунгусов, которые дадут верные сведения о кочевьях оленных Тунгусов"²².

Остальные участники экспедиции должны были изучить самый сложный участок и "отыскавши проводников Тунгусов, будут следовать несколько севернее Буриной часовни. Достигши хребта Хинган-Ола, они должны будут в удобном пункте перевалить его, пересечь потом вершины р. Амгуна и дойти до другого водораздела, разделяющих притоки Амгуни от притоков Амурских". Далее планировалось, как и было предусмотрено ранее, "определить вершины значительной водной системы р. Гириня"²³.

Экспедицией было собрано огромное количество географических, орографических и гидрографических данных на громадном географическом пространстве от границ Енисея до Сахалина включительно. Благодаря проведенным изысканиям обширная территория представилась в совершенно новом свете. За период работы Сибирской экспедиции в Восточной Сибири были произведены астрономические наблюдения на 254 пунктах, из них 115 определены по долготе и широте и 139 по одной только широте. Сибирской экспедицией была научно обследована огромная территория. По ее результатам была составлена и издана большая карта южной половины Восточной Сибири в масштабе 1:40 на 7 листах и на одном листе в масштабе 1:160.

В итоге такое большое количество достоверного и точного топографического и картографического материала позволило в 1858 г. быстро завершить подписание Айгунского договора, присоединившего к Российской Империи Амурский край.

16 мая 1858 г. состоялось подписание Айгунского договора между Россией и Китаем. В преамбуле договора говорилось, что он заключен "по общему согласию, ради большой вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных и для охранения от иностранцев". Это было торжество союза науки и практики во имя "непосредственной пользы для государства". Российская академия наук принесла "замечательные плоды для своего народа, для мировой цивилизации, плоды, изменившие облик нашей страны". Научная и геополитическая деятельность Российской Академии наук и Русского Геогра-

фического Общества подтверждает, что Академия и академическая наука является “опорой для России во всех ее основополагающих делах”²⁴.

11. *Невельской Г. И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. Хабаровск, 1969. С. 174.
12. *Веселовский К.С.* О развитии деятельности Академии наук в последнее пятидесятилетие // Записки Академии наук. 1877. Т. 29, кн. 1. С. 21.
13. *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. 1860. Ч. 1, отд. 1. С. 138.
14. *Сухова Н.Г.* Александр Федорович Миддендорф, 1815—1894. М.: Наука, 2005. С. 286.
15. *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. 1860. Ч. 1, отд. 3. С. 392.
16. Копия с отношения статского советника Перовского к Директору Азиатского департамента от 10 июня 1858 г., № 17 (ЦГИА, Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 9. С. 2 об.-3).
17. Переписка Начальника Пекинской духовной миссии Архимандрита Палладия с генерал-губернатором Восточной Сибири графом Н.Н. Муравьевым-Амурским // Русский архив. М., 1914. Кн. 3. С. 171.
18. *Максимов А.Я.* Наши задачи на Тихом океане: Политические этюды. СПб., 1869. С. 231.
19. Записка Муравьева “Причины необходимости занятия устья р. Амур (1849 г.)” (ЦГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 738. Л. 109).
20. *Полевой Б.П.* Подробный отчет Г.И. Невельского о его исторической экспедиции 1849 г. к о-ву Сахалин и устью Амура // Страны и народы Востока. М., 1972. Вып. 13. С. 116.
21. *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений. М., 1974. С. 202.
22. ЦГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 415. Л. 141.
23. *Романов Д.* Присоединение Амура к России // Рус. слово. 1859. Май-июль. С. 100 — 101.
24. ЦГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 738. Л. 120.
25. Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА). ВУА № 18531 А-806.
26. Там же.
27. ЦГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 738. Л. 117.
28. Краткий отчет полевым занятиям чинов экспедиции для исследования Забайкальского края с июня 1849 по июль 1852 г. (ЦГВИА. Ф. ВУА. № 25597. Л. 29).
29. Там же. Ф. 386. № 1426—1656.
30. Краткий отчет полевым занятиям чинов экспедиции для исследования Забайкальского края с июня 1849 по июль 1852 г. (ЦГВИА. Ф. ВУА. № 25597. Л. 41-42).
31. План ученой экспедиции, снаряженной императорским русским Географическим Обществом для исследования Восточной Сибири (Архив Рус. геогр. О-ва. Ф. 1-1850. Оп. 1. Д. 38. Ч. 2. Л. 4).
32. Там же. Ф. 1-1853. Оп. 1. Д. 22. Л. 89.
33. Там же. Л. 89 об.
34. *Осипов Ю.С.* Российская академия наук на пороге XXI века // Российская академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 28.

Культура

Образы китайской культуры в русской прозе 1980-2000-х гг.

© 2008

Лю Ядин

За последние двадцать с лишним лет в России появилось большое количество художественных произведений, авторы которых в той или иной степени испытали влияние китайской культуры. Данное явление имеет давнюю традицию: к примеру Китая обращались в своих произведениях русские просветители Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин, А.Н. Радищев; образ "загадочного" Востока и Китая, в частности, волновал поэтов "Серебряного века", большое внимание китайской литературе оказала российская переводческая школа начала XX в. Но если история переводов и изучения произведений китайской художественной литературы в России нашла всестороннее осмысление в работах Б.Л. Рифтина¹, Ли Мибэня², Чжэн Цзяньхуа³ и др., то проблема непосредственного влияния китайской культуры на современную русскую прозу была обойдена вниманием и китайских русистов, и российских сиологов. Мы попытаемся восполнить этот пробел в настоящей статье.

С начала 1980-х гг. в русской художественной литературе достаточно частым стало появление реальных, не вымышленных персонажей-китайцев. Описание внутреннего мира и переживаний этих героев занимают основное внимание авторов, которые демонстрируют глубокое понимание китайской культуры и философии. Главным действующим лицом повести "Путник со свечой" В. Варжапетяна является великий поэт Ли Бо, который из камеры смертников пишет письмо сыну, вспоминая всю свою прошлую жизнь. Заточение Ли Бо, который участвовал в заговоре против императора, было фактом его реальной биографии. Затем смертный приговор был заменен ссылкой, а в итоге — полным помилованием. Главным содержанием данного произведения является отражение внутреннего мира Ли Бо, который, подводя жизненные итоги, осмысливает свое предназначение поэта и патриота⁴. На анализе личных переживаний Ли Бо построен и рассказ С. Торопцева "Возвращение к Великой белизне"⁵. В обоих произведениях в монологи героя включены строки из его стихов, цитаты из древнекитайских философских и исторических произведений — "Чжуан-цзы", "Исторических записок" Сыма Цяня, "Книги перемен", "Сунь-цзы", "Дао дэ цзина" Лао-цзы. В этих произведениях Ли Бо пытается найти рациональное обоснование своим поступкам, на которые толкала его романтическая натура. Это противоречие между практическими требованиями реальной жизни и поэтическим складом собственной души, которое Ли Бо безуспешно пытается примирить,

очевидно, очень близко современному русскому писателю и заставляет его обращаться к биографии великого китайского поэта. С этим, видимо, связан художественный прием сочетания реальных фактов с волшебством, вымыслом, к которому прибегает С. Торопцев, описывая уход из жизни Ли Бо: старый, утомленный роком поэт, сидя в лодке, увидел, как “две фигуры в радужных одеждах... возникли из тьмы инобытия в колеснице из пяти облаков, сопровождаемые Белым Драконом, они пригласили Ли Бо присоединиться к ним, чудище пошевелило хвостом, раздвигая облака, и помчало Ли Бо вверх, будто на высокую гору, туда, где торжественно распался, слепя земные глаза, невыносимый свет Великой Белизны”⁶.

Наряду с этим, в современной русской литературе действуют и героико-китайцы, имеющие вымышленный, сказочный характер. Как персонажи притчи, рассказанной одним из героев, действуют они в романе Фазиля Искандера “Сандро из Чегема”. Узнав, что “Большеусый” убил царя Николая вместе с женой и детьми, китайский царь передал, что не будет больше поить русских чаем. Попытка “Большеусого” показать китайскому посланнику переодетого чекиста вместо царя Николая была раскрыта, от взятки посланник отказался, заявив, что “китайцы взяток не берут”, убить его также не получилось. И в итоге “мудрый китайский царь” провел самого “Большеусого”, отказался “поить русских чаем”, после чего “решил Большеусый разводить чай на нашей земле, чтобы от китайцев больше не зависеть”⁷. Политическая сатира составляет основное содержание и рассказа В. Пелевина “СССР Тайшоу Чжуань”, в подзаголовке которого указано: “китайская народная сказка”. Герою рассказа крестьянину Чжану Седьмому приснилось, будто Сын Хлеба, повелитель “далекой земли СССР”, прослышав о его талантах и справедливости”, пригласил его к себе и пожаловал высокую должность. Чжан получил имя Иван Семенович Колбасный, и “в восемнадцатом году правления под девизом “Эффективность и качество” ... стал важным чиновником в стране СССР”. Потом он набрал силу, стал заместителем Москвы, а потом и всевластным правителем СССР, но спустя одиннадцать лет его сняли со всех постов, “связали по рукам и ногам и бросили в машину. Дальше все было как обычно — отвезли его в Китайский проезд, остановились прямо посреди дороги, открыли люк в асфальте и кинули туда вниз головой”. Когда Чжан очнулся, он увидел себя дома в знакомом амбаре на полу. Позже, вспоминая этот сон, он не мог понять, какая часть его жизни является более реальной — проведенная в Китае, или в СССР⁸. Сюжет данного рассказа, восходящий к известной притче о Чжуан-цзы, который во сне увидел себя бабочкой, заимствован из новеллы Ли Гун-цзо (ок. 763—850?) “Нанькэ тайшоу чжуань” («Жизнеописание наместника Нанькэ»). Герою новеллы приснилось, что он получил высокую должность *тайшоу* — наместника, но все мгновенно потерял проснувшись. В рассказе В. Пелевина использованы повествовательные приемы, характерные для китайской литературы — внимание к событийной линии повествования, а не к внутренним переживаниям героев, многосюжетные композиции и др.

Сюжетные линии классической китайской литературы используются и как авторский прием в произведениях, где действуют русские герои. В качестве примера приведем рассказ А. Королева “Мертвая невеста”. Герой его, русский парень Ян, проиграв большую сумму денег, продает квартиру в центре Москвы и переезжает в убогое жилище далеко за городом у кладбища. Там его посещает незнакомая красавица, о которой он узнает, что когда-то она была княжной, утонула накануне собственной свадьбы, а могила ее находится неподалеку. Благодаря силе возникшей любви молодым людям удается победить потусторонние силы и воссоединиться в мире живых⁹. В рассказе использован сюжет повествова-

ния “Девушка в зеленом” Пу Сун-лина, где действуют студент Юй и незнакомая красивая девушка в зеленом платье¹⁰.

Основные приемы китайской классической литературы активно применяются и в композиции произведений современной русской художественной литературы. Кроме того, русскими авторами активно используется стилистика китайских классических романов. Названия глав “Повести о благородном мятеже” Ю. Ладьиной сформулированы явно под китайским влиянием: “Глава первая, в которой государь Варзазд изъявляет желание ознакомиться с жизнью народа, а справедливого разбойника назначают наместником провинции”, “Глава восьмая, в которой Свен Бьерсон пытается объяснить разницу между правым и левым, а араван Фрасак арестовывает очередного покойника” и др¹¹.

Интересным, на наш взгляд, явлением стали произведения исторической фантастики, в которых получили необычное преломление факты истории Китая. За последние годы было опубликовано несколько произведений цикла “Евразийская симфония”, автор которого, пишущий под псевдонимом Хольм ван Зайчик, создал фантастическое культурное пространство — государство, объединившее Россию, Китай и Золотую Орду. Народы, основавшие в исторической реальности огромные империи, по замыслу автора, не воевали друг с другом, а мирно создавали этнический, религиозный и культурный симбиоз. Результатом стало яркое и необычное переплетение культурных явлений, которое часто бывает трудно допустить в реальной жизни. В городе Александрия Невская, одной из трех столиц государства Ордусь, где живет главный герой романов ученый законник Богдан Рухович Оуянцев-Сю, построены Александро-Невский собор, Храм Конфуция и Храм Света Будды. В цикле романов очень широко использованы сведения о китайской истории, философии, культуре и даже быте китайцев¹².

Все вышеприведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что влияние китайской культуры на современную русскую литературу является весьма многосторонним: оно затрагивает и основное содержание, и сюжет, и композицию, и образный ряд произведений. Получившее мощный импульс в 1990—2000 гг. развитие русской литературы выразилось в поиске новых форм и пересмотре традиции. Обращение к китайской культуре, на первый взгляд, необычной и непривычной для русского человека, содействует этому обновлению и дает возможность поиска путем примирения внутренних духовных потребностей и непреодолимых реальностей внешнего мира.

1. *Рифтин Б.* Чжунго гудянь вэньсюэ яньцзю цзай сулянь [Исследование китайской классической литературы в СССР]. Пекин, 1987.
2. *Ли Мибэнь.* Чжунго вэньсюэ цзай эсу [Китайская литература в России и СССР]. Гуанчжоу, 1996.
3. *Чжэн Цзяньхуа.* Эрши шицзи чжунгэ вэньсюэ гуаньси [Отношение китайской и русской литературы XX века]. Шахай, 1998.
4. *Варжапетян В.* Путник со свечой: Повести о Ли Бо, Омаре Хайяме, Франсуа Вийоне. Москва. 1987. С. 9—90.
5. Книга о Великой Белизне: Ли Бо в поэзии и жизни. М., 2002. С. 196—207.
6. Там же. С. 207.
7. *Искандер Ф.* Собрание сочинений. М., 1997. Т. 2. С. 307—312.
8. *Пелевин В.* Встроенный напоминатель, М, 2002. С. 21—38.
9. *Королев А.* Сы цюй дэ син нян [Мертвая невеста]. Элосы вэньи // Литература и искусство России. 2006. N 3. С. 128—133.
10. *Пу Сун-лин.* Рассказы Ляо Чжая о необычайном / Пер. В.М. Алексеева. М., 1988. С. 419—421.
11. *Ладьиная Ю.* Колдуны и министры. СПб., 1995. С. 5.
12. *Хольм ван Зайчик.* Евразийская симфония. СПб., 2005.

Научная жизнь

О XII конференции корееведов России и стран СНГ

27—28 марта 2008 г. в ИДВ РАН прошла XII ежегодная научная конференция корееведов России и стран СНГ на тему "Корея: на пороге перемен".

За прошедшие годы из ординарного академического мероприятия конференция превратилась в ведущий востоковедный форум, результаты которого высоко оцениваются в научных и политических кругах.

Традиционными ее участниками стали корееведы из Москвы, Санкт-Петербурга, Хабаровска, Владивостока, Сургута, Нукуса, представляющие основные научные центры и научные школы России и ближнего зарубежья.

Ниже представлен краткий тематический обзор более сорока докладов и научных сообщений, с которыми они выступили.

Об общей ситуации на полуострове

Нынешняя ситуация, которую академик М. Л. Титаренко охарактеризовал как "неопределенность", во многом связана с изменением политики РК после прихода к власти нового президента, а также с предстоящими президентскими выборами в США. Похоже, на этом фоне ряд консервативно настроенных политиков полагает, что за счет "изменения правил игры" можно получить тактическую выгоду. Однако мы знаем, какой эффект оказывает извлечение подобной "выгоды" в стратегическом плане. Нельзя допустить повторения опыта начала нынешнего десятилетия, когда после смены власти в США договоренность между КНДР и ее партнерами рухнула, что во многом породило тот комплекс проблем, с которым нам приходится разбираться сегодня.

О взглядах на объединение страны

Участники конференции были единодушны в том, что воссоединение страны неизбежно. Двух разных наций на Корейском полуострове сегодня нет, но преодоление последствий полувековой дивергенции потребует больших затрат и много времени.

Не случайно РК и КНДР фактически отказались от курса на подготовку объединения в относительно близком будущем и нацелились на "период мирного сосуществования", который призван создать условия для того, чтобы объединение произошло гладко, без серьезных экономических, социально-психологических и других проблем.

О перспективах развития ситуации на Юге

Политике нового руководства РК и связанным с ней вопросам был посвящен целый блок выступлений. Так, в докладе Р.В. Савельева анализировался американо-южнокорейский альянс, с помощью которого Вашингтон стремится воздействовать на стратегическую обстановку на полуострове и в СВА. С избранием Ли Мен Бака на должность президента РК высшие политические и военные круги США надеются закрепить и продолжить этот курс в новых условиях. И.А. Толстокулаков в своем сообщении подчеркнул, что преградой для демократизации и либерализации РК остается Закон о государственной безопасности.

Как отмечалось в докладе Ким Ен Уна, корейцы проголосовали за Ли Мен Бака как за “экономического президента”, главная задача которого — обеспечить стране экономический рост. Кроме того, Ли — не профессиональный политик, а чиновник-менеджер, и формирование кадровой опоры из числа политиков — его слабое место. Более того, Ли оказывается в положении центриста, так как формирующийся правоконсервативный лагерь может ослабить позиции Ли и его группировки.

В связи с этим просматривается несколько вариантов развития событий. Либо Ли Мен Бак будет вынужден лавировать между правыми и левыми и проявлять в вопросах межкорейского диалога не только прагматизм, но и гибкость; либо, сконцентрировавшись на решении экономических задач, он “сдаст” менее важное для него межкорейское направление ради обеспечения себе полной поддержки на направлении экономическом. Как бы то ни было, ближайшие несколько месяцев в политике РК будет действовать синдром “новой метлы”, когда для того, чтобы подчеркнуть свое отличие от предыдущей власти, новая власть будет демонстративно вести себя иначе, подчиняясь логике фракционной борьбы.

О развитии ситуации на Севере

Доклады О.В. Аптевой и И.Ю. Панкиной, посвященные северокорейской проблематике, были связаны с анализом идеологии и политики “сонгун” и породили достаточно активную дискуссию, в том числе на тему о том, можно ли считать северокорейское общество по формальным признакам социалистическим.

В целом было подчеркнуто, что в стране отсутствует реальная оппозиция нынешнему режиму, и сменить его может только внешнее вмешательство. Была предпринята попытка проанализировать, какой будет КНДР после ухода с политической арены Ким Чен Ира и насколько у режима хватит ресурсов и резервов для сохранения командно-административной системы.

О шестисторонних переговорах и политике США

Как отметил в своем докладе А.З. Жебин, пауза в шестисторонних переговорах показывает, что продвижение вперед невозможно без решения целого ряда важных вопросов. В первую очередь, определения места будущей единой Кореи в складывающейся в СВА новой системе безопасности.

Одно из главных препятствий — стремление США опираться на систему военных блоков под американским контролем и дезинтеграция из тех организаций или систем, где им не удастся навязать свои правила. В этом смысле участие США в шестисторонних переговорах с самого начала было во многом вынужденным. Таким же вынужденным был и курс на конструктивные переговоры, поскольку после того как Северная Корея провела ядерные испытания, США пришлось отказаться от прежней стратегии. Но после прихода в РК к власти Ли Мен

Бака у США снова появилась надежда на то, что на переговорах можно будет попытаться организовать “единый фронт давления на Север”.

По мнению А.В. Воронцова, также анализировавшего эту сложную тему, США и КНДР не решили для себя главные вопросы, ответ на которые окажет решающее влияние на развитие событий. Для Северной Кореи это — “Готов ли Пхеньян отказаться от уже имеющегося у него ядерного оружия?”. Для Соединенных Штатов — “Готов ли Вашингтон признать КНДР, перестать воспринимать ее как страну-изгоя и оплот терроризма и перейти к политике мирного сосуществования?”. До тех пор, пока стороны одновременно не сформулируют свои ответы на них, ситуация не сдвинется с мертвой точки.

К концу правления Дж. Буша аналитики из президентской команды решили, что единственный кризис, который можно попытаться успешно решить до его ухода, это корейская проблема. Однако в начале 2008 г. положение изменилось. Во-первых, стало понятно, что даже авральными темпами нужного результата до президентских выборов в США не добиться. Во-вторых, средний американский избиратель пока не готов поверить в то, что КНДР меняется, и потому прогресс в корейских делах не окажет на его позицию существенного влияния. В-третьих, с изменением ситуации в РК сторонники жесткой линии подняли голы: “Зачем проявлять мягкость, если есть шанс взять реванш?”.

В докладе В.В. Хрусталева, была сделана попытка оценить ядерный потенциал КНДР. Исходя из ряда параметров взрыва, оценки опыта ядерных программ других стран и производственных возможностей КНДР, считает он, можно предполагать наличие у Северной Кореи надежной высокоскоростной импlosionной системы, что говорит о реальной возможности создания полноценного ядерного оружия.

О корейской политике Японии и КНР

“Китайская” и “японская” темы стали постоянными атрибутами конференций последних лет, и на XII конференции на эту тему было сделано несколько докладов (К.В. Асмолов, В.А. Гринюк, Л.В. Забровская). Подчеркивалось, что Корея является для Китая стратегически важным направлением в рамках обеспечения приграничной стабильности и благоприятной окружающей среды. Отношения с КНДР постепенно превращаются из “особых” в выстроенные на прагматизме. И хотя Пхеньян во многом воспринимается как “непослушный” сосед, меры давления на него имеют пределы. Развиваются и отношения с РК. Смена власти в Сеуле, скорее всего, не повлияет на общую тенденцию. При этом китайские ученые положительно оценивают современное состояние российско-северокорейских отношений и высказываются за их дальнейшее расширение и укрепление.

Между тем Токио жестко увязывает прогресс на переговорах с разрешением проблемы похищений японских граждан спецслужбами КНДР. Такой подход затрудняет продвижение к денуклеаризации Корейского полуострова.

Экономический блок

На экономической секции были представлены доклады преимущественно на южнокорейскую тематику. Северная Корея затрагивалась лишь в выступлении М.М. Стеклова где он рассматривал энергетические аспекты отношений в “треугольнике” КНР — КНДР — РК, в котором КНР и РК выступают энергетическими донорами для КНДР и, соответственно, имеют определенное влияние на нее. Однако, как и поставки энергоресурсов, это влияние имеет свои пределы, которые определяются, в частности тем, что доноры сами являются энергозави-

симыми государствами. Энергетическая помощь России могла бы существенно расширить положительное влияние нашей страны на КНДР.

Основной научный посыл работы экономической секции был связан с тем обстоятельством, что в Южной Корее у власти либералов сменили консерваторы. Докладчики стремились, проанализировав современный этап, выйти на обобщения, значимые для обозримого будущего. В частности, о перспективах дальнейшего экономического роста РК в соответствии с программой нового президента страны Ли Мен Бака говорил А.А. Санжиев. По его мнению, задачи, выдвинутые президентом, слишком завышены и нереальны.

В докладе С.С. Суслиной анализировались состояние и перспективы развития внешнеэкономической политики РК. Общий вывод заключался в том, что хотя Южная Корея стремится претендовать на роль региональной державы в Северо-Восточной Азии, она сталкивается со все более обостряющейся экономической конкуренцией Японии и КНР за лидерские места в регионе. С учетом присутствия в регионе интересов России, США и КНДР ее роль может свестись к посредничеству и балансировке этих интересов.

Часть докладов охватила проблемы инвестиционного сотрудничества Южной Кореи с Россией и другими странами. Актуально прозвучало исследование проблем привлечения южнокорейского капитала для российской экономики у П.С. Лешакова, который отметил, что начавшаяся после кризиса конца 1990-х гг. вторая волна прихода частного мелкого и среднего бизнеса в российскую экономику опять "наступает на прежние грабли". Для того, чтобы выйти на новые рубежи, необходимо пересмотр инвестиционной политики не только в России, но и в самой РК.

А.Ф. Синяковой была предпринята попытка проанализировать механизм корейского государственно-частного партнерства с целью использования в российской практике. Идея сама по себе интересная, но этот механизм содержит много азиатской специфики поведения, руководства и мотивации действий и поэтому рекомендации о возможном использовании нами корейского опыта требуют тщательной проработки.

В.Г. Пак и Ю.М. Попов рассмотрели проблему привлечения иностранного капитала в РК с позиций оставшихся негативных тенденций и наметившихся позитивных подходов.

Новыми направлениями исследования, представленными на конференции, стали выступления, посвященные последним современным тенденциям развития РК — интернет-экономике и фондовому рынку (С.О. Курбанов, А.А. Немов, А.А. Федоровский). Интернет-экономика в РК развивается нарастающими темпами, сопоставимыми с западными. Это явление свидетельствует о глубоких качественных изменениях в экономике, говорящих о зрелости РК как постиндустриальной страны. Об этом же говорит и увеличение роли ее фондового рынка, претендующего на мировое признание.

О новом подходе к истории Кореи

На конференции отмечалось стремление историков из разных организаций к новому подходу в изучении послевоенной истории Кореи на основе целостности (термин взят из доклада А.В. Торкунова, представлявшего концепт нового учебника истории и новой периодизации послевоенной истории страны), что подразумевает одновременное изучение истории Севера и Юга и отказ от идеологической поляризации, замалчивающей неприглядные стороны обоих корейских государств, которые не вписываются в тот или иной идеологический миф. По сути дела, признаны следующие тренды:

- Эволюция Юга и Севера представляет собой два варианта националистической доктрины, что открывает более широкое пространство для сравнения этих путей.

- Корейская война, по сути, является гражданской, и "холодная война" между социалистическим и капиталистическим лагерями была лишь фоном, отчасти катализирующим желание обоих режимов создать свое национальное государство в границах всего полуострова.

- Военный режим Юга назван авторитарным, а Севера — тоталитарным, при этом последний термин характеризует скорее более высокий уровень авторитаризма, а не несет негативную коннотацию.

- Отсутствует стремление "судить прошлое из настоящего", во внимание принимаются реалии тогдашнего времени.

Среди докладов по истории следует отметить сообщения, связанные с колониальной политикой Японии и ее последствиями, а также российско-корейскими отношениями. В связи с недавним изданием коллективом так называемых "новых правых" РК нового учебника современной истории Кореи, который содержит лишь негативные оценки политики России и СССР в отношении Кореи, а также достаточно двусмысленные оценки колониального периода корейской истории, представляется очень содержательным и верным доклад Ю.В. Ванина, в котором подчеркивается, что сам так называемый "Договор "об объединении" Японии и Кореи" августа 1910 г., который стал правовым основанием для аннексии Кореи Японией, является документом неправомерным не только в связи с нарушением существовавших в то время международных и внутренних законов Кореи и Японии, но и по процедуре составления таких документов.

Прямым следствием периода колониального господства Японии является проблема в отношениях между РК и Японией по поводу наименования моря между Россией, Кореей и Японией, которая впервые была поднята властями РК в 1992 г. и представлена в докладе А.Ю. Иванова. Отмечалось, что в 1929 г., используя свое членство в Международном гидрографическом обществе, Япония фактически навязала миру термин "Японское море", но до конца XVIII в. на русских картах это море называлось Корейским. Однако подчеркивалось и то, что Японии трудно согласиться называть Восточным море, которое находится к западу от нее, а также непоследовательность РК в отношении Желтого моря — почему-то Южная Корея не ставит вопрос о его переименовании в Западное. Возможно, дело в том, что Китай не может согласиться называть Западным море, которое находится к востоку от Китая.

Истории российско-корейских отношений были посвящены доклады Б.Б. Пак "Борьба К.И. Вебера против посягательств Китая на Корею во второй половине 80-х годов XIX в." — об усилиях российского посланника в Корее, стремившегося нейтрализовать интриги Юань Шикая, сторонника жесткой политики Китая в отношении Кореи, и М.Г. Волкова об истории православия в Северной Корее.

Материалы конференции составят научный сборник, который будет выпущен в течение 2008 г.

Наши рефераты

Из истории китайско-советских отношений (1917—1991 гг.)

Главный редактор Шэн Чжихуа;
авторы: Ян Куйсун, Шэнь Чжихуа, Ли Даньхуэй, Луань Цзинхэ.
Пекин: Изд-во Синьхуа, 2007.

В последние годы, особенно после нормализации советско-китайских отношений, урегулирования на рубеже XX и XXI вв. вопроса о границе и заключения в 2001 г. российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в Китае заметно возрос интерес к истории китайско-советских (российских) отношений. Как известно, на государственном уровне эти отношения складывались непросто. Были периоды подъема и спада, дружбы и неприязни. По большому счету они, согласно русской пословице, прошли испытания "огнем, водой и медными трубами". Современные китайские историки и политологи рассматривают эти отношения и дают им свою оценку, исходя из собственного мировоззрения, уровня и полноты знаний, политических пристрастий и идеологической ориентации. Порой они довольно субъективно интерпретируют исторические события, используя вновь открывшиеся документы и факты. В этом отношении характерно вышедшее в 2007 г. фундаментальное издание трудов видных китайских историков, исследовавших основные этапы китайско-советских отношений в XX в. Не вступая в дискуссию, следует, тем не менее, отметить, что не со всеми авторскими оценками позиций сторон в наиболее трудные периоды развития их взаимоотношений можно согласиться. В частности, нельзя принять незаслуженные упреки и обвинения в адрес Советского Союза по поводу заключения советско-китайского договора 1950 г., обострения межгосударственных отношений в разные периоды и т.п. Тем не менее, в ряде случаев отмечается и более взвешенный, объективный подход к историческим событиям и позициям сторон. О характере и направленности этих исследований китайских ученых читатель может судить по введению к указанному изданию.

Ниже публикуется предисловие, написанное бывшим послом Китая в СССР Ли Фэнлинем еще до выхода из печати упомянутого сборника.

I

На протяжении многих лет большая группа китайских ученых трудилась, не покладая рук, в стремлении всесторонне исследовать разные этапы развития китайско-советских отношений¹. Однако если говорить о всех деталях и

поворотах этих отношений, то сегодня, когда и в Китае, и за рубежом каждый имеет на это собственную точку зрения, истину установить очень трудно.

Для авторов новых трудов по истории китайско-советских отношений, сравнительно объективным, как мне кажется, был бы метод ретроспективного исследования и тщательного, скрупулезного анализа истории их развития. В соответствии с закономерностями и определенными рамками исторического процесса китайско-советские отношения прослеживаются на фоне значимых событий и ключевых проблем, определявших их место в ходе истории.

После Октябрьской революции, в период 1917—1949 гг. на китайско-советские отношения влияли два основных фактора. С одной стороны, советская компартия помогала китайской революции. Иначе говоря, успехи китайской революции неразрывно связаны с СССР. В те годы подконтрольный ЦК советской компартии Коминтерн, руководствуясь интересами мировой революции и веря в победу китайской революции, действительно оказывал ей искреннюю поддержку. И это надо признать. Рассекреченные в последнее время архивные документы показывают, что с 1923 г. по 1927 г. Политбюро ЦК советской компартии 122 раза обсуждало на своих заседаниях китайский вопрос, приняло 738 решений — в среднем по одному решению каждые два дня. Однако, с другой стороны, взгляд Коминтерна на компартию Китая как на свою составную часть являлся упрощенным и ограниченным, а его указания нередко находились в отрыве от реальной обстановки в Китае, не были лишены недостатков и порою являлись ошибочными. В значительной степени именно благодаря тому, что китайские коммунисты, особенно товарищ Мао Цзэдун, проявляли дух независимости и самостоятельности, а не следовали слепо указаниям Коминтерна, китайская революция одерживала победы.

В начальный период после образования КНР и на всем протяжении 1950-х гг. в китайско-советские отношения развивались относительно хорошо. Однако уже тогда имели место первые случаи несогласованных действий сторон. В числе тех проблем и сфер, которые оказывали глубокое влияние на китайско-советские отношения, можно отметить следующие. Во-первых, спорный вопрос относительно курса “придерживаться одной стороны”. Следует отметить, что в международных условиях того времени курс на сближение с одной стороной — СССР, на союз с СССР был исторически неизбежным выбором. Разъяснения по этому вопросу были даны в работе Мао Цзэдуна “О демократической диктатуре народа”. Но дело в том, что “сближение с одной стороной” в области внешней политики впоследствии распространилось на все стороны жизни, от союзнических отношений двух стран вплоть до строительства социализма полностью по советской модели, копирования советских образцов, за что Китай заплатил высокую историческую цену. Во-вторых, после XX съезда КПСС в международном коммунистическом движении началось брожение. В Китае борьба с ревизионизмом и против правого уклона переросла впоследствии в “великую культурную революцию”. В СССР же не было полной определенности в отношении возможности возврата к сталинизму и в вопросах дальнейшего реформирования. Все это сплеталось в клубок сложных противоречий и разногласий в китайско-советских отношениях, что не могло не повлиять на внутреннюю и внешнюю политику обеих стран. В-третьих, в межгосударственных отношениях Китая и СССР наблюдалось все меньше открытости и единомыслия. Так, советская сторона не раз откладывала подписание китайско-советского договора 1950 г. Главной причиной тому было нежелание Сталина отказаться от выгодных для СССР положе-

ний об особых правах, зафиксированных в ялтинских соглашениях. Кроме того, особое недовольство китайского лидера Мао Цзэдуна вызывало то обстоятельство, что одновременно с подписанием Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи 1950 г. было заключено еще одно секретное соглашение, запрещающее гражданам третьих стран посещать Северо-Восток Китая и Синьцзян. Советская сторона также неодобрительно высказывалась в отношении установок и методов проводимой в Китае кампании "трех красных знамен".

В целом в тот период, особенно на протяжении первой китайской пятилетки, советское правительство оказывало важную помощь в экономическом строительстве нашей страны. Одновременно оба государства также координировали и объединяли усилия по многим международным проблемам. Вместе с тем разногласия между двумя странами, находившимися на разных этапах развития, и по этой причине отличавшимися одно от другого с точки зрения их положения и могущества, становились все очевиднее. И хотя китайско-советский союз имел ключевое значение для укрепления политической власти и государственного планирования в новом Китае, однако с позиций опекаемой стороны, в положении которой оказался Китай, китайско-советские отношения были неравноправными, а Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г. был также неравноправным договором.

С приходом к власти Хрущева противоречия и конфликты стали возникать все чаще, и в конце концов явные и завуалированные разногласия в отношениях двух стран вылились в открытый раскол. Произошло много важных исторических событий, оказавших глубокое влияние на характер этих отношений, как например, восстание в Тибете в 1959 г. В августе 1959 г. во время китайско-индийского пограничного конфликта Советский Союз фактически занял позицию поддержки Индии. В 1960 г. "Хунци" и "Жэньминь жибао" опубликовали директивные статьи, а компартии Китая и СССР вступили в открытую полемику. В 1960 г. произошло столкновение на китайско-советской границе. В 1962 г. во время восстания в Илийском крае (Кульджа) в Синьцзяне 67 000 человек бежали в СССР. В 1963 г. США, СССР и Великобритания подписали Договор о частичном прекращении испытаний ядерного оружия. В 1964 г. начались переговоры о китайско-советской границе. В октябре 1964 г. Хрущев лишился своего поста и т.д.

Результатом стало то, что на протяжении указанного периода идеологические разногласия между Китаем и СССР продолжали углубляться, особенно после вступления советских войск в Чехословакию и "пражской весны", когда Китай расценил действия СССР как «социал-империализм». В марте 1965 г. СССР, невзирая на решительные возражения Китая, созывает международную конференцию коммунистических партий, после чего китайско-советский межпартийный раскол еще более обострился. Кроме того, в оценке международной обстановки у Китая и СССР возникли несовместимые и даже взаимонеприемлемые взгляды. Например, по вопросу войны во Вьетнаме Китай и СССР, исходя из собственных позиций, придерживались совершенно различных точек зрения.

В результате того, что в этот период основа и механизмы взаимного доверия были полностью утрачены, и исходя из целей, отвечавших их внутренней ситуации на данный момент, Китай и СССР предприняли в отношении друг друга целый ряд решений и действий. Что касается СССР, то он, пользуясь личиной "старейшей партии", перенес идеологические споры и разногласия в область межгосударственных отношений. Дошло до того, что не останавливаясь перед нарушением соглашений советская сторона отозвала на родину работав-

ших в Китае советских специалистов, а также отказалась выполнять контракт по поставкам в Китай оборудования для производства ядерного оружия. Подобные шаги, свидетельствовавшие об утрате доверия, привели к углублению противоречий между сторонами и стали одним из главных детонаторов ухудшения китайско-советских отношений. Что касается китайской стороны, то осознавая свою слабость, ей приходилось поступать так, чтобы выглядеть сильной и способной защитить себя. Так, о событиях, связанных с обстрелом острова Цзиньмэнь в августе 1958 г., Советский Союз не был предупрежден заблаговременно и оказался в положении пассивного наблюдателя. По вопросам длинноволновой РЛС и создания совместного флота китайская сторона также не стала руководствоваться союзническими обязательствами, а сославшись на принцип суверенитета, в категоричной форме отказала советской стороне в осуществлении ее намерений. Развернувшаяся в Китае открытая полемика стала прологом “левой” внутренней политики в стране. В ходе этой полемики были систематизированы все «левые» руководящие идеи, которые послужили теоретической основой для проведения “культурной революции”.

10 лет “культурной революции” по существу стали периодом наиболее острых нападок Китая на “советский ревизионизм”. В этот период китайско-советские отношения достигли своей самой низкой точки. Различные двусторонние связи почти полностью прекратились. Вплоть до того, что после разгрома “банды четырех” в период проведения курса «двух абсолютов» «советскому ревизионизму» во внешнеполитическом курсе Китая по-прежнему отводилось важное место. Например, утверждалось, что “советский ревизионизм — самый опасный источник войны”, “советский социал-империализм — наш самый главный, самый опасный враг” и т.п. В ответ на китайские обвинения в ревизионизме советская сторона точно также представляла Китай своим главным врагом. Тональность ее высказываний была весьма резкой. В 1976 г. на XXV съезде КПСС Брежнев декларировал: “Китай является важным резервом империализма в его борьбе против социализма”. Бывший в то время секретарем ЦК КПСС Пономарев говорил: “Запад переправляет в Китай некоторое техническое оборудование, своими руками помогая создавать очень опасную базу для развязывания мировой войны” и т.д.

Необходимо отметить, что под влиянием политической обстановки в стране наша внешняя политика сбилась тогда на ложный “левацкий” курс, взяв за основу “путь классово-борьбы”. Лозунг “до конца разгромим советский ревизионизм” стал руководящей идеей в поддержку мировой революции. Однако следует обратить внимание, что политика борьбы с “советским ревизионизмом” в значительной степени объяснялась интересами государственной безопасности, так как в то время, по нашему разумению, международная обстановка складывалась таким образом, что СССР напал, а США находились в положении защищающейся стороны, т.е. угроза Китаю исходила главным образом с севера. И хотя создавалось впечатление, что ухудшение китайско-советских отношений вызвано идеологическим расколом, фактически интересам государственной безопасности Китая противостоял великодержавный шовинизм СССР.

Кроме того, с точки зрения международных отношений Китай прежде всего вышел за рамки биполярной архитектоники с участием противостояния СССР и США. В этом состояло его историческое новаторство. И хотя Китай не представлял собой независимый полюс мировой политики, все же это был необходимый процесс выхода Китая дипломатическим путем к независимости и са-

мостоятельности. Иначе говоря, предпринятые китайской дипломатией в этот период важные шаги и достигнутые большие успехи растопили лед в китайско-американских отношениях.

Прошли годы, отгремели грозы, и в 1979 г. истек 30-летний срок действия китайско-советского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. Китайская сторона в соответствии с условиями Договора предложила провести переговоры о межгосударственных отношениях, и с тех пор начал осуществляться переговорный процесс, направленный на нормализацию китайско-советских отношений. Нормализация межгосударственных отношений между КНР и СССР стала важной составной частью в стратегии китайской дипломатии. Чрезвычайно видную роль в этом, как в стратегическом, так и в тактическом планах, сыграл товарищ Дэн Сяопин. На протяжении всего переговорного процесса, связанного с нормализацией китайско-советских отношений, главной мыслью Дэн Сяопина было создание условий для мирного строительства в стране, ради чего он прилагал много усилий с целью улучшения отношений с каждым государством. В 1989 г. накануне визита Горбачева в Китай Дэн Сяопин в беседе в Шанхае с министром иностранных дел СССР Шеварднадзе поделился своими размышлениями о стратегии Китая. В процессе переговоров о нормализации китайско-советских отношений главным является решение вопроса об устранении трех препятствий: 1) СССР прекращает оказание поддержки Вьетнаму в его агрессии против Камбоджи; 2) СССР возвращает свои пограничные войска на позиции 1964 г. и одновременно выводит свои воинские части из Монголии, 3) СССР выводит свои войска из Афганистана. Впоследствии советская сторона постоянно предпринимала соответствующие усилия, в том числе по выводу войск из МНР, Афганистана и т.д. Три препятствия к нормализации китайско-советских отношений были в основном устранены. К 1989 г. эти отношения были нормализованы.

Резюмируя сказанное об истории развития китайско-советских отношений, можно сделать следующие выводы:

— 1950-е годы — время союзнических отношений. В исторических условиях того времени — это имело ключевое значение для становления и существования нового Китая. СССР искренне помогал нам. Заключение союза само по себе означало, что Китай оказался в положении защищаемой стороны. Китайско-советские отношения были неравноправными. Договор 1950 г. также был неравноправным.

— 1960-е годы — от разногласий к расколу. С чего начались разногласия? Обычно говорят, что все началось с идеологических разногласий. Фактически глубинные причины заключались в расхождении государственных интересов. В плане международных отношений Китай прежде всего вышел за рамки биполярной архитектоники, что стало настоящим прорывом.

— 1970-е годы — от борьбы против империализма и ревизионизма к созданию единого фронта борьбы против ревизионизма. Внешне — проявление идеологических разногласий, а фактически — столкновение интересов нашей государственной безопасности с великодержавным шовинизмом СССР.

1980-е годы — десятилетие переговоров о нормализации отношений. Настойчивая постановка Китаем вопроса о "трех больших препятствиях" является стратегическим соображением, касающимся создания внешних условий для государственного строительства.

II

Возвращаясь к изложенному выше, следует констатировать, что отношения Китая с Советским Союзом, несомненно, являлись одними из самых важных двусторонних отношений в мире. Их важное значение проявлялось, главным образом, в следующих трех областях:

Во-первых, широта, глубина и сложность китайско-советских отношений превосходили параметры отношений между многими другими большими государствами. Китайско-советские отношения включали в себя межгосударственные и межпартийные связи, личные контакты между государственными и партийными руководителями высокого ранга. Они охватывали связи между великими державами, социалистическими странами с несхожими культурами, между национальными государствами нового типа и большими государствами с европейскими традициями, связи другого глубокого содержания, которые тесно переплетались с государственными интересами, игравшими важную роль в международных отношениях, идеологией и другими факторами. В целом история китайско-советских отношений демонстрирует всю сложность происходившего процесса: от “медового” периода 1950-х годов до “споров” в 1960-е годы и “борьбы” в 1970-е годы; наконец, период примирения в 1980-е годы вплоть до стабильного перехода к формированию нового типа отношений стратегического сотрудничества и партнерства. На протяжении этих этапов, опускаясь с высоты вниз и вновь восстанавливаясь, китайско-советские отношения прошли такой же путь, как отношения других государств: от обычных государственных связей к новому, близкому к братскому стратегическому союзу, от колеблющихся партнеров к непримиримым стратегическим противникам. Затем, пройдя трудный процесс нормализации, страны возвратились к дружественным межгосударственным отношениям и, наконец, после распада СССР начали создавать новый тип отношений стратегического сотрудничества, присущего взаимоотношениям великих государств. Отношения между Китаем и СССР постоянно видоизменялись — от доверительности к враждебности, от одной крайности к другой, были взлеты и падения, огорчения и радости, что редко можно наблюдать в современной международной жизни. И с этой точки зрения китайско-советские отношения являются важным примером современных международных отношений, заслуживающих серьезного изучения.

Во-вторых, процесс развития китайско-советских отношений оказал большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику двух стран. Если говорить о Китае, их роль для китайцев и влияние на развитие китайского общества являются принципиально важным фактором. После образования современного государства вплоть до 1970-х годов многие значимые события во внутренней и внешней политике Китая были прямо или косвенно связаны с китайско-советскими отношениями. Поистине залпы Октябрьской революции донесли до Китая марксизм. Создание, становление и, наконец, приход к власти правящей в Китае партии — КПК — тесно связаны тысячами нитей с СССР и советской компартией. После образования КНР оба государства вступили в союз, и Китай осуществлял социалистическое строительство по советскому образцу. С конца 1950-х годов СССР снова становится главным объектом нападок со стороны Китая. Отношения между двумя странами из союзнических превращаются в противостояние и противоборство, вплоть до демонстрации военной силы. Именно из-за силового давления со стороны СССР Китай с 1970-х годов начал налаживать связи

с США и другими западными странами, а также проводить реформы, вступил на путь развития социализма с китайской спецификой. Можно констатировать, что не поняв причин скачкообразного развития китайско-советских отношений, нельзя углубленно понимать историю китайской революции и развития Китая. Что касается Советского Союза, то для советских людей отношения с Китаем не были самыми приоритетными, однако, очевидным минусом в этой связи было то, что они были достаточно тесно связаны с изменениями внутренней ситуации в стране и оказывали важное воздействие на ее внутривнутриполитическую и экономическую обстановку. В этом заключаются несоответствия и нестыковки в китайско-(советско)-российских отношениях и именно поэтому изучение двусторонних отношений имеет особое значение.

В-третьих, история китайско-советских отношений, тесно связана с развитием и изменением в истории международных отношений. В период «холодной войны» эта взаимосвязь проявилась прежде всего во взаимоотношениях в «треугольнике» Китай—СССР—США и том широко политическом влиянии, которое он оказывал. В течение 40 лет после образования нового Китая главная озабоченность китайской дипломатии состояла в том, как выстраивать отношения с СССР, как втянуть китайско-советские отношения в большую игру с западными странами во главе с США. В 1950-е годы — союз с СССР против США, в 1960-е — курс против СССР и против США, в 1970-е — союз с США против СССР, в 1980-е годы одним из ключевых элементов была позиция, когда, не вступая в союз, можно было влиять на отношения с великими державами. Можно сказать, что на протяжении 40 с лишним лет Китай варьировал свою внешнеполитическую стратегию, каждый раз внося изменения в определение формы и места китайско-советских отношений. Некоторые ученые хитроумно заявляют: «Между Китаем, США и Россией существует особая взаимосвязь в силу прагматичности их политики. Это проявляется не только в том, что при развитии двусторонних связей в качестве отправной точки учитывается позиция третьего государства... но и в том, что изменения в двусторонних отношениях естественным образом влияют на третью сторону, а это значит, что двусторонние связи каждого из трех государств не направлены против третьей страны в качестве ближайшей цели или объекта, но могут оказывать влияние на третьи страны и их взаимосвязи». Если обратиться к истории, то можно увидеть, что до окончания «холодной войны» и китайско-советские и китайско-американские отношения занимали достаточно важное, центральное место в стратегии и внешнеполитическом курсе Китая. Если говорить о сегодняшнем дне, то на современном этапе и в будущем отношения Китая с Россией и США по-прежнему есть и будут важнейшими в нашей внешней политике. После вступления в XXI век между Китаем, Россией и США на определенном уровне фактически сохраняется взаимовлияние, хотя в настоящее время эти трехсторонние отношения схожи в этом с отношениями периода «холодной войны».

III

Преодолев периоды радостей и печалей, подъемов и спадов в двусторонних отношениях Россия, ставшая правопреемницей СССР, и Китай, который после распада Советского Союза стал более зрелым, вновь активизировали свои усилия и на основе общепринятых международных норм установили «джентльменские отношения». С 1992 г. они считают себя дружественными государствами.

ми, с 1994 г. установили отношения конструктивного партнерства, которые в 1996 г. подняли до уровня стратегического сотрудничества и партнерства, в 2001 г. подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, а в 2004 г. главы двух государств на встрече в Пекине окончательно решили вопрос о границе. Отношения между двумя государствами стали более последовательными, устойчивыми, все более зрелыми и закономерными, непрерывно развивающимися. Наступил самый лучший период в истории взаимоотношений двух стран. Поскольку между двумя сторонами были установлены партнерские отношения, а не дружеские, то и межгосударственные связи строились на реальной основе, взаимные пожелания и прогнозы на высоком уровне делались открыто, стабильность в отношениях двух стран приобрела еще большую устойчивость.

Сопоставляя историю развития китайско-советских и китайско-российских отношений, можно, по-моему мнению, выделить пять основных выводов:

Первое. В государственных отношениях необходимо соблюдать принцип равноправия. Положение и место в мировом сообществе двух государств и двух партий, Китая и СССР, конечно, не одинаковы, соотношение сил неравнозначно, фактически это были неравноправные отношения. Именно потому, что силы Китая и СССР были несоразмерны, фактически отношения между двумя странами нельзя было считать равноценными. СССР самовозгордился как большая страна с большой партией, давал директивы и указания, выстраивал двусторонние отношения по-своему, как отношения между руководителями и руководимыми. Когда же взаимные интересы не совпадали, появлялось неуважение к интересам другой стороны, происходило вмешательство во внутреннюю политику другого государства, были случаи нарушения его суверенных прав. Товарищ Дэн Сяопин подверг это глубокому анализу. Он говорил, что «подлинная суть китайско-советских разногласий заключалась в неравноправии, когда китайцы почувствовали позор и унижение».

Второе. В международных отношениях необходимо соблюдать взаимное уважение, невмешательство во внутренние дела, не оказывать давления. Каждая страна имеет свои исторические традиции, культурную основу, которые необходимо взаимно уважать, не прибегая к методам силового давления. В этом отношении обе стороны, и Китай и СССР, допускали ошибки, заявляя исключительно о своей собственной «левизне» или революционности и оказывая тем самым давление на другого. Необходимо также с особым уважением относиться к культурным различиям, действуя «вместе, но не одинаково».

Третье. Межгосударственные отношения не должны устанавливаться на основе идеологической линии. Разногласия и борьба двух партий в области идеологии оказали непосредственное влияние и сыграли разрушительную роль в процессе трансформации китайско-советских отношений от дружбы к противостоянию. Эти разногласия отразились на международном коммунистическом движении, международной стратегии, на теоретических спорах по проблемам социализма, привели к расколу в отношениях двух партий, повлекшему крушение межгосударственных связей. Межпартийные разногласия привели к межгосударственным, теоретические расхождения — к организационному расколу, что в конце концов породило стратегическое противостояние. Смещение идеологических интересов с практическими государственными нанесло значительный ущерб межгосударственным отношениям и дружбе народов. Уроки истории сви-

детельствуют, что идеология, даже самая лучшая, не должна служить критерием, определяющим межгосударственные отношения.

Четвертое. Важнейшим принципом развития межгосударственных отношений должна быть защита государственных интересов. Китайско-советские разногласия фактически выявили противоречия в интересах двух стран. СССР, прикрывая собственные государственные интересы пролетарским интернационализмом, требовал, чтобы Китай подчинялся этим его интересам. Сами же мы редко заявляли о наших собственных государственных интересах. Российский китаевед Гончаров, говоря о китайско-советских отношениях, признавал: "Неурушимое идейно-политическое единство соцстран, как принято считать, — действительно важный вопрос, который нужно обсуждать в первую очередь, а в рамках социалистических стран должно быть единство интересов. На практике такое положение обычно означало, что социалистические государства должны были подчинять собственные интересы интересам Советского Союза".

Пятое. Необходимо правильное отношение к вопросам истории. Исторические проблемы между Китаем и СССР порождены, инициированы пограничными вопросами. Царская Россия путем неравноправных договоров захватила большие китайские территории. По существу, это давно аксиома. Однако после начала переговоров о границе в 1964 г. советская сторона обеспокоилась тем, что Китай хочет вернуть "утраченные территории", и заново переписала историю. Рассекреченные ныне архивные документы и материалы подтверждают, что руководство ЦК КПСС после 1964 г. неоднократно давало указания, требуя, чтобы научные центры и издательства заново переписали историю формирования китайско-советской границы. А китайская сторона фактически с самого начала четко заявляла, что хотя установлено, что договоры о китайско-советской границе являются неравноправными, она по-прежнему готова, приняв их за основу, решать пограничные вопросы, не требуя возвращения Россией захваченных ею 1,5 млн кв. км территорий. Ныне пограничная проблема уже решена окончательно и вопросы истории не будут чинить препятствий отношениям между двумя странами.

IV

В 2006 г. исполнилось 10 лет установления между Китаем и Россией отношений стратегического сотрудничества и партнерства. За эти 10 лет в международной обстановке произошли большие изменения, китайско-советское стратегическое взаимодействие в это напряженное время прошло серьезные испытания. Оказавшись перед лицом серьезных изменений в международной обстановке, сообщая прилагая немало усилий для продвижения многополярности и процесса демократизации международных отношений, приняв вызов экономической глобализации и наращивая зоны совпадения интересов, непрерывно углубляя стратегическое сотрудничество, Китай и Россия добились заметных успехов. Межгосударственные связи достигли самого высокого уровня за всю их историю. Стремительно развивалось экономическое сотрудничество. Стратегическое партнерство Китая и России стало важным элементом международной политической стабильности. Итоги прошедших лет показывают, что политические решения, принятые руководителями двух стран

* Ли Юаньхуа. Размышления об истории китайско-советских отношений [Нэймынгу да-сюэ сюэбао] // Жэнь вэнь шэжуэй кэсюэбань, 2002. № 6. С. 68.

Письма в редакцию

Уважаемая редакция!

Очень прошу напечатать мое письмо в редакцию с ответом на критику моей монографии "История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.)" (Мн.: БГУ, 1999), содержащуюся в книге Г.В. Мелихова "Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925—1932) (М.: Русский путь; Викмо-М, 2007).

Н.Е. Аблова, д.и.н., профессор.

По поводу книги Г.В. Мелихова "Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925—1932)".

Недавно вышла в свет новая книга известного русского историка, специалиста по российской эмиграции в Китае Г.В. Мелихова "Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925—1932)". Интересная, как и другие работы этого исследователя, монография богата фактическим материалом и основана на широком использовании мемуарной литературы и периодической печати. Однако в книге, к сожалению, встречаются некоторые положения, которые меня как историка, заботящегося о своем добром имени, не могут оставить безразличной. Речь идет о критических замечаниях Г.В. Мелихова в адрес моей книги "История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.)". Так, ученый говорит, что "выполнение китайской стороной Соглашения (1924 г. — Н.А.) вряд ли можно определить как "предательство китайцами интересов эмиграции", как пишет Н.Е. Аблова. Это утверждение белорусского историка повисает в воздухе и, по меньшей мере, является некорректным" (С. 63). Но ничего подобного я и не утверждаю! В моей работе нет приведенной Г.В. Мелиховым закавыченной цитаты, а пишу я всего лишь, что "белые русские были принесены в жертву, и конфликт разрешился сравнительно легко" (Аблова Н.Е. С. 94). Зачем приписывать мне то, чего нет в книге? Более того, в разделе, посвященном трагическим событиям в Трехречье, Г.В. Мелихов безосновательно обвиняет меня в "выполнении социального заказа", в попытке опровергнуть факты, приведенные в книге Н.С. Сибирякова и цинизме (С. 169). Подобные серьезные обвинения должны быть убедительно аргументированы и доказаны, а не просто сформулированы. Я не работала с книгой Н.С. Сибирякова, о ней в моей работе нет ни слова и, естественно, я ничего не опровергала. Говоря о трагических событиях в Трехречье, я выражаю глубокое сочувствие к пережитому русскими людьми в те дни, употребляю исключительно термин "трагедия в Трехречье" (Аблова Н.Е. С. 146—147). О каком же цинизме идет речь?

Говоря о реакции руководителей западноевропейской русской эмиграции на последствия советско-китайского конфликта 1929 г., в частности об упреках И.А. Владиславлева в адрес Д.Л. Хорвата, Г.В. Мелихов приводит очень пространственный ответ генерала, разъясняющий позицию руководства дальневосточ-

ной эмиграции в этом конфликте. После чего историк почему-то обвиняет меня в том, что я выдаю "рассуждения Д.Л. Хорвата ни больше и ни меньше как за готовые военные планы белых" (С. 183). Но ничего подобного в моей работе нет, я привожу лишь коротенькую цитату из ответа Хорвата Владиславлеву и никак не комментирую данное письмо главы российской эмиграции в Китае (Аблова Н.Е. С. 146). По поводу инцидента с убийством русского эмигранта В. Гомонилова. Г.В. Мелихов утверждает: "Совершенно иное, искаженное освещение этот эпизод получил у Н.Е. Абловой, которая трактовала его как "антисоветский" (С. 249). Я же по этому поводу пишу одну фразу: "Воспользовавшись тем, что в Харбине был убит русский эмигрант В. Гомонилов, харбинские власти произвели массовые аресты советских граждан (до 70 человек)" (Аблова Н.Е. С. 96). Никакой трактовки, тем более искаженной, в моей книге нет.

Я была бы очень признательна за сделанные в мой адрес справедливые замечания и с благодарностью учла бы их в дальнейшей работе, тем более, что моя книга, конечно, не свободна от недостатков. Однако принять искажения текста никак не могу. Необходимо приветствовать научную критику и полемику, но они должны быть взвешенными, объективными и направленными на достижение истины.

Н.Е. Аблова, доктор исторических наук, профессор.

В редакцию журнала "Проблемы Дальнего Востока"

По поводу статьи Го Циюна «Исследования современного конфуцианства в КНР»

В первом номере журнала за 2008 г. опубликована содержательная статья китайского профессора Го Циюна об исследованиях современного конфуцианства в Китае в переводе А. Калкаевой. К сожалению, в добротный перевод вкралась одна ошибка — профессор Сяо Цзэфу назван Сяо Шафу. Проф. Сяо Цзэфу (1923 г. рожд.) является видным китайским философом старшего поколения, автором многих книг, в том числе вышедшей еще в первой половине 80-х гг. прошлого столетия двухтомной "Истории китайской философии", выдержавшей по крайней мере два издания (приходится также констатировать, что его фамилия отсутствует в списке персоналий первого тома "Энциклопедии духовной культуры Китая"). Мне довелось познакомиться с ним во время международной конференции в г. Хуангане в декабре 1985 г., о которой говорится в статье. Он не только крупный ученый, но и удивительно скромный человек, в силу чего "остаётся в тени" многих других китайских философов.

С уважением

Проф. В.Г. Буров

Рецензии

Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.

Очередная книга известного китаеведа, признанного специалиста по истории конфуцианства и политической культуры Китая представляет собой своеобразное резюме тех изысканий, которые ученый вел на протяжении последних десятилетий. Она стала концентрированным выражением взглядов исследователя на историческую роль той системы идей, которую создали Конфуций и его последователи.

Книга начинается с рассказа об истоках этой системы — об учении ее основоположника. Конфуций (Кун-цзы, 551—479 до н.э.), уроженец небольшого, но высокообразованного в культурном отношении древнекитайского царства Лу, предстает не просто транслятором древней мудрости, каким он сам себя считал ("Я передаю, но не творю...")¹. Он показан как творец Слова, перевернувшего жизнь целой цивилизации.

С первых страниц автор раскрывает содержание тезиса, который считает квинтэссенцией конфуцианской культуры. Категорию хэ, которую принято толковать как "гармония", Л.С. Переломов в общественно-политическом контексте предлагает понимать как "единство в разномыслии". Такая трактовка, с одной стороны, выражает идею ответственного, этически мотивированного соучастия в управлении государством со стороны мудрых и достойных людей, тех, кто имеет мужество выражать собственное мнение; с другой — предполагает учет и согласование власти имущими различных точек зрения при принятии важных решений. К этой категории автор не раз возвращается в разных главах исследования. Дело в том, что изложение, хотя и не является вполне последовательным (автор широкими мазками показывает наиболее яркие и характерные проявления конфуцианства в теории и практике в разные

исторические эпохи), однако в целом построено по проблемно-хронологическому принципу. Это позволяет показать эволюцию культурной и идеологической роли базовых принципов и понятий рассматриваемого учения на разных исторических этапах.

Л.С. Переломов знакомит читателя со сведениями о жизни Учителя китайской нации, содержащимися в древнекитайских памятниках. На тернистом жизненном пути Конфуция были и проведенные в бедности и унижениях детство и юность; и самоотверженные занятия самообразованием, позволившие ему от службы на мелких должностях у местной знати дойти до высоких постов в государственном аппарате; и, наконец, решительный отказ от карьеры в знак протеста против недолжного поведения правителя. Этический ригоризм обрек мыслителя на долгие скитания с ближайшими учениками по царствам Древнего Китая в бесплодных поисках отыскать государя, который попытался бы осуществить в своем уделе программу совершенствования человека и общества, предложенную Конфуцием. Зато философ из Лу обрел себя как педагог, основоположник системы идей о человеке и мире, внедренной в сознание учеников и составившей духовный фундамент китайского государства.

Автор разъясняет основные положения учения Конфуция и важнейшие категории конфуцианства, сравнивая различные толкования пассажей "Лунь юя" ("Бесед и суждений") — памятника, составленного учениками мыслителя и содержащего его высказывания. Тем самым ученый приоткрывает читателю герменевтические принципы, положенные в основу текстологических исследований, дает своего рода урок проникновения в смысл текста. Особо подчеркивает Л.С. Переломов

социально-практическую нацеленность философии Конфуция. Она ярко проявила себя и в тех немногочисленных замечаниях мыслителя, которые впоследствии дали основание для развития метафизических аспектов конфуцианской философии, например о природе человека, о Дао-Пути и т.п.

Дао у Конфуция Л.С. Переломов толкует, с одной стороны, как педагогический и социально-политический инструментарий (“комплекс идей, принципов и методов”), с другой — как “Путь познания истины” (С. 46). Этот Путь обретается *цзюнь цзы*, “благородным мужем”, “преодолевшим себя, дабы вернуться к Правилам” (так ученый предлагает толковать категорию *ли*, которую чаще переводят как “ритуал”). Автор довольно подробно останавливается на оттенках смысла как категории *цзюнь-цзы*, так и термина *сяо жэнь* (“маленький человек”), обозначающего социальный и этический антипод “благородного мужа”: *сяо жэнь* тянется к выгоде в ущерб моральному долгу, пренебрегает учебой и потому обречен на роль подчиненного. Эта социальная и этическая дихотомия служит для автора тем конструктом, который позволяет раскрыть содержание и специфику базовых категорий конфуцианской мысли: *жэнь* (“человеколюбие”), *вэнь* (“литература”, “культура”, “культурность”) — главные составляющие морального и интеллектуального облика *цзюнь-цзы*; *дэ* (“добродетель”) и других. Находится здесь место и категории *хэ* — “единство через разномыслие” ? как приоритету “благородного мужа”, не приемлющего слепого подчинения, “одинаковости” ? *тун* (у Л.С. Переломова — “единство через послушание”). Именно благодаря принципу *хэ*, полагает автор, “благородный муж” обретал самостоятельность мышления, активность, умение признавать за противной стороной право на собственное мнение, что “делало образ *цзюнь-цзы* более полнокровным и превращало его в важную часть общей теории управления государством” (С. 55).

Автор показывает, как нравственные категории Конфуция создают основание учения об обществе и государстве, принятого и развивавшегося имперской культурой. Категория *сяо* (“сыновья почтительность”), выразившая главный принцип жизни родового социума, перенесен-

ный в культуру империи, стала базовым принципом общественных отношений: уже в эпоху Хань (206 до н.э. — 220 н.э.) появились законы, строго наказывавшие за доношение на старших родственников, даже совершивших преступление. Понятие *чжи* (по Л.С. Переломову — “ум”, “знание”) превратилось в главный критерий развития личности, а этически мотивированные “правила”—*ли*, возвращение к которым через самопреодоление делает человека “человеколюбивым” (*жэнь*), стали “не только организующим началом общества, но и основой государства” (С. 74). Жизненную силу конфуцианства автор во многом объясняет тем, что это учение отражало интересы и ценности традиционно прочного в Китае низового социума ? общины, заинтересованной во внутренней стабильности и обратной связи государства и народа (С. 83, 98, 105, 121–123, 166 и др.).

Отдельная глава посвящена взглядам главного, по мнению Л.С. Переломова, идейного противника Конфуция — мыслителя IV в. до н.э. Шан Яна. Он впервые предложил целостную экономическую и политическую теорию *фа цзя* — “школы закона”, легизма. Земледелие и война как единственно достойные сферы деятельности; концепция безличного закона, исходящего от правителя; отношение к ценностям ориентирам конфуцианства, от классических писаний и этико-ритуальных “Правил” до музыки и “острого ума”, как к “паразитам”, разлагающим единодержавие; идея строгого наказания за любые, даже незначительные преступления; круговая порука, грозящая карой начальству, сослуживцам и родственникам провинившегося; жесткий контроль за чиновниками-исполнителями — эти теоретические положения были осуществлены на практике, что привело к быстрому усилению царства Цинь, где сановник Шан Ян проводил свои реформы. Учение легизма опиралось на концепцию “злой”, животной, эгоистической природы человека, свойства которой должен учитывать правитель, чтобы успешнее манипулировать подданными.

Дабы ярче оттенить диалектическую противоположность легистской и конфуцианской теорий, автор в отдельном параграфе представил учение Мэн-цзы (372–289 до н.э.), самого выдающегося из ранних

последователей Конфуция. По мнению Л.С. Переломова, текст трактата “Мэн-цзы” “является развернутым ответом на “просьбы” Шан Яна” (С. 144). В нем представлена концепция “гуманного правления” (*жэнь чжэн*), исходящая из учения о “доброй” природе человека. Высшей “добродетелью” (*дэ*) правителя Мэн-цзы полагал умение “охранять народ” (*бао минь*). “управлять людьми как добродетельными” (С. 148). В противоположность легистам он выступал за воспитание народа на основе традиционной морали, невмешательство правителя в деятельность мудрых советников, которым следовало доверять управление.

Легистская теория была в масштабах всей Поднебесной воплощена Цинь Шихуаном, основателем первой китайской централизованной империи Цинь (221–207 до н.э.). Но вскоре после его смерти империя пала, “продемонстрировав общественному сознанию, что в пределах всего Китая полноправный легизм, дистанцировавший власть от народа, не может долго существовать в качестве государственной идеологии” (С. 155). Дальнейшая судьба конфуцианства, по мысли автора, определялась китайской бюрократией, интегрировавшей в имперскую доктрину управления существенные положения легизма (систематическое обновление госаппарата, унификация мышления чиновничества, цензорский надзор, круговая порука и т.п.). Над учением Конфуция, считает Л.С. Переломов, “была проведена... поистине дьявольски изощренная операция — сохранив чисто внешне гуманистическую направленность... бюрократия полностью приспособила его для себя, став полновластным официальным интерпретатором учения” (С. 160). Власть имущие присвоили себе монополию на звание “благородного мужа”, поставив себя над законом: в императорском Китае правящий слой делился на восемь категорий, от “родственников императора” до “гостей правящего дома”, для которых было предусмотрено смягчение уголовных наказаний (С. 162). Бюрократия выступала и толкователем “Правил” (“*ри-туала*”—*ли*), системы моральных и ритуальных норм, “пронизывавших все общество и дававших ему внутреннюю силу оставаться самим собой и не сомневаться в “правильности” своего образа жизни”

(С. 163). Примерами интеграции “Правил” в юридические кодексы являются, в частности, законы, предусматривавшие кару за доносы на родственников, за nepочтительность к старшим родичам и т.п.

Л.С. Переломов отмечает, что в истории Китая были правители, не просто сознательно опиравшиеся на моральный авторитет конфуцианского учения, а сознательно проводившие в жизнь его важные положения. Так, танский Тан-цзун (627—649), воплощая принцип *хэ* (“единство через разномыслие”), создал целую систему совещательных органов, а также изложил свой опыт правления в теоретических трактатах (С. 168–169). На собственное толкование учения Конфуция опирался Чжу Юаньчжан, основатель династии Мин (1368–1644), сформулировавший 18 моральных принципов, выдержанных в конфуцианском духе, и составивший “Уведомление по воспитанию народа”, которое обязывало местные власти через специальных глашатаев шесть раз в месяц оповещать народ о необходимости соблюдения нравственных правил. Свой моральный кодекс из 16 пунктов, своеобразное резюме конфуцианских “Правил”, предложил и второй император маньчжурской династии Цин (1644–1911) Канси (Шэн-цзу, 1662–1723) (С. 174–175).

Особо останавливается автор на описании “государственной системы аттестации чиновников” — экзаменов на знание конфуцианских канонов, служивших в старом Китае главным каналом обновления бюрократического аппарата и одним из средств обеспечения “внутренней устойчивости” китайской цивилизации (С. 178–181). И все же бюрократии, считает Л.С. Переломов, “удалось нанести урон модели личности”, предложенной Учителем (С. 184). В реальной жизни выполнение формальных предписаний оказывалось предпочтительнее соблюдения моральных принципов.

От описания функций конфуцианства в традиционном обществе автор переходит к современному бытию этого учения. Переходом от одной эпохи к другой служит новый широкий “мазок”: отдельная глава, посвященная так называемой кампании критики Линь Бяо и Конфуция, развернувшейся в КНР в 1972–1976 гг. Логику этой

акции автор объясняет, с одной стороны, необходимостью переформирования стереотипа нормативной личности в духе идеологии “культурной революции”, с другой — стремлением Мао Цзэдуна искоренить влияние его бывшего официального преемника, погибшего в 1971 г. Линь Бяо, который “в борьбе за власть в стране обращался непосредственно к Конфуцию, насыщая его суждения новым политическим толкованием” (С. 189). Указанную кампанию автор представляет как частный случай функционирования института “история — политика”, основанного на традиционной осведомленности даже малограмотного китайца в событиях и реалиях прошлого своей страны. “Поэтому, когда политик в своих контактах с народом обращался к истории... он всегда встречал подготовленную аудиторию” (С. 190).

Критические выступления, звучавшие в средствах массовой информации, были поддержаны историческими “разысканиями” китайских ученых, которые связали учение Конфуция с идеологией “гибнущего рабовладельческого класса”. Теории же легистов, воплощенные в реформах Цинь Шихуана, трактовались как выражение прогрессивных общественных тенденций, способствующих становлению централизованного государства и утверждению более передовой общественно-экономической формации. Гонения на конфуцианство в Китае 70-х годов Л.С. Переломов сравнивает с антицерковной кампанией в СССР. Хотя “в Китае опасность правящему режиму представляли каноны”, а в СССР — “сами священники и церкви” (С. 201), в ходе обеих кампаний был “нанесен неисчислимый урон нравственности двух соседних народов” (С. 203).

Отдельно Л.С. Переломов останавливается на концепции *сяо кан* (в его переводе “общество малого благоденствия”) в версии “архитектора китайской реформы” Дэн Сяопина (*сяо кан чжи цзя* — “среднезажиточная семья”). *Сяо кан* в конфуцианском каноне “Ли цзи” (“Записки о ритуале”) рисуется как некое упорядоченное общество, избегающее хаоса и нищеты благодаря действенному применению этико-ритуальных норм (“Правил”). В “Ли цзи” *сяо кан* представлено как достижимое в текущем времени состояние социума, а идеаль-

ный строй *да тун* (“общество великого единения”) относится к совершенному прошлому. В конце XIX в. идеолог реформаторского движения Кан Ювэй представил *да тун* как итог общественного развития; соответственно, *сяо кан* стало трактоваться как переходная ступень к “великому единению”. Схожее толкование *сяо кан* Л.С. Переломов усматривает в построениях политических деятелей Китая XX в., в том числе лидера Гоминьдана Чан Кайши (С. 209–210). Введя на рубеже 70–80-х годов XX в. термин *сяо кан* в политические документы КПК, Дэн Сяопин продемонстрировал миру, что КПК заявляет о себе как хранителе китайской государственности и духовных традиций нации. Эта “заявка” была с пониманием встречена в китайской диаспоре и создала “реальные предпосылки для возвращения Китаю его традиционной роли духовного лидера стран конфуцианского культурного региона” (С. 215).

Автор подробно останавливается на конфуцианских корнях принятых в последние годы в КНР установочных политических и идеологических документов (таких как “Программа укрепления норм гражданской морали”, “Важные вопросы построения гармоничного социалистического общества”), а также идей, озвученных в официальных выступлениях руководителей КПК.

В заключительной главе кратко освещается деятельность созданного в 1984 г. Фонда Конфуция и образованной в 1994 г. Международной конфуцианской ассоциации. Упоминаются и заслуги Русского конфуцианского фонда, выпустившего в 2004 г. первый в России полный перевод конфуцианского “Четверокнижия”.

Отмечая преемственность конфуцианских идеалов и принципов в современной политике КПК, Л.С. Переломов считает особо значимым тезис о “стремлении к единству через разномыслие”, в котором усматривает созвучие идее плюрализма (С. 234, 241). В то же время ученый признает и непреходящую значимость для Китая ряда легистских идей, прежде всего — “право и обязанность государства прочно держать в руках рычаги управления хозяйственной жизнью страны” (С. 241). Конфуцианское наследие, по мнению автора, найдет применение не только во внутрен-

ней жизни Китая: Л.С. Переломов предсказывает возможность реализации во внешней политике КНР “мироустроительной функции” “добродетели”, или “благой силы” (дэ), обретаемой властью благодаря претворению в жизнь духовно-этических традиций прошлого (С. 241).

Некоторые редакторские погрешности не умаляют достоинств книги. Она вводит читателя, не искушенного в исто-

рии политической культуры Китая, в круг соответствующих образов и понятий, помогает осознать насущную необходимость целенаправленной реализации национальной духовной традиции в жизни любого народа. Поэтому монография будет интересна и полезна не только молодому поколению синологов, но и всем, кто задумывается об исторических судьбах как мировой, так и родной культуры.

© 2008

*А. Юркевич,
кандидат исторических наук*

1. Цит. по: Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. М.: Вост. лит-ра РАН, 1998. С. 347.

По страницам журнала Global Asia

Вестник журналов

Весной 2006 г. вышел первый номер журнала Global Asia («Азия в мире»), который в значительной степени был презентационным: в нем были опубликованы статьи членов Редакционного совета, видных в прошлом государственных и политических деятелей. Второй номер, главной темой которого стали проблемы национализма в странах Азии, вышел весной 2007 г. Начиная с третьего номера, журнал должен выходить ежеквартально. Все статьи доступны на сайте www.globalasia.org. Журнал издается Восточноевропейским фондом, находящимся в Сеуле. В Редакционном совете журнала — ряд известных ученых-международников из Южной Кореи, Китая, США, Индии, Японии, Австралии. Россию в нем представляет директор ИМЭМО РАН, академик-секретарь Отделения экономики и международных отношений РАН Нодари Симония.

Главная тема второго выпуска журнала Global Asia за 2007 г. — присутствие и влияние США в Азии. Ее обсуждение открывается статьей «Цели американского присутствия в Азии» известного американского политика и ученого-международника Клайда Престовица, основателя и директора Института экономической стратегии.

К. Престовиц относится к той части консервативного американского истеблишмента, которая с самого начала критически подходила к внешней политике администрации Буша-младшего. Перу Престовица, поработавшего в свое время в нескольких американских администрациях как при демократах, так и при республиканцах, принадлежит известная книга «Страна-изгой. Односторонняя полнота Америки и крах благих надежд» (2003), которая была переведена на русский и издана сразу несколькими издательствами в России в 2005 г. В этой книге на многочисленных примерах показано, как политика США в мире создает им врагов в место того, чтобы увеличивать количество друзей. В результате Америка пре-

вращается в страну-изгой, которую даже прежние союзники начинают опасаться.

В статье, публикуемой в Global Asia, Престовиц, по сути, продолжает данную тему, утверждая, что если в послевоенный период и вплоть до распада Советского Союза руководство США ясно представляло себе цели американского присутствия на азиатском континенте, то с началом 1990-х гг., когда основная цель — предотвращение распространения коммунизма в Азии¹ — была достигнута, азиатская политика США оказалась в тупике.

Престовиц утверждает, что проводившаяся США в Азии до начала 1990-х гг. политика была, во-первых, неизменной, а во-вторых, исключительно успешной (С. 9–10). Оба тезиса представляются достаточно спорными. Что касается первого, то «неизменной» американскую политику могут считать лишь ее откровенные апологеты, не склонные вдаваться в детали. Если говорить об «успешности», то вряд ли распад СССР, как и переход КНР от «построения коммунизма» к строительству «социализма с китайской спецификой», являются заслугой исключительно американской политики. К тому же сегодняшняя ситуация сама по себе как раз служит доказательством того, что стратегия США, рассчитанная на противостояние «коммунистической угрозе», только при условии наличия такой угрозы (реальной или виртуальной) и могла восприниматься азиатскими странами.

Сегодня же американское присутствие в Азии, как отмечает Клайд Престовиц, становится ничем не оправданным, и в этом с автором сложно не согласиться. В отличие от вывода, к которому он приходит — что в ближайшем будущем смысл размышлений о целях американского присутствия исчезнет, поскольку не будет самого предмета (С. 14). Влияние США в азиатском регионе действительно ослабевает, однако военное присутствие США в Азии преследует совершенно другие цели, которые лежат преимудно

щественно в экономической области. И потому, возможно, будет даже расти.

Поднятую Престовицем тему продолжает профессор Кишор Махбубани из Государственного университета Сингапура, статья которого озаглавлена "Проснись, Вашингтон: США рискуют потерять Азию".

Этот призыв и составляет главное содержание статьи. Сингапурский профессор призывает американский истеблишмент понять, что позиции США в Азии подрываются некомпетентностью Вашингтона (С. 18), в то время как именно АТР, а не Европа, Африка или Латинская Америка, станет в текущем столетии важнейшим театром мировой геополитики. И Америка, которой, по мнению Махбубани, удалось в свое время аккумулировать "потенциал доброй воли" в Азии, сегодня все более проигрывает здесь Китаю. А для того, чтобы достойно ответить на "вызовы со стороны Китая", США должны отказаться от "черно-белого мышления" (С. 23). Банальность этого вывода вполне очевидна, однако реакция со стороны тех, кого принято считать союзниками США, лишний раз демонстрирует общее недовольство внешней политикой американской администрации в регионе.

В русле общего тона обсуждения проблемы данного номера находится и статья главного редактора газеты "Асахи Симбун" Еши Фунабаши, посвященная ослаблению идеологического влияния США в Азии. "На взгляд многих азиатских лидеров, — пишет Фунабаши, — США не относятся серьезно к волнующим их проблемам, таким как бедность, окружающая среда, образование, наркотрафик" (С. 39). "США не предложили почти ничего нового для решения этих проблем. Но что еще хуже — они кажутся безразличными, а иногда даже и враждебными ко всем новым идеям, которые выдвигаются представителями Азии" (С. 40).

Позиция Китая по поводу американского присутствия в Азии отражена в статье "США в Азии: в какой степени это касается Китая?", автором которой является Ван Цзисы, декан Школы международных исследований Пекинского университета, директор Института стратегических исследований при Центральной партийной школе КПК. Статья, на наш взгляд, заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку подробно и аргументированно излагает не только официальную точку зрения китайских властей, но и взгляды научных крутов.

По мнению Ван Цзисы, отношение китайского истеблишмента к США за последние десять лет изменилось от банального национализма, черпавшего аргументы почти исключительно из публикаций китайской официальной прессы, в сторону намного более глубокого и сложного понимания происходящих событий, которое опирается на возросшие знания о мире и полученный опыт. Однако при этом в качестве источника этих знаний приводятся две книги, которые, как считает автор статьи, особенно популярны в последнее время среди китайских интеллектуалов и бизнесменов — Джона Перкинса и Сун Хунбина².

К сожалению, о книге Сун Хунбина я могу судить лишь по ее изложению в статье Ван Цзисы (См. примеч. 3). Что касается Перкинса, то я скорее соглашусь с мнением тех, кто считает, что люди, действительно причастные к разрушению экономики в масштабах целых стран, исповедальных книг о себе не пишут. Да и стиль этой работы крайне далек от научного.

В то же время заслуживает внимания указание Ван Цзисы на то, что в последнее время акцент в отношении Китая к США смещается с обеспокоенности вопросами военной безопасности (помощь США Тайваню и американское военное присутствие в западной части Тихого океана), к более общим проблемам, в число которых китайский эксперт включает вопросы финансовой безопасности Китая, энергетические проблемы, защиту окружающей среды, проблему изменения климата, торговый баланс, проблемы интеллектуальной собственности, качество и сохранность продукции и т. д. Ван Цзисы объясняет это ростом объемов и открытости экономики и ускорением изменений в китайском обществе, а также выходом Китая на глобальный уровень развития (С. 25). По нашему мнению, однако, это общая тенденция мирового развития, при котором военное противостояние все больше занимает подчиненное положение и дополняется соперничеством по самому широкому кругу проблем.

Примерно о том же пишет далее и Ван Цзисы, указывая, что более глубокое понимание политики США и внимание к тем проблемам безопасности, которые не являются традиционными для Китая, не приводят к росту доверия в китайско-американских отношениях. Напротив, практически по каждому вопросу китайская сторона подозревает американскую в наличии

планов ослабить Китай и получить выгоду от его нестабильности.

Ван Цзисы подчеркивает, что несмотря на широко распространенные в Китае надежды на ослабление влияния США в мире в результате иракской и других авантур, стратегическое планирование в Пекине исходит из представления о продолжающемся росте возможностей США влиять на мировые дела, особенно в том, что касается "жесткой силы" ("hard power"). По мнению китайских аналитиков, экономика США, несмотря на проблемы на ипотечном рынке, продолжает увеличивать разрыв по отношению к экономикам Японии и Евросоюза, технологическое превосходство США неоспоримо, военные расходы постоянно растут, доминирование в культурном отношении также сохраняется (С. 25).

США сегодня остаются единственной страной, способной "проецировать" свою силу в любой уголок мира. И при этом, как подчеркивает Ван Цзисы, те, кто определяют китайскую политику, имеют все основания считать, что целью растущего американского влияния как на глобальном, так и на региональном уровне является ограничение международного влияния Китая. И в этих условиях, по мнению китайского аналитика, Китаю нужно скорее "принизать" собственную роль, вести себя на международной арене "скромнее" и воздерживаться от прямых вызовов политике США. Именно на это направлены официальные заявления Пекина о приверженности Китая "пути мирного развития" и целям построения "гармоничного мира" вместе с другими странами" (С. 26) и замена в официальной печати идеи о "мирном подъеме" Китая термином "мирное развитие", поскольку слово "подъем" может быть неправильно понято (Там же). В этом контексте заявления международных экспертов о том, что китайская экономика уже сравнялась по размерам с американской и что в течение последующих 10–20 лет Китай станет сверхдержавой, соперничающей с Америкой за господство в Азии, должны вызывать скорее беспокойство в Китае. То же касается и рассуждений о так называемом "пекинском консенсусе" или китайской модели развития как более привлекательной для развивающихся стран, переходящих на модель экономики свободного рынка, по сравнению с "вашингтонским консенсусом"³.

По мнению китайского аналитика, от-

ражающего, по-видимому, и официальную позицию Пекина, Китай должен, с одной стороны, всячески противостоять западному политическому проникновению, а также защищать свою финансовую систему. И одновременно "оставаться спокойным", поскольку при существующем балансе сил между США и Китаем последнему было бы глупо пытаться возглавить даже неформально какую-либо антиамериканскую коалицию или поменять американское господство на собственное.

Кроме того, у США и Китая есть общие интересы и даже идеи. В качестве таковых Ван Цзисы приводит стремление к нераспространению ядерного оружия в АТР (в связи с чем стороны тесно сотрудничают на переговорах по Северной Корее), а также желание снизить уровень противостояния в Тайваньском проливе. В частности, в тайваньском вопросе "и Вашингтон, и Пекин по-тихому скоординировали свои усилия по разрушению надежд Тайваня на независимость" (С. 27). И даже в экономической области, несмотря на напряженность в торговых отношениях, между правительственными органами и "мозговыми центрами" США и Китая "проходят содержательные переговоры для того, чтобы объединить интересы и найти общие решения по таким проблемам как энергетическая безопасность, международная финансовая система, климатические изменения и здоровье общества" (Там же).

Более того, очевидное наличие общих интересов, как пишет Ван Цзисы, заставляет некоторых влиятельных китайских политических аналитиков подчеркивать невыгодность для Китая не только провала США на Ближнем Востоке или еще где-либо, но и в целом снижения американской ответственности за поддержание международного порядка. В результате Пекин в последнее время заметно ослабил критику в отношении поведения американцев на международной арене, за исключением реакции на действия, прямо направленные против КНР. В частности, официальная печать стала реже обвинять США в стремлении к достижению "глобального гегемонизма". Ван Цзисы объясняет это тем, что, по мнению нынешних китайских лидеров, "риторика в международных отношениях при отсутствии возможности достижения реальных целей может быть политически полезна на коротком отрезке времени, однако она не добавит авторитета и доверия

на длинной дистанции" (С. 27). Он указывает и на то, что отсутствие цикличности, объясняемой электоральными мотивами, позволяет внешней политике КНР быть более последовательной и стратегически ориентированной по сравнению с другими. С этим нельзя не согласиться.

Статья Ван Цзисы является, пожалуй, хорошим подтверждением того, что внешняя политика нынешнего китайского руководства обладает теми же особенностями, которые российским экспертам приходилось отмечать и раньше — стратегичность, взвешенность и четкое следование национальным интересам. При этом для Китая главными на нынешнем этапе являются проблемы внутреннего развития. Ван Цзисы не видит никаких международных кризисов, угрожающих базовым наци-

ональным интересам Китая (правда, при условии, что Пекин и Вашингтон смогут найти пути к тому, чтобы Тайвань не укрепил независимость юридически, а Пхеньян отказался от своей ядерной программы — обе задачи нелегки, считает китайский ученый, но вполне решаемы). Внутри страны Китай, напротив, сталкивается со все возрастающим количеством "узких мест" на пути политического, экономического и социального развития (С. 28). При этом действия со стороны США могут лишь усложнить эти проблемы, но не являются их причиной. Представляется, что подобный подход крайне продуктивен, особенно по сравнению с заявлениями многих российских аналитиков и политических деятелей, предпочитающих во всех бедах России винить США.

© 2008

*А. Виноградов,
кандидат исторических наук*

1. Если отбросить дежурные слова о демократии и развитии, то основной целью американской политики в Азии в изложении Престовица было именно это (как, впрочем, и в других частях мира). Все программы экономической помощи и обеспечения безопасности союзников были фактически подчинены данной цели.
2. Книга первого "Исповедь экономического убийцы" (*Confessions of an Economic Hit Man*) вышла в США в 2005 г. и представляет собой написанный в жанре детектива рассказ о деятельности специального экономического подразделения спецслужб США в Латинской Америке и Саудовской Аравии. В том же году она переведена и издана во многих странах, в том числе в России и Китае. Автор второй — "Валютные войны" — китаец, в 1990 г. получивший образование в США и проработавший некоторое время в американских финансовых институтах. Если верить Суну, финансовая история мира представляет собой борьбу закулисных сил за перераспределение благ в пользу богатых. Сун делает вывод, что Китай должен быть готов к "бескровной войне" с силами дьявола в лице Федеральной резервной системы США, которые стремятся разрушить китайскую экономику.
3. Ван Цзисы имеет в виду обсуждение опубликованного в мае 2004 г. влиятельным английским исследовательским институтом Foreign Policy Center эссе бывшего редактора американского журнала "Тайм", а потом консультанта инвестиционной компании "Голдман Сакс" Джошуа Рамо, которое так и называлось — "Пекинский консенсус". Эссе получило широкие отклики и активно обсуждалось как в Китае, так и вне его. Изложение концепции автора эссе, согласно которой суммированный Пекинским консенсусом набор идей представляет собой новый шаг вперед по сравнению с Вашингтонским консенсусом, и различные отклики на него можно найти в статье А.Н. Карнеева (ИСАА МГУ) "Китай и глобализация через призму дискуссий китайских ученых", опубликованной в сборнике "Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности" (М., 2007). Само эссе см.: www.fpc.org.uk.

**Толстокулаков И.А. Политическая модернизация Южной Кореи.
Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2007. Ч. 1 — 2. 779 с.**

В группе молодых ученых-корееведов, буквально ворвавшихся в последние годы в отечественное востоковедение, заметно имя профессора ДВГУ И.А. Толстокулакова. Его очередной труд посвящен многоплановым процессам политической модернизации южнокорейского общества в условиях нарастающих вызовов глобализации.

Рецензируемая работа опирается на обширный круг оригинальных документов и публикаций отечественных и зарубежных авторов. обстоятельно проанализированы история политической и социальной эволюции РК в трудах корееведов советского и постсоветского времени, работах западных, прежде всего американских специалистов. Критически рассмотрены публикации южнокорейских ученых, которые, к сожалению, недостаточно известны в современной России. При этом И.А. Толстокулаков обращает внимание на стремление ряда южнокорейских авторов осмыслить специфическое для Востока понятие "гражданского общества" (Чо Хеин) и особенности взаимодействия между "классической" теорией демократии и "азиатской системой ценностей" (Кан Мунгу, Ким Химин и др.).

Автор выделяет также суждения тех южнокорейских авторов (Ян Сынчоль), утверждающих, что, в отличие от западного либерализма, который трактует государственную власть как категорию, производную от общественных интересов и служащую социуму, в корейской политической культуре национальное государство осмысливается как данность, а общественный и индивидуальный долг — это "служение верховной власти с целью создания сильного и эффективно действующего механизма, интересам которого подчинен каждый гражданин" (С. 124).

Развивая далее эти мысли и суждения, И.А. Толстокулаков особо выделяет гипертрофированное влияние традиционалистского фактора. "Культурная среда конфуцианского мира по-своему интерпре-

тирует многие существенные характеристики демократической модели развития и стремится максимально адаптировать их к своим традиционным основам. Усваивая базовые принципы либерализма и представительной демократии, восточный мир привносит в их воплощение собственные национально-региональные особенности" (С. 684). Этому пока еще малоизученному в отечественном корееведении сюжету посвящена значительная часть рецензируемой работы.

Логически обосновала в рецензируемой книге периодизация истории политической модернизации Кореи. Первый этап автор связывает с японской "колониальной модернизацией", когда завоеватель насильственно насаждал в Корею свои модели имперского управления. Второй (подготовительный) этап охватывает период 1945—1987 гг., когда первые ростки южнокорейской демократии были сметены военно-авторитарной властью. С 1988 г. начинается этап «демократического транзита», когда формируются условия для возрождения и консолидации южнокорейской демократии и перехода в дальнейшем к гражданскому обществу. Немалую роль в этом сыграло влияние межкорейского фактора, а также интенсивное внешнее давление со стороны США.

Каковы основные исторические особенности политической модернизации в посттрадиционных обществах, к которым относится Южная Корея? Исследуя данный сюжет, автор обращает внимание на несостоятельность пренебрежительного, высокомерного отношения к неевропейской культурно-цивилизационной традиции. В равной степени ошибочно отождествление восточной модернизации с процессами вестернизации, поскольку первая базируется на уникальном цивилизационном фундаменте постколониальных обществ. Отнюдь не случайно во многих странах Востока "развитие процесса модернизации сопровождается ростом антизападных настроений, движением за возврат к культурной самобытности" (С. 143), хотя в це-

лом восточная модернизация неизбежно сопряжена со своеобразным синтезом самых различных культурно-цивилизационных массивов. Отсюда неприятие автором концепции Самуэля Хантингтона о неизбежности столкновения мировых цивилизаций.

В мировом корееведении не ослабевают дискуссии об оценке южнокорейского авторитаризма в годы правления Пак Чжонхи и его преемника Чон Духвана. Автор склоняется к позиции тех отечественных ученых, которые оценивают годы военно-бюрократического правления в Южной Корее (1961—1987 гг.) как своего рода “авторитаризм модернизации”, который обеспечил форсированный неоиндустриальный прорыв и радикальное обновление деревни. Военная элита захватила власть 16 мая 1961 г. в условиях глубочайшего кризиса и самораспада консервативного парламентаризма. Военные умело апеллировали ко многим традиционным чертам в социальной психологии корейцев: корпоративный дух, патронимия, самодисциплина и пр. Причем многие нормы конфуцианской этики (трудолюбие, чувство долга, бережливость и др.) тесно переплетались с широко распространенной в стране протестантской этикой. Разумеется, южнокорейский “авторитаризм модернизации” не был лишен глубоких антагонизмов, и насильственная смерть Пак Чжонхи оказалась отнюдь не случайным эпизодом во всей внутриполитической конфронтации, которая, несмотря на “железную хватку”, не прекращалась в обществе ни на один миг.

Начало перехода РК от авторитарной системы пятой Республики к “демократии корейского типа” автор относит к концу 1980-х гг. Весьма примечательно, что генерал Ро Дэу, снявший военный мундир ради восшествия на президентский пост, предпринял максимум усилий, чтобы передать власть Ким Енсаму, одному из наиболее умеренных оппонентов авторитарного режима (С. 384). Это позволило правящей элите страны временно консолидировать на платформе парламентского демократизма партию власти (армейскую верхушку) с влиятельной частью гражданской политической оппозиции (С. 405). Ким Енсам продолжил курс на вытеснение авторитарного наследия, а уже в 1993 г. американский ученый Ч. Джонсон смело назвал

Южную Корею “самой демократической страной в Азии” (С. 461).

Реальное становление гражданского общества в РК автор связывает с приходом в Голубой дворец Ким Дэчжуна и Но Мухена. В годы правления этих администраций РК, преодолевая многие внутренние и внешние катаклизмы и угрозы, форсированно осваивала достижения “техногенной цивилизации” Запада, тщательно оберегая наиболее ценные “черты своей традиционной культуры”, тесно сочетая “модернизацию своего общества с развитием собственной культурной идентичности” (С. 610).

К несомненным достоинствам рецензируемой книги следует отнести сжатое, но содержательное документальное приложение. Практически впервые в русском переводе приводятся “Закон о национальной безопасности”, “Антикоммунистический закон” (в редакции 1976 г.), Декларация Ро Дэу от 29 июня 1987 г., а также содержательная статистика, относящаяся к избранию в РК глав государств в 1948—2007 гг., сведения об итогах парламентских выборов, проходивших в первых четырех Республиках, наименования основных политических партий не только в русском переводе, но и корейской транскрипции. Уникальные материалы, содержащиеся в документальных приложениях, позволяют читателю самостоятельно производить важные уточнения и сопоставления в процессе политической модернизации страны.

Со времени освобождения (1948 г.) до наших дней южнокорейское общество преодолело поистине эпохальный исторический путь политической модернизации — от консервативной гражданской диктаторской власти к военно-бюрократическому режиму и далее к “демократии корейского типа” и гражданскому обществу. Однако этот переход, обусловленный во многом глубинными процессами социально-экономической эволюции и дерзкими вызовами глобализации, еще далеко не завершен. “Обладая большим авторитетом на международной арене, продолжая процессы демократической трансформации, РК сохраняет полудемократические и даже откровенно авторитарные, с точки зрения западного человека, методы социального регулирования”, — не без основания отмечает автор. Отсюда такие актуальные первооче-

редные задачи демократического транзита, как внедрение "демократии участия" народных масс, упрочение основ реальной парламентской демократии, радикальный пересмотр дискриминационных репрессивных законов в области национальной безопасности, формирование новой гуманистической политической культуры.

В содержательном научном исследовании И.А. Толстокулакова есть, по нашему мнению, один недоработанный сюжет, относящийся к социально-классовым сдвигам в южнокорейском обществе. Переход от авторитаризма к демократии радикально изменил политическую форму южнокорейского общества. Это бесспорно. Но в какой мере модернизация отразилась на перегруппировке и новом балансе социально-классовых сил? Или до политической модернизации и в ее итоге основные социально-классовые силы в РК остались на прежних позициях? Правда, по этому поводу автор пишет: "движущими силами демократического развития в Южной Корее являются и политическая оппозиция, и власти" (С. 192). К борьбе за демократическую модернизацию к оппозиционным политикам и студенческой молодежи примкнула "ин-

теллектуальная и культурная элита", часть трудящегося населения, "наемные работники средних и мелких промышленных предприятий", наконец, "средние слои городского населения" (С. 361). В меньшей степени были готовы к участию в нарастающем демократическом движении консервативно настроенное в целом аграрное население, находившиеся в более привилегированном положении наемные управленцы и рабочие крупных промышленных предприятий, опасавшиеся утратить стабильные заработки. В какой степени столь усложненная и во многом запутанная палитра социально-классовых отношений нашла свое отражение в поставторитарной политической системе РК? Жаль также, что в работе лишь мимоходом говорится о "чеболлизации" страны, или, другими словами, о сложной эволюции взаимоотношений между государством и крупным кланово-олигархическим капиталом, без весомого участия которого немисливо представить масштабный демократический транзит в РК. Но несмотря на эти упущения российское корееведение обогатилось новым фундаментальным историко-политологическим исследованием.

© 2008

*Вл.Ф. Ли,
профессор Дипакадемии МИД РФ,
доктор исторических наук*

Наш юбиляр

Андрею Сергеевичу Крушинскому — 75 лет

9 апреля 2008 г. исполнилось 75 лет заведующему отделом экономики журнала "Проблемы Дальнего Востока" Андрею Сергеевичу Крушинскому.

Имя А.С. Крушинского давно и хорошо известно в китаеведческих кругах. Его жизненный и трудовой путь насыщен интересными и важными событиями. Поступив в 1951 г., по окончании средней школы, в Московский институт востоковедения (МИВ), в 1954 г. в связи с его закрытием он перешел на исторический факультет Московского государственного университета. Во время учебы будущий востоковед участвовал в археологической экспедиции на территории Тувы, где было открыто городище с элементами китайской культуры.

В 1957 г. по окончании учебы в МГУ А.С. Крушинский получил рекомендацию в аспирантуру, но был направлен в Китай, где вплоть до сентября 1959 г. работал в качестве сотрудника Бюро переводов Управления по делам иностранных специалистов при Госсовете КНР. По окончании командировки А.С. Крушинский был награжден Медалью китайско-советской дружбы; в благодарственном письме китайского Управления по делам иностранных специалистов были отмечены его вклад в области перевода и издания лекций, организуемых Управлением, и помощь в повышении квалификации китайских переводчиков.

По возвращении в Москву в сентябре 1959 г. А.С. Крушинский был принят в аспирантуру Института восточных языков при МГУ. Однако проучившись три года и успешно сдав экзамены кандидатского минимума, Андрей Сергеевич был вынужден приостановить работу над диссертацией. Причиной тому явилось резкое ухудшение советско-китайских отношений. Поскольку тема диссертации была связана с историей династии Ляо и переселением части киданей на территорию Центральной Азии, ее защита в тот момент могла косвенно послужить "обоснованию" маоистских территориальных притязаний к СССР. В 1962 г. А.С. Крушинский поступил на работу в газету "Комсомольская правда". До 1966 г. он побывал по линии газеты в краткосрочных командировках в Польше и Непале, а в феврале 1966 г. был направ-

лен в Пекин в качестве регионального корреспондента по Китаю, Вьетнаму, Монголии и КНДР. За время командировки дважды более чем на месяц выезжал во Вьетнам. Предпринял продолжительную поездку по районам, подвергавшимся ежедневным американским бомбардировкам. Серия вьетнамских репортажей А.С. Крушинского была удостоена премии Международного союза журналистов и софийского Международного фестиваля молодежи и студентов. Командировка Андрея Сергеевича совпала с начальным этапом “культурной революции” в Китае. В связи с требованием китайских властей он оказался в составе первой группы советских журналистов, досрочно (в декабре 1966 г.) откомандированных из КНР. По решению Президиума Верховного Совета СССР его корреспондентская работа была отмечена в 1967 г. медалью “За трудовую доблесть”.

В начале 1967 г. А.С. Крушинский был командирован в качестве корреспондента “Комсомольской правды” в Чехословакию. В тот момент мало кто предполагал, что речь идет об очередной “горячей точке”. Работа А.С. Крушинского в ходе событий 1968 г. и последующего “периода нормализации” была отмечена новой правительственной наградой — орденом “Трудового Красного Знамени”. Проработав корреспондентом “Комсомольской правды” в Чехословакии пять лет, А.С. Крушинский был приглашен в “Правду” на должность корреспондента по Китаю. Однако китайские власти отказывали газете в предоставлении аккредитации, в связи с чем вплоть до 1978 г. А.С. Крушинский работал в Москве, в отделе социалистических стран “Правды”, выезжая в краткосрочные командировки в КНДР, Вьетнам, Польшу, Чехословакию.

В 1978—1985 гг. он работал корреспондентом “Правды” в Болгарии, где был удостоен, в частности, премии Союза болгарских журналистов.

По возвращении в Москву Крушинский занял пост обозревателя “Правды” по международным вопросам. В 1987 г. сразу после снятия Пекином запрета на въезд в КНР корреспондентов “Правды” он побывал в Пекине на XIII съезде КПК.

В 1991—1992 гг. А.С. Крушинский работал корреспондентом “Правды” в Чехословакии. Однако в 1993 г. по решению редакции газеты ему пришлось закрыть ее пражский корпункт, который по совпадению был открыт в 1947 г. его отцом, также “правдистом” С.К. Крушинским.

После кратковременного пребывания в Москве в феврале 1993 г. А.С. Крушинский отбыл в Пекин в качестве корреспондента “Правды”, однако в конце того же года ввиду финансовых трудностей газеты ее пекинский корпункт перестал функционировать. В этой ситуации А. Крушинский принял приглашение Международного радио Китая, где проработал четыре года в качестве русскоязычного специалиста. В этот период он был награжден китайской медалью “Дружба”, имя его было внесено в почетную книгу “Друзья Китая”. В начале 1997 г. Андрей Сергеевич перешел на работу в Бюро переводов при ЦК КПК, где трудился на протяжении еще 8 лет. Все это время он продолжал писать корреспонденции в “Правду”, “Парламентскую газету”, “Слово”, “Новое время”, “Труд”, в болгарские и чешские СМИ. Статьи и комментарии А.С. Крушинского, опубликованные в советской, российской и зарубежной печати всегда отличали аналитическая глубина, четкость формы и актуальность содержания.

С февраля 2007 г. А.С. Крушинский работает в журнале “Проблемы Дальнего Востока”, где также проявил себя как профессионал высокого уровня, обладающий широким кругозором, богатым опытом и глубокими знаниями востоковеда, отличными редакторскими навыками, которые он успешно применяет в работе.

Перу журналиста А.С. Крушинского принадлежат книги: “Кричащие батальоны” (о “культурной революции” в КНР), “Люди и бомбы” (о Вьетнаме), “Балканские зори” и “Пять братьев земледельца” (о Болгарии). Он — член авторского коллектива “Нового китайско-русского политико-экономического словаря”, изданного в 2004 г. в Пекине.

За заслуги в деле укрепления российско-китайской дружбы и в связи с 75-летием А.С. Крушинский был награжден Почетным знаком Общества российско-китайской дружбы.

Дирекция ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока” поздравляют Андрея Сергеевича с юбилеем, желают ему крепкого здоровья и новых больших успехов в жизни и творчестве.

Свешников Алексей Анатольевич
06.08.1961 — 03.04.2008

Дирекция и общественные организации Института Дальнего Востока РАН с прискорбием сообщают, что 3 апреля 2008 г. после тяжелой и продолжительной болезни ушел из жизни талантливый отечественный китаевед, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН Алексей Анатольевич Свешников.

После окончания в 1984 г. Института стран Азии и Африки при МГУ Алексей Анатольевич связал свою трудовую жизнь с Институтом Дальнего Востока. Неизменно работая в Центре советско-китайских и российско-китайских отношений и последовательно пройдя все ступени служебного роста от стажера-исследователя до ведущего сотрудника института, Алексей Анатольевич вырос в высококвалифицированного специалиста по теории и практике международных отношений Китая. Блестящее знание китайского языка и искренний интерес к работе с китайскими первоисточниками позволили Алексею Анатольевичу подготовить и защитить фундаментальную диссертацию о советско-китайских отношениях на соискание ученой степени кандидата исторических наук. А его монография "Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников" (1999) и по сей день остается настольной книгой для специалистов, отслеживающих эволюцию политики Пекина на международной арене. Весом вклад Алексея Анатольевича Свешникова в подготовку приобретшей известность в нашей стране и за рубежом коллективной монографии "Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы" (2005); в написание и выпуск ежегодников "Китайская Народная Республика — политика, экономика, культура" и тематических сборников "Китай в мировой и региональной политике (история и современность)". Последняя публикация Алексея Анатольевича — статья "Позиция КНР по актуальным проблемам современного мира" — вошла в только что изданную коллективную монографию "Россия и мир в начале XXI века: новые вызовы и новые возможности" (2007).

Друзья и коллеги Алексея Анатольевича скорбят по поводу кончины этого замечательного человека и приносят глубокие соболезнования его родным и близким.

Светлая память об Алексее Анатольевиче Свешникове навсегда останется в наших сердцах.

*Дирекция, общественные организации
и сотрудники ИДВ РАН
Редколлегия и редакция журнала
"Проблемы Дальнего Востока"*

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлекцией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала
Елене Александровне Лапшиной по телефону 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

*При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 20.04.2008 г. Подписано к печати 19.05.2008 г. Формат бумаги 70x100 ¹/₈
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 12,8 тыс. Уч.-изд. л. 14,5 Бум. л. 6,0
Тираж 799 экз. Зак. 187

Издатель: Академиздатцентр "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2008 г. Дмитрий Славинский

Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.